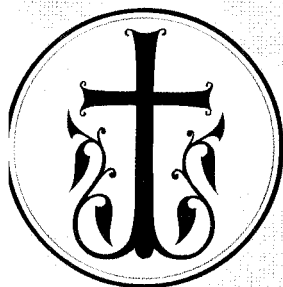

№ 1 (8) 1999

Церковь и время

НАУЧНО-БОГОСЛОВСКИЙ И ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

К 70-летию со дня рождения
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

- *Святейший Патриарх Московский и всея Руси
АЛЕКСИЙ II*
«Я С НАДЕЖДОЙ СМОТРЮ
НА XXI ВЕК...»
- *Святейший Патриарх Московский и всея Руси
АЛЕКСИЙ II*
Слова, речи и интервью разных лет
- *Митрополит Смоленский и Калининградский
КИРИЛЛ*
«Церковь большинства в условиях
религиозной свободы»
- *Епископ Диоклийский **КААЛИСТ***
Сила Имени. Иисусова молитва в
православной духовности

*Вникай в обстоятельства времени.
Ожидай Того, Кто выше времени.*

Священномученик ИГНАТИЙ БОГОНОСЕЦ

ЦЕРКОВЬ И ВРЕМЯ

Научно-богословский и церковно-общественный журнал

№ 1 (8) 1999

Журнал издается Отделом внешних церковных сношений
Московского Патриархата

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информации
Российской Федерации

Свидетельство о регистрации № 922 от 13 июня 1991 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Митрополит Смоленский и Калининградский КИРИЛЛ

Заместитель главного редактора:

Иеромонах Иларион (Алфеев)

Члены редакционной коллегии:

Протопресвитер Виталий Боровой

Архимандрит Елисей (Ганаба)

Протоиерей Всеволод Чаплин

Священник Владимир Кучумов

А. С. Буевский

Ответственный секретарь:

Е. Ю. Петровский

Выпускающий редактор:

И. В. Соловьев

Адрес редакции:

113191, РОССИЯ, Москва, Даниловский вал, 22

Отдел внешних церковных сношений

Редакция журнала "Церковь и время"

Телефакс +7-095-230-26-19

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнения авторов статей, помещенных в журнале,
не всегда совпадают с мнением редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДСТОЯТЕЛЬ

К 70-летию со дня рождения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II

От редакции	6
«Я с надеждой смотрю на XXI век» Беседа Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II с корреспондентом журнала «Церковь и время»	8
Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II Слова, речи и интервью разных лет. Слово при наречении во епископа»	22
Слово в день интронизации в Богоявленском Патриаршем соборе 10 июня 1990 г.	24
Слово на открытии II Европейской экуменической ассамблеи	28
Каким быть священнику?	35
Земля вверена человеку Богом	45
«Не ваше дело знать времена или сроки...»	49
Трудный путь драматического века	55

ХРИСТИАНСТВО И ЭКОЛОГИЯ

Митрополит Таллиннский и Эстонский Алексей Христианский взгляд на экологическую проблему	62
---	----

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

<i>Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл</i> Церковь большинства в условиях религиозной свободы.....	85
<i>А. Осипов</i> Свобода христианина, свобода Церкви и религиозная свобода в православном понимании	101
<i>Е. Сперанская</i> Взгляд православного мирянина на свободу церкви и религиозную свободу в современном обществе	113

ЦЕРКОВЬ И МОЛОДЕЖЬ

<i>Архиепископ Костромской и Галичский Александр</i> «Молиться, трудиться и делать добро людям».....	120
---	-----

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ДОКУМЕНТАХ

<i>От редакции</i>	134
Определение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви «О взаимоотношении Церкви с государством и светским обществом на канонической территории Московского Патриархата в настоящее время».....	136
Послание Архиерейского Собора Русской Православной Церкви боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Русской Православной Церкви	143
Обращение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви в связи с началом воссоздания храма Христа Спасителя.....	149
Его Превосходительству Б. Н. Ельцину Президенту Российской Федерации	151

МИССИЯ ПРАВОСЛАВИЯ

<i>Священник Дионисий Поздняев</i> Материалы по истории миссии Русской Православной Церкви	154
--	-----

<i>Священник Виталий Зубков</i> Деятельность греческих православных приходов и миссионерских организаций в Индии.....	181
---	-----

БОГОСЛОВИЕ

<i>Епископ Диоклийский Каллист (Уэр)</i> Сила Имени. Молитва Иисусова в православной духовности	187
--	-----

АРХИВ

**Из переписки Заместителя Патриаршего Местоблюстителя
митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского)
и митрополита Евлогия (Георгиевского),
Управляющего православными русскими церквами
в Западной Европе**

Документы из Архива Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата	218
--	-----

ПРЕДСТОЯТЕЛЬ

К 70-летию со дня рождения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II

От редакции

23 февраля 1999 года исполнилось 70 лет Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси АЛЕКСИЮ II.

Святейший Патриарх возглавил Русскую Православную Церковь в нелегкое время, когда крушение прежней политико-государственной системы породило невиданный по своим масштабам общий кризис, затронувший все слои населения России. Этот кризис характеризуют непрекращающиеся межэтнические и межрелигиозные конфликты, безудержный рост преступности, экономические трудности и связанные с ними тяжелейшие социальные проблемы — как материального, так и духовного свойства. Все это привело, с одной стороны, к тотальному обнищанию целых социальных групп людей и к потере ими веры в социальную справедливость, с другой — к возникновению реальной угрозы утраты нашими соотечественниками традиционных духовных ориентиров, чему в немалой степени способствует деятельность обосновавшихся в России зарубежных миссионеров. Комплекс проблем дополнился и серьезными церковными нестроениями на Украине: возникновением раскольнических «церковных» образований и экспансией греко-католиков на Западной Украине.

Подобно многоопытному кормчему, умело направляющему свой корабль посреди бурного моря, Предстоятель Русской Православной Церкви твердо ведет Церковь через все невзгоды и трудности века сего. Под руководством Святейшего Патриарха Церковь даже в эти беспокойные годы сохранила и приумножила стадо своих верных чад. Восстановлены из руин тысячи храмов, в сотнях монастырей возрождена монашеская жизнь, тысячи православных верующих обрели возможность получить богословское образование. Огромное внимание Священноначалие Русской Православной Церкви и лично Святейший Патриарх

От редакции

уделяют развитию системы духовного образования в России, возрождению книгоиздательской деятельности. Много сделано для укрепления рабочих контактов с Поместными Православными Церквами, с иными христианскими конфессиями в России и за рубежом.

Благодаря трудам Его Святейшества и Священного Синода усилились позиции Русской Православной Церкви в государственной и общественной жизни нашей страны. Достаточно сказать, что ни одно событие общенационального значения не происходит без участия представителей Священноначалия Русской Православной Церкви, которая всегда играла роль объединяющей и примиряющей силы общества. Церковь устами своего Предстоятеля неизменно поднимает свой голос в защиту обездоленных, делает все возможное для восстановления социальной справедливости.

Ниже публикуется интервью, которое Святейший Патриарх Алексий II дал корреспонденту журнала «Церковь и время» накануне своего 70-летия, а также подборка выступлений Святейшего Патриарха за разные годы.

Редакция журнала «Церковь и время» поздравляет Его Святейшество со знаменательным юбилеем, желает здоровья, долголетия и преизобильной милости Божией в его первосвященническом служении Русской Православной Церкви.

«Я С НАДЕЖДОЙ СМОТРЮ НА XXI ВЕК...»

*Беседа Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II*

*с корреспондентом журнала «Церковь и время»
28 января 1999 г.*

— *Ваше Святейшество, с какими чувствами Вы встречаете свой семидесятилетний юбилей?*

— Памятуя слова псалмопевца: «Дни лет наших в них же семьдесят лет, аще же в силах — осмьдесят лет, и множае их труд и болезнь» (Пс. 89:10). Конечно, в пятьдесят лет человек с большими надеждами смотрит в будущее, но все в руках Божиих, и никто из нас не знает, сколько Господь кому даст времени для жизни. Поэтому, пока Господь дает это время, надо совершать свой жизненный путь и нести тот крест, который на каждого из нас возложен. На Патриарха возложена ответственность и за современную Церковь Русскую, предстоятелем которой Господь судил мне быть, и за ее будущее — за то, какой она войдет в XXI век. Мы сейчас стоим на рубеже веков и тысячелетий. Для народов, окормляемых Русской Православной Церковью, уходящий XX век был трагическим: огромное количество жертв, потерь людских, разрушений. И, по-моему, самое страшное разрушение, произошедшее у нас, это разрушение духа. 70 лет воинствующего атеизма еще долго будут давать о себе знать. И долго еще нелегко будет людям, родившимся в послереволюционный период, обрести дорогу к Богу, к храму.

— *Вся Ваша сознательная жизнь посвящена служению Церкви Христовой. Не могли бы Вы рассказать, как созрело в Вас желание посвятить себя служению Богу?*

— У меня не было никаких других стремлений, я не мыслил ни о каком другом пути. Единственным желанием с детских лет было стать священнослужителем. С шести лет я начал прислу-

живать в церкви. Большое впечатление на меня произвели и большую роль в моем становлении сыграли паломнические поездки, которые мы с родителями совершали и в Псково-Печерский монастырь, и в Пюхтицкий Успенский женский монастырь, где в летнее время для русских, живших в Эстонии, проводились дни русской культуры, певческие праздники.

Особое впечатление произвело на меня паломничество в Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, который в 1938—1939 гг. посещали мои родители вместе со мною. Это было незабываемое паломничество, и Валаамский монастырь оставил у меня неизгладимое впечатление. Особенно мне запомнились духоносные старцы, которые умели подойти и к взрослому человеку, и к мальчику. Сохранилась переписка с одним из валаамских старцев, архивариусом монастыря, монахом Иувианом, который мне, девяти-десятилетнему мальчику, писал трогательные письма (они опубликованы в книге «Валаамский летописец». Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993). Духовная связь сохранялась не только во время пребывания на Валааме, но и после. Опыт пастырского душепопечительства, особого подхода к людям являли и схиигумен Иоанн, и настоятель Валаамского монастыря игумен Харитон, и иеросхимонах Ефрем, и иеромонах Памва, и старец схимонах Николай на Коневском скиту. Они деятельно являли любовь к людям, были доступными для всех, кто к ним обращался. Дважды, в 1938 и в 1939 году, родители мои посещали Валаам и брали меня в это паломничество. Особенно трогательным было паломничество в конце августа 1939 г., когда мы во второй раз побывали на Валааме. Это было накануне начала Второй мировой войны, и ясно ощущалось, что это последнее такое паломничество. Помню, что перед отплытием парохода с острова и отъезжающие, и провожающие со слезами на глазах пели гимн «О дивный остров Валаам». Во многом Валаамский монастырь и общение с валаамскими старцами предопределили мой жизненный путь.

Возможность получить богословское образование представилась только уже в послевоенные годы, да и то не сразу. В 1946 году я поступал в Ленинградскую духовную семинарию, но не был принят, потому что мне не было 18 лет: тогда к этому подходили строго. Только на следующий год, в 1947 году, сдав экзамены за два класса, я поступил в 3-й класс Ленинградской духовной семинарии. На протяжении всей моей сознательной

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

жизни, с того момента, как я начал прислуживать, был посошником, книгодержцем и иподиаконом у таллинских архипастырей, всегда видел я перед собой одну цель — предстоять Престолу Божию.

— Какую роль в Вашем духовном формировании сыграл Ваш духовный отец, протоиерей Иоанн Богоявленский, а также те архипастыри, у которых Вы в юности иподиаконствовали?

— Каждый из них оставил глубокий след в моей душе, сыграл существенную роль в моем становлении, особенно, конечно, протоиерей Иоанн Богоявленский (впоследствии — преосвященный епископ Исидор), который обладал огромным жизненным и духовным опытом. Он был духовником многих жителей города Таллина, был моим законоучителем в школе, он меня крестил, я у него прислуживал в храме, был иподиаконом у него, когда он стал епископом. На протяжении всего моего детства и отрочества он был моим духовным отцом.

Оставил след в моей душе и отец Александр Киселев, у которого после своего рукоположения мой отец в течение двух лет был диаконом, а я прислуживал. Много лет спустя, в восьмидесятые годы, мы вновь встретились с отцом Александром, с теплотой вспоминали то время. Отец протопресвитер Александр Киселев, думаю, единственный из оставшихся в живых духовных лиц, с которыми связано мое становление, связаны мои детские и юношеские годы.

Каждый из архипастырей, у которых я иподиаконствовал, оставлял свой след в моей душе, потому что каждый из них являл образец преданного служения Церкви. Например, архиепископ Павел (Димитровский), человек болезненный, страдавший стенокардией, преодолевая свои немощи и болезни, истово совершал богослужения, являл пример верности Московскому патриаршему престолу, верности своему пастырскому долгу и своему высокому служению. Все они черпали в предстоянии у Престола Божия силы для совершения своего жизненного подвига. Всегда молитвенно вспоминаю их, ибо они примером своей жизни и своего служения, научали нас, молодых людей, тогда только помогавших в службе Божией, быть преданными Церкви Христовой.

— *Ваше Святейшество, чем Вам запомнился довоенный православный Таллин?*

— Спокойной жизнью. Не было никаких опасностей, угроз, не было того, что пришло в 40-м году, когда начались массовые вывозы из Эстонии в Сибирь. Это была размеренная, спокойная жизнь, хотя, может быть, и не такая уж легкая. Все русские, которые жили в Таллине — будь то коренные жители Эстонии или люди, эмигрировавшие из России в послереволюционный период, — были тесно связаны с церковной жизнью. Главным духовным центром был Александро-Невский кафедральный собор, а с 1936 года — Симеоновская церковь, когда русский приход из Александро-Невского собора был туда переведен. Вся жизнь и деятельность православных русских была так или иначе связана с этими приходами, хотя в Таллине были и другие храмы. В каждом приходе были свои уважаемые и опытные священнослужители, которые духовно окормляли и поддерживали православных верующих Таллина; каждый приход был живой и сплоченной общиной. По сути, приходская жизнь составляла основное духовное содержание жизни православных верующих Таллина.

— *Сохранялась ли у Таллинской епархии постоянная связь с Московским Патриархатом?*

— До 40-го года такой связи не было, потому что с 1923 года Православная Церковь Эстонии находилась в канонической юрисдикции Константинопольского Патриархата. В 1923 году митрополит Таллинский и всея Эстонии Александр, получив широкую автономию от Святейшего Патриарха Тихона, обратился от имени Синода Эстонской Церкви к Патриарху Константинопольскому с просьбой о даровании автокефалии; была же дарована автономия. Но зависимость от Константинополя в Эстонии никак не ощущалась, ибо никто из Константинополя в Таллин никогда не приезжал. Вследствие вышесказанного, живой, евхаристической связи до 1940 года с Московским Патриархатом не было. В 1940 году произошло воссоединение, но, к сожалению, не надолго, потому что с момента оккупации Эстонии немецкими войсками митрополит Александр с эстонской частью духовенства Православной Церкви Эстонии вновь ото-

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

шел от Московского Патриархата. А архиепископ Павел, возглавлявший Нарвскую епархию, сохранил каноническое единство с Московским Патриархатом.

— Ваше Святейшество, расскажите, пожалуйста, о годах Вашего обучения в Ленинградских духовных школах. Эти школы были восстановлены в 1946 году, и Вы были одним из первых студентов...

— Сейчас я едва ли не единственный человек, который присутствовал на открытии Ленинградской духовной семинарии и академии в 1946 году. В торжественном акте открытия участвовали Святейший Патриарх Алексий I, митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий, и архиепископ Филадельфийский Адам. У меня годы учебы оставили неизгладимое впечатление. В то время председателем учебного комитета Московского Патриархата был митрополит Григорий — последний ректор Богословского института, закрытого в 1927 году. В тяжелые 30-е и 40-е годы он сохранил связь с теми преподавателями и профессорами, кандидатами и магистрами богословия старой Санкт-Петербургской духовной академии, которые до 1927 года преподавали в Богословском институте. Он сумел их привлечь в возрожденные Ленинградские духовные школы. Некоторые из них, придя в духовные школы в преклонном возрасте, буквально спели свою «лебединую песню». Они не только делились с нами своими знаниями, но они давали пример глубокой веры и глубочайшего уважения к Слову Божию, к мученическим актам, к истории древней Церкви.

Мне вспоминается профессор Александр Иванович Сагарда, который прожил всего два года после начала педагогической деятельности в ЛДА. Он читал у нас Священное Писание Нового Завета. А в классе нашем были люди разного возраста; один из пожилых студентов, Иван Самуилович Трошин, фельдшер по образованию, заведовал медпунктом Ленинградской академии, поэтому часто отрывался от занятий и не всегда хорошо отвечал. Один раз на уроке Священного Писания он отвечал, не выучив толком урока, и чувствовалось, как Александр Иванович нервничает и расстраивается. Потом он взял Евангелие и сказал: «Вы должны полюбить эту книгу». Сказал с таким чувством, что на всю жизнь его слова врезались нам в память и соз-

вание. Когда он читал лекции по истории древней Церкви и говорил о мученических актах, он иногда так переживал до слез, что вынужден был выходить в коридор: походит, успокоится и продолжает прерванную лекцию.

Многие из преподавателей прошли через горнило испытаний. Будучи магистрами, кандидатами богословия старой академии, не могли работать по специальности... Испытания, мученичество, исповедничество первых веков христианства были им близки: они прошли через 30-е годы, пережив такие же испытания и страдания, будучи сами исповедниками.

Сергей Алексеевич Купресов, у которого была очень сложная жизнь, — его единственный сын был психически больным — запомнился нам стоящим за богослужением в вечерние часы, на хорах храма Ленинградской духовной академии в глубокой молитве или молящимся перед иконой Знамения Божией Матери.

Конечно, можно назвать еще очень многих: и Василия Васильевича Четыркина, человека, может быть, сухого, но обладавшего огромными знаниями, и Александра Ивановича Макаровского, и Николая Дмитриевича Успенского, и многих-многих других, которые действительно обеспечивали преемство и связь старой духовной школы с возрожденными духовными школами. И промыслительно, что все-таки перерыв в богословском образовании был меньше двадцати лет; если бы он был лет 25—30, этого преемства уже не было бы, и никто не смог бы передать нам то, что передали они — выпускники дореволюционной духовной академии.

— *Ваше Святейшество, какими Вам запомнились те годы, когда Церковь была фактически гонимой? И как бы Вы сравнили сегодняшнюю атмосферу в Церкви с тем духом, который тогда царил в ней? Иными словами, какова разница между Церковью торжествующей и Церковью гонимой — Церковью тех лет, когда быть христианином означало быть готовым к подвигу, к исповедничеству и мученичеству?*

— Даже если судить по семинариям и академиям, есть разница между тем временем и нынешним временем. В послевоенные годы в духовные школы поступили те люди, которые имели огромное желание и чувство глубокого призвания к пастырскому служению. Они исключительно ценили возможность полу-

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

чить богословское образование, они с воодушевлением проходили курс обучения. Сейчас мы, может быть, меньше это ценим, потому что считаем это естественным. Для многих нынешних молодых священников те трудные годы, которые пришлось пережить нам, людям старшего поколения, остаются совершенно непонятными. Ведь сегодня каждый священник, где бы он ни служил, может прийти к главе администрации города и района, и его принимают, с ним разговаривают, ему помогают. А раньше было по-другому. Даже когда я в 1986 году был назначен митрополитом Ленинградским и Новгородским, я в первую неделю своего пребывания на кафедре сказал уполномоченному, что хотел бы нанести визит председателю Ленинградского городского Совета. Мне было очень жестко сказано: «Этого в Ленинграде никогда не было и не будет». Эта фраза отражала отношение к Церкви. Через год только я встретился с председателем Ленинградского Совета, и он спросил у меня: «Вы в первый раз в Совете?» Я ответил в присутствии уполномоченного: «Меня сюда не пускали». — «Как не пускали?» Я рассказал, как меня не пускали, на что он сказал: «Двери Ленинградского Совета для Вас открыты днем и ночью».

Прибыв на Ленинградскую кафедру, я почувствовал большую разницу по сравнению с Таллином. При всех сложностях, Церковь в Эстонии замечали; считались с ней или нет — это вопрос сложный, но во всяком случае, ее видели. А в Ленинграде ее не замечали, ее игнорировали, ее как будто не существовало. За четыре года служения в Ленинграде мне вместе с духовенством Ленинградской епархии и с верующими, с Божией помощью, удалось изменить ситуацию, и Церковь стали замечать. Свое служение на Санкт-Петербургской кафедре я вспоминаю как очень доброе время, когда изменялось то положение Церкви, которое существовало на протяжении многих лет в Советском Союзе.

— *Позвольте, Ваше Святейшество, вернуться немного назад. Не могли бы Вы рассказать о первых годах Вашего священнослужения, о Ваших первых приходах: Богоявленской церкви города Йыхви, Успенском соборе города Тарту? И несколько слов о том, что прежде всего привлекало Вас в служении священника: предстояние Престолу Божию, проповедь, пастырское душепопечение?*

— Совсем молодым — мне был 21 год — я стал священником и настоятелем Богоявленской церкви в городе Йыхви. Это был шахтерский город. Здесь я столкнулся с горем людским, со страданиями, потому что процветал алкоголизм, часто люди гибли в шахтах, семьи теряли кормильцев, вдовы и семьи приходили со своим горем в церковь. Мне приходилось отпевать и хоронить умерших, разделять горе людей, которые потеряли кормильца неожиданно. Когда человек болеет, есть какое-то время для подготовки близких и родных, а неожиданная смерть всегда особенно тяжела. Это был трудный приход, но каждый первый приход в душе священнослужителя оставляет особое чувство любви к первому Престолу, к первому храму.

Совсем иным был Успенский собор города Тарту. Это университетский город, там осталась еще старая русская университетская интеллигенция. Многие образованные люди были в приходском совете и мне всячески помогали; они делились со мной своим уникальным жизненным опытом, опытом своей активной деятельности в приходской жизни. Вспоминается начало 1961 года, трудный период. У меня за свечным ящиком стоял очень интеллигентный человек — Григорий Никандрович. Он приходит ко мне и говорит: «Батюшка, пришел какой-то человек. В воскресенье крестили его ребенка. Он атеист, и когда узнал, что окрестили его ребенка, требует его “раскрестить”». Я спрашиваю: «И что же Вы ему сказали?» «Я ему сказал: “Раз Вы атеист, значит Вы ни во что не верите?” — “Ни во что не верю”. — “Что же Вы тогда так волнуетесь? Если Вы ни во что не верите, значит, ничего и не произошло с Вашим ребенком”. Тот ушел». Он с каждым мог поговорить, каждого мог успокоить. Четыре года служения в Успенском соборе Тарту тоже остались у меня в душе как очень хорошие годы пастырского служения.

Вы спросили, что привлекало меня в пастырском служении? Само служение, в первую очередь литургическая жизнь, затем общение с людьми, душепопечительство. И в первые годы своего архиерейского служения я тосковал по тем приходским службам, которые были доступны мне как рядовому священнику, потому что архиерейское служение связано с определенным ритуалом, требует торжественной обстановки. Став архиереем, я лишился тех приходских служб, которые священник совершает вместе со своей малой паствой, в «узком кругу» прихожан.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

— Как изменилась Ваша жизнь после рукоположения во епископа? С какими проблемами и трудностями сталкивались Вы в бытность управляющим Таллинско-Эстонской епархией? И как удавалось Вам отстоять храмы епархии, в частности Пюхтицкий монастырь, в «хрущевские годы»?

— С проблемой сохранения Пюхтицкого монастыря и целого ряда приходов Таллинской епархии я столкнулся в первые же недели моего архиерейского служения. Моя хиротония состоялась 3 сентября 1961 года. Уже до этого власти приняли решение о том, что с 1 октября Пюхтицкий монастырь должен быть передан под дом отдыха шахтеров Кохтла-Ярвесского района. Мне об этом сообщили, передав также список из 36 приходов, в основном эстонских, которые были названы “нерентабельными” и которые подлежали закрытию. Мне стоило больших усилий убедить власти, что я не могу начинать свое епископское служение с закрытия монастыря. Мне говорили, что решение принято до меня, но, — отвечал я, — закрытие-то произойдет при мне; я же не могу всем объяснять, что решение было принято до меня, и я не могу начинать свое епископское служение с закрытия монастыря и храмов. И это, в конце концов, поняли; закрытие было отложено. А в конце апреля 1962 года я был уже заместителем Председателя ОВЦС, и мне удалось привезти в Пюхтицкий монастырь делегацию Евангелической Церкви ГДР: 18 человек во главе с президентом Густавом Якобом. Появились фотографии в немецких газетах, восторженные отзывы о приеме, описания монастыря. Потом монастырь посетили делегации Национального Совета Церквей Христа, Протестантской Федерации Франции, Всемирного Совета Церквей. После этого вопрос о закрытии Пюхтицкого монастыря отпал. В то время, конечно, большую помощь оказывали внешние межцерковные связи, которые осуществляла Русская Православная Церковь. Благодаря этим связям нам удавалось сохранить и монастыри, и приходы.

В бытность мою управляющим Таллинской епархией несколько приходов все же были закрыты, но это те, в которых не оставалось прихожан. Ведь когда приходы создавались, нередко выделялась бросовая земля, находившаяся в 3—4 километрах от населенных пунктов. Пока существовала хуторская система и у каждого хутора были свои лошадки, люди могли

приезжать в храм. Когда же началась коллективизация и всех стали объединять в поселки, сообщение стало трудным, и посещаемость резко уменьшилась. Целый ряд приходов я поддерживал, выплачивая из епархиальных (добавляя и из личных) средств налоги за строения, землю и страховку, чтобы убедиться, что прихожан действительно нет. Священникам, особенно окормлявшим эстонские приходы, было нелегко, и я старался их поощрить, ободрить. Многим священнослужителям была начислена пенсия даже до достижения ими пенсионного возраста, так как приход не мог их материально обеспечить. Но главное, они не имели морального удовлетворения, совершая службу Божию в почти пустом храме. В эстонских приходах даже возникла такая поговорка: «Сам служу, сам пою, сам кадило подаю».

— *Вы упомянули о том, что были заместителем Председателя Отдела внешних церковных сношений. Как Вам запомнился тогдашний Председатель Отдела, митрополит Никодим? И для чего вообще Церкви нужны были внешние связи и по каким направлениям они развивались?*

— В то время связи развивались по двум направлениям. Осуществлялось миротворческое служение не только на межхристианском, но и на межрелигиозном уровне. Контакты с зарубежными религиозными деятелями помогали Церкви и религиозным объединениям тогдашнего Советского Союза выстоять. Наша Церковь многократно выступала с инициативой проведения миротворческих форумов, начиная с 1952 года, когда первая такая встреча состоялась в Троице-Сергиевой Лавре. Западный мир еще очень мало знал о Православии и не понимал значения Православия. Наше присутствие в международных организациях было свидетельством о традициях Православия, о его литургической жизни. В то же самое время оно помогало сохранить Церковь внутри страны, особенно в период хрущевских репрессий, которые в основном осуществлялись административными мерами, путем массового закрытия приходов.

Владыка митрополит Никодим был неутомим в те годы. С огромной энергией он осуществлял свое служение и развивал межцерковное сотрудничество. Нам, молодым, бывало нелегко, порой приходилось работать «в две смены», потому что было

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

много встреч и контактов с приезжавшими к нам делегациями и много выездов наших делегаций за рубеж.

— *Что изменилось в Вашей жизни после избрания на Московский Патриарший престол? С какими проблемами Вы как Предстоятель Церкви столкнулись в первые годы патриаршества?*

— В конце 80-х годов мы ощущали ненормальность государственно-церковных отношений. В 1986 году я написал письмо М. С. Горбачеву о необходимости пересмотреть взаимоотношения между Церковью и государством. Я решительно против того, чтобы Церковь была государственной. Церковь и государство должны быть разделены; но опыт показывает, что Церковь, будучи государственной, становится ведомственной структурой, частью государственного аппарата. С нравственных позиций Церковь же должна давать оценку тому, что происходит в стране, в мире. А это возможно, только если Церковь будет отделена от государства. Но у Церкви и государства есть много общих задач, которые надо решать вместе, например, нравственное здоровье нашего общества, сохранение памятников, которые дошли до нас, сохранение мира и согласия в обществе, сохранение среды обитания — все это вопросы, которые тесно связаны с нравственными основами, и в решении их должно быть взаимодействие между государством и Церковью. Об этом я и написал в 1986 году, но тогда это не было воспринято. Может быть, в результате этого я и оказался на Ленинградской кафедре, утратив пост управляющего делами Московской Патриархии.

— *Это была Ваша личная инициатива — написать письмо Горбачеву?*

— Это была моя личная инициатива как постоянного члена Священного Синода, иерарха Русской Православной Церкви.

Положение стало изменяться после встречи Патриарха Пимена и членов Священного Синода с М. С. Горбачевым, когда, в преддверии 1000-летия Крещения Руси, мы поставили более тридцати вопросов по нормализации церковно-государственных отношений. И хотя в начале 80-х годов, когда мы образовывали комиссию по подготовке празднования 1000-летия Крещения Ру-

си, в Совете по делам религий нам говорили, что это чисто внутрицерковный праздник — ни государство, ни общественность, ни представители науки не будут принимать в нем участия, — юбилей вылился все-таки во всенародное празднование, в осознание общей купели. Празднование 1000-летия стало вторым крещением Руси.

В 1990 году, после кончины Патриарха Пимена, был созван Поместный Собор. В то время я был на Ленинградской кафедре, и это служение занимало все мое время; то, что удалось сделать, меня удовлетворяло, поэтому я не вел никакой «предвыборной кампании» — в этом моя совесть чиста. Но на Соборе — сначала на Архиерейском потом на Поместном — я почувствовал, что сия чаша может не миновать меня. Будучи в течении девяти лет вблизи Патриарха Алексия I и много лет проработав с Патриархом Пименом, я знал, сколь нелегким является служение Патриарха — это крестное служение. Я сознавал ту огромную ответственность, которая в изменяющихся условиях жизни общества ляжет на Предстоятеля Церкви, ответственность за будущее Церкви, которое закладывалось в 90-е годы. Ведь необходимо было возродить не только разрушенные храмы и обители, но и все многообразие церковной жизни и служения: религиозное образование, социальное служение в больницах, домах престарелых, детских домах, местах заключения, среди военнослужащих, которые осознают себя православными или корнями уходят в Православие. Огромные задачи делились в тот период!

Сейчас, оглядываясь на восемь с половиной минувших лет, я вижу, что только с Божией помощью многое удалось сделать, но, конечно, не все, что нужно осуществить. И семьдесят лет воспитания в духе атеизма будут еще долго о себе напоминать. Ведь не случайно, когда пророк Моисей вывел избранный народ из египетского плена, он сорок лет водил людей по пустыне, чтобы ушло поколение с рабским менталитетом. И сейчас мы не можем ожидать, что за пять-десять лет изменится менталитет людей. Сегодня многие люди осознают, что необходим нравственный, духовный стержень, без которого нельзя жить. Все больше и больше людей обретают дорогу к Богу, и у многих возрастает сознание необходимости руководствоваться евангельскими законами, особенно в преддверии великого Юбилея. Нашему народу, так же как и секуляризованному Западу, нуж-

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

но, отмечая двухтысячелетие Рождества Христова, вернуться к вечно живым истинам Евангелия, которые принес на землю Господь наш и Спаситель Иисус Христос. Тогда изменится жизнь людей и их отношение друг к другу, и легче будет нашим странам решать экономические и социальные вопросы. Ибо, не имея нравственных основ, невозможно решить те проблемы, что сегодня стоят перед обществом.

— *Ваше Святейшество, годы Вашего патриаршества совпали с эпохальными переменами в жизни страны. И сейчас приближается еще один рубеж — двухтысячелетие Рождества Христова. Заканчивается XX век, начинается новая эпоха. С какими чувствами смотрите Вы на XXI век, на третье тысячелетие?*

— Я с надеждой смотрю на XXI век и начало третьего тысячелетия. С надеждой на то, что он для Руси, для тех стран, где живут чада Русской Православной Церкви, не будет столь трагичным, как век уходящий: две мировые войны, гражданская война, репрессии, сонм новомучеников. Я убежден, что кровью новомучеников утверждается Церковь Христова: так было в первые века христианства, во время римских гонений, и так было в XX веке. То, что сегодня происходит возрождение и веры, и духовной жизни, происходит благодаря исповедническому подвигу новомучеников, которые страдали и отдали свои жизни, являя исповедничество веры Христовой. Распад великой державы и многие другие потрясения довелось нам пережить в XX веке! Дай Бог, чтобы для многострадальных народов нашей Руси наступающий век был более благоприятным.

Наши народы являют удивительное терпение. Я особенно остро осознал это, будучи в позапрошлом году во Владимирской области, в городе Киржаче. После совершенного мною молебна на территории Благовещенского монастыря по программе было посещение концерта духовной музыки в местном доме культуры. Когда я подъехал к дому культуры, я увидел, как плотной стеной стояли с двух сторон люди. Подходя к ним, я говорил, что теперь Киржач для меня не просто географическое понятие, а живые люди, что я желаю им здоровья, мира. А мне в одном, другом, третьем месте сказали: «Пожелайте нам терпения». Потом, выступая в доме культуры, я сказал: «Удивителен наш на-

род. Перед таким народом надо низко поклониться. Он не просит себе счастья, благополучия. Он являет великое терпение и просит еще терпения, дополнительного терпения, чтобы нести свой крест». И вот такой народ, конечно, заслужил, чтобы новый век был для него более благоприятным, успешным и благословенным.

— *Ваши пожелания читателям журнала «Церковь и время».*

— Читателям журнала «Церковь и время» я желаю, чтобы они осмысленно подходили к тем проблемам, которые сегодня возникают в нашей жизни, чтобы осмысленно подходили к значению Церкви в жизни каждого человека. Церковь не ограничивается только временем богослужений, временем общей молитвы. Есть такое богословское понятие: «литургия после Литургии». Дело Христово, которое мы вспоминаем во время Божественной Евхаристии, должно продолжаться в нашей повседневной жизни, в общении с окружающими нас. И если мы дело Христово и любовь Христову будем приумножать в нашей повседневной жизни, мы действительно будем истинными последователями Спасителя, и «уразумеют все, что вы Мои ученики, потому что любовь имеете между собою».

— *От имени всех читателей журнала разрешите поздравить Вас с юбилеем, пожелать Вам доброго здоровья и еще многих благодатных лет служения на пользу Святой Церкви Христовой.*

— Спасибо за поздравление... Благодарю за добрые пожелания. И сколько бы Господь ни дал дней и лет жизни, я буду совершать свое служение, укрепляемый благодатью Божией, с помощью архипастырей, пастырей и народа Божия, который своими молитвами и своей любовью помогает и поддерживает каждого из нас, в том числе и меня, Предстоятеля Церкви.

Беседовал иеромонах Иларион (Алфеев)

*Святейший Патриарх Московский и всея Руси
АЛЕКСИЙ II*

СЛОВА, РЕЧИ И ИНТЕРВЬЮ РАЗНЫХ ЛЕТ

СЛОВО ПРИ НАРЕЧЕНИИ ВО ЕПИСКОПА

*Опубликовано в журнале Московской Патриархии
1961 г. № 10*

Ваши Преосвященства, богомудрые архипастыри и отцы! С великим смущением и трепетом узнал я об определении Его Святейшества, Святейшего Патриарха, и Священного при нем Синода, призывающем меня, недостойного, к великому апостольскому служению в Святой Церкви в сане епископа.

Сознаю высоту этого служения, ту ответственность перед Богом, какую возлагает на человека немощного и слабого сей сан. Сознаю трудности предстоящего мне служения в пределах Эстонской епархии, условия которой знаю по моему малому опыту пастырской работы в этой епархии.

Высоты пастырского, а тем более архипастырского, служения страшились и уклонялись от него вселенские великие святители и учителя Церкви, при высоте своего богословствующего ума, чистоте сердца и жизни.

Сознаю свою немощь, неопытность, молодость и в эти великие, святые минуты своей жизни всецело возлагаю все свое упование на Господа, от Которого «исправляются стопы человеку» (Псал. 36:23). Верю, что по воле Божией совершается и ныне наречение моего недостойнства, ибо Сам Господь, по слову апостола, дает Церкви Своей пастырей и учителей (Ефес. 4:11) и Духом Святым поставляет их «пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе кровию Своею» (Деян. 20:28).

С юных лет в моем сердце была любовь к храму Божьему и в глубине своей души я слышал голос, зовущий: «иди по Мне»

(Лк. 5:27). В юные годы я любил прислуживать при богослужениях, а затем, по получении богословского образования и принятия благодати священства, в течение одиннадцати лет проходил пастырское служение, черпая силы для его прохождения в молитве и укрепляющей силе Божественной благодати, которая «немогущая врачует и оскудевающая восполняет». Теперь мне предстоит еще более трудный подвиг в сане епископа. Перед моим духовным взором в качестве идеала истинного пастыря рисуется образ Божественного Пастыреначальника Господа Иисуса Христа. Вспоминаются его заветы святым апостолам и другим последующим пастырям Святой Церкви Христовой, которым заповедано быть добрыми пастырями, полагаящими душу свою за овцы своя (Иоан. 10:11), являться для верных образцом «словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою» (1 Тим. 4:12), преуспевать «в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости, подвизаться добрым подвигом веры» (1 Тим. 6:11—12). Вот те основные требования, которые предъявляет Господь в Священном Писании к каждому истинному пастырю, а к епископу в особенности. А чтобы исполнить в жизни эти великие требования, одних слабых человеческих сил недостаточно, нужна особая, укрепляющая, благодатная помощь. Я любил повторять слова великого апостола языков Павла «вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе» (Флп. 4:13). Верю и надеюсь, что благодать архиерейской хиротонии укрепит мою немощь, восполнит мои силы и на новом пути архипастырского служения будет для меня поддержкой и опорой.

Вас, святители Божии, молю, вознесите свои святительские молитвы о мне, да сподобит меня Господь через таинственную хиротонию принять Божественную благодать и Божественную силу, которая в немощи человеческой совершается (2 Кор. 12:9). Приводя на память великие и богатые милости, которые я видел от Господа в течение моей жизни, я дерзаю верить, что Господь, призвавший меня к новому, высокому и ответственному служению, в ответ на молитву вашу, святители Божии, укрепит меня и сподобит меня как «делателя непостыдна, право правяща слово истины» (2 Тим. 2:15) дать добрый ответ на суде Господнем за души вверяемой моему водительству паствы.

СЛОВО В ДЕНЬ ИНТРОНИЗАЦИИ

*в Богоявленском Патриаршем соборе
10 июня 1990 года*

Ваше Святейшество, Преосвященные архипастыри,
представители Поместных Православных Церквей,
члены Освященного Собора, всечестные отцы,
братья и сестры, уважаемые гости и вся возлюбленная
наша паства!

С чувством любви о Христе благодарю всех за участие в нашем церковном торжестве и за братское приветствие Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии.

Сердечно благодарю моих собратьев и соразработников, членов Священного Синода, за глубоко тронувшие меня слова поздравлений.

Принимая от вас знаки патриаршего достоинства, я с особым благоговением опираюсь на священный жезл Предстоятеля Церкви Русской Святителя Петра, Московского и всея России чудотворца.

Я благодарю за приветствия представителей при Московском Патриаршем Престоле — Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской и Болгарской Святых Апостольских Поместных Православных Церквей.

Мы рады видеть среди нас глав и представителей христианских Церквей нашей страны, воспринимая их соучастие как знак нашего общего стремления к единству во Христе и как свидетельство братства, объединяющего нас.

В сей день, сознавая всю ответственность пред Богом и Его Церковью, со страхом и трепетом вступаю на Московский Первосвятительский Престол, ибо сознаю, что не по делам и заслугам моим выпал мне сей жребий, но по воле промышляющего о нас Пастыреначальника Господа Иисуса Христа. Исповедуя свою немощь, возлагаю всю мою надежду на врачующую благо-

дать Божию, даруемую нам в Духе Святом. Усердно молюсь и взываю ко Господу об укреплении духовных и телесных сил. Уповаю на покров и предстательство Пречистой Богоматери.

Молитвенно обращаюсь также ко всем святым, нашим ходатаям перед Престолом Славы Божией, а наипаче к святым первопрестольным предшественникам моим, осеняющим Церковь нашу своими богоугодными молитвами.

Обращаюсь к вам, возлюбленные во Христе архипастыри, всечестные отцы, братья и сестры, ко всей богодарованной мне всероссийской пастве, со смиренной просьбой о вашей духовной помощи и молитвенном содействии в моем служении Святой Православной Церкви.

Вступая на предстоящее мне поприще во время, исполненное особых знамений, сознаю, что оно налагает на всех нас большую ответственность. Недавно мы вспоминали великие для нашей Церкви события: 1000-летие Крещения Руси и 400-летие установления Патриаршества в Русской Церкви. Теперь мы стоим на пороге третьего тысячелетия пришествия в мир Спасителя нашего Господа Иисуса Христа. В вихре совершающихся в мире перемен особенно важным представляется нам опора на вечное и незыблемое. Свое служение мы будем осуществлять, основываясь на Священном Предании, сохраняя верность догматам веры и церковным канонам, руководствуясь соборным разумом Церкви.

Свою первоочередную задачу мы видим прежде всего в укреплении внутренней, духоносной жизни Церкви.

Многообразны средства для возрождения должного духовного состояния нашего христианского общества, опирающегося на древние традиции нашей Церкви. Мы уповаем на то, что боголюбивая паства будет исполнена стремления содействовать этому возрождению во славу Христа Спасителя и Его Святой Церкви. Достижению поставленных целей будет способствовать также управление церковной жизнью согласно нашему новому Уставу, уделяющему большое внимание развитию соборности.

Перед нами стоит великая задача широкого возрождения монашества, во все времена оказывавшего столь благотворное влияние на духовное и нравственное состояние всего общества. Немало усилий потребует восстановление великих и малых монашеских обителей нашей страны. Во множестве восстанавли-

ваются храмы, возвращаемые Церкви, и строятся новые. Этот радостный для нас процесс еще только развивается и потребует от всех нас многих трудов и материальных затрат.

Памятуя о своей обязанности научать истине Христовой и крестить во Имя Его, мы видим перед собой необозримое поле катехизаторской деятельности, включающей создание широкой сети воскресных школ для детей и для взрослых, обеспечение паствы и всего общества литературой, необходимой для христианского научения и духовного возрастания. С благодарением Богу мы отмечаем, что перед нами открываются новые пути и средства для развития свободного духовного просвещения в самых различных кругах нашего общества.

Мы сознаем, что движение к этим целям потребует от нас увеличения числа духовных школ, углубления духовного образования будущих пастырей, развития столь славной в прошлом отечественной богословской науки.

Церковь наша, — и это мы явственно видим, — вступает на путь широкого общественного служения. На нее, как на хранительницу непреходящих духовных и нравственных ценностей, исторической памяти и культурного наследия, с надеждой взирает все наше общество. Ответить на это — наша историческая задача.

Во время трудных, судьбоносных преобразований в стране Церковь не остается безучастной свидетельницей происходящих событий: она поддерживает благие и гуманные устремления нашего общества в решении нелегких задач построения жизни на началах законности и справедливости. В последние десятилетия наша Церковь предпринимала много усилий во внешнем миротворческом служении. Продолжая его, мы видим ныне наш долг и в развитии внутреннего миротворчества и общественного служения в свойственных Церкви формах, среди которых следует особое внимание уделить возобновлению служения милосердия и широкой благотворительности.

Все эти стороны церковного служения нами непосредственно связываются с принятием нового, более справедливого законодательства в отношении ко всем Церквам и религиям нашей страны.

Немало предстоит сделать в утверждении справедливости в межнациональных отношениях. Будучи многонациональной, Русская Православная Церковь, вместе с другими христиански-

ми Церквами и религиозными объединениями нашей страны, призвана врачевать раны, наносимые национальной рознью.

С горечью свидетельствуем о все возрастающем беззаконии, чинимом в Западной Украине католиками восточного обряда. Положение там усугубляется расколом, возникшим в результате незаконного объявления так называемой «Украинской Автокефальной Православной Церкви». Мы прилагаем всемерные усилия для устранения этих мучительных для Тела Христова недугов.

Как и прежде, мы будем развивать наши братские отношения с Поместными Православными Церквами и тем самым укреплять всеправославное единство.

Мы видим наш христианский долг в свидетельстве Православия, в развитии диалога и сотрудничества с инославными исповеданиями.

Для исполнения этих предназначений нашей Церкви я нуждаюсь в братском сотрудничестве членов Священного Синода, всего епископата, клира, монашествующих и мирян.

Да пребывает над всеми нами благословение Господне. И да прославится через нас Святое Имя Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава и держава, честь и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

**СЛОВО
НА ОТКРЫТИИ II ЕВРОПЕЙСКОЙ
ЭКУМЕНИЧЕСКОЙ АССАМБЛЕИ**

Грац, Австрия, 23 июня 1997 г.

Возлюбленные о Господе братья и сестры!

«Благодать вам и мир от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа» (Гал. 1:3). По воле церквей-членов Конференции Европейских Церквей и Совета Епископских Конференций Европы мы собрались ныне, в преддверии двухтысячелетия Рождества Христова, в гостеприимном городе Граце, расположенном в центре древней и новой Европы.

«Примирение — дар Божий и источник новой жизни» — такую тему избрали мы для этого исторического форума. Господь дает нам мир, дабы мы отдавали его друг другу и окружающему миру, людям верующим и неверующим, разным народам и человеческим сообществам, ближним и дальним, всему Творению Божию. «Стяжи дух мирный, и тысячи вокруг спасутся» — эти слова преподобного Серафима Саровского, русского святого прошлого века, в нынешнее трудное время повторяют миллионы чад Русской Православной Церкви.

Сегодня мы вспоминаем, что примирение неразрывно связано со смыслом пришествия в наш мир Иисуса Христа, общественного служения, страданий и искупительной жертвы нашего Господа и Спасителя.

Хвалебная песнь Ангелов в Святую Ночь: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (Лк. 2:14) возвестила о даровании людям свыше особого дара — мира Христова. Крест примиряет человека с Богом (Еф. 2:14—16), ибо кровию Христа умиротворяется земное и небесное (Кол. 1:20). «Христос примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения» (2 Кор. 5:19). Принятие нами Божественного дара примирения как долга действовать, долга соработать Богу и людям, привело нас сюда.

Слово на открытии II Европейской екуменической ассамблеи

Богозаповеданное миротворческое служение (2 Кор. 5:18) должно быть делом всей жизни христианина. Именно таким был наш путь к Грацу в более чем пятидесятилетний период со времени окончания самой кровопролитной войны. Этот путь был начат многими христианами в годы, когда Европе пришлось зализывать послевоенные раны. В качестве примера отмечу принятие в октябре 1945 года Евангелической Церковью в Германии Штуттгартской декларации и последующий братский диалог христиан Германии и Советского Союза, который проложил первые мосты взаимопонимания между народами, еще недавно бывшими военными противниками.

Период с конца 40-х до 60-х годов уходящего века был временем наибольшего накала «холодной войны». Особая опасность этого периода заключалась в том, что оба противостоящих военно-политических блока обладали страшнейшими орудиями уничтожения, по поводу чего д-р Альберт Швейцер сказал: «Ставка на войну с применением такого оружия предполагает чудовищные по бесчеловечности убеждения». Малейшее нарушение «равновесия страха», на котором держался хрупкий мир, могло привести к необратимым для всего человечества трагическим последствиям. В этих обстоятельствах, угрожающих существованию самого священного дара жизни, христиане Европы решительно вступили на неизбежно тяжкий путь миротворчества.

Пятидесятые годы стали временем интенсивных двусторонних межконфессиональных отношений Церковей Запада и Востока, в том числе Русской Православной Церкви, которая до этого на протяжении почти 30 лет была насильно изолирована от общения с остальным христианским миром. Именно в это десятилетие в Церквях Европы возникло и укрепилось понимание объективной необходимости более тесного сотрудничества в рамках континента, во всех сферах жизни которого разделения и конфронтация проявлялись наиболее остро и были определяющими для всего мира.

С самого начала деятельности Конференции Европейских Церквей наша организация стала уникальным форумом, где христиане — православные и протестанты — смогли не только активно созидать свое единство, но и прилагать усилия для совместного служения установлению мира в Европе и на планете. Так, IV Генеральная Ассамблея КЕЦ определила в качестве основного направления миротворческой деятельности две задачи:

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

1) достижение прочного мира на европейском континенте и во всем мире, 2) созидание атмосферы мирного сосуществования государств с различным социальным устройством.

Грозная военная опасность, противоестественное отчуждение народов и ограничения прав человека, искусственное ослабление исторически обусловленных экономических, культурных, научных и других традиционных взаимосвязей — все это с особой болью и остротой воспринималось Церквями европейского континента. Посему закономерно, что участники V Генеральной Ассамблеи КЕЦ, собравшиеся в австрийском городе Пёртшах, посвятили свои труды рассмотрению темы «Служить и примирять — современная задача европейских Церквей». Участники ассамблеи, в сознании своего миротворческого долга, определили неотложные задачи церквей-членов КЕЦ по укреплению безопасности и развитию мирного сотрудничества в Европе. Они единодушно высказали предложение о своевременности проведения конференции представителей всех европейских государств с целью обсуждения жгучего вопроса о мире и международном взаимопонимании на континенте. Таким образом, именно Конференцией Европейских Церквей были заложены основы будущего межгосударственного Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Все последующие генеральные ассамблеи КЕЦ, другие ее конференции и встречи уделяли пристальное внимание хельсинкскому процессу. Европейские Церкви приветствовали итоги Совещания в Хельсинки и содержание его Заключительного акта.

Продолжая осуществлять духовную поддержку этого процесса и начиная новый этап служения примирения, Конференция Европейских Церквей на своей IX Генеральной Ассамблее определила провести в мае 1989 года в Базеле, Швейцария, европейскую экуменическую ассамблею на тему мира и справедливости для всего Творения.

Соорганизаторами Первой Европейской Экуменической Ассамблеи стали Конференция Европейских Церквей и Совет Епископских Конференций Европы, успешное сотрудничество которых началось в 1974 году. Это обстоятельство означало, что предстоящее в Базеле событие впервые после произошедшего в XI веке разделения было призвано объединить весь христианский мир Европы в совместном исполнении конкретной программы служения примирения. И мы благодарны Господу за щедрые дары

Слово на открытии II Европейской екуменической ассамблеи

взаимопонимания во время встречи в Базеле. Вспоминаю духовно-вдохновляющую праздничную атмосферу, в коей жили и трудились участники Ассамблеи. Эта же атмосфера определяла и обстановку в городе, заполненном многими тысячами европейцев, преимущественно молодых, которых привела в Базель озабоченность современным состоянием мира внутри наций и между ними, а также продолжающееся разрушение людьми целостности Творения Божия.

Я вспоминаю подлинно братское сотрудничество с архиепископом Миланским Карло Мариа кардиналом Мартини, с которым мы были сопредседателями этой ассамблеи.

Принятый ассамблеей текст представляет собой фундаментальный всеобъемлющий документ, несколько не утративший значения в наши дни. Мы знаем, что бурные общественно-политические процессы, новые перспективы и проблемы не позволили последовательно сделать дальнейшие шаги на основе принятых в Базеле решений. Сейчас предстоит продолжить разработку основной проблематики Базеля в приложении к насущнейшим задачам служения примирения.

Господь судил европейским христианам собраться на Базельскую встречу в преддверии радикальных изменений, произошедших вскоре в политической, экономической и общественной жизни Европы и мира. Окончилась «холодная война». Прекратил существование Варшавский договор. Возникли новые государства.

Эйфория оптимизма первого периода реформ во многих посттоталитарных странах оказалась неоправданной. У большей части их населения значительно ухудшилось материальное положение, а надежда сменилась чувствами беспомощности и даже отчаяния. Вспыхнули кровопролитные межэтнические, межгосударственные и гражданские конфликты, повлекшие за собой гибель многих участников военных действий и мирных жителей, что, со своей стороны, привело к массовой миграции и породило множество беженцев. Не последнее место в ухудшении качества жизни населения занял рост безработицы, невиданное распространение преступности и всех видов безнравственности.

Казалось бы, со снятием остроты «холодной войны» и идеологическо-политического разделения Европы наш континент должен был стать содружеством благоденствующих народов и государств. Реальность оказалась иной. На месте старых

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

появились новые разделения, возникли новые проблемы. В Западной Европе интеграция продолжается. На востоке Европы происходят дезинтеграционные процессы. Возникает и углубляется экономическая пропасть между странами востока и запада нашего континента. Реальна угроза замены бывшего «железного занавеса» новым — «серебряным», пролеглим не только между государствами, но и внутри них. Если в прошлом режимы стран Восточной Европы препятствовали своим гражданам в свободном передвижении административными мерами, то теперь подобная же изоляция возникает на экономической основе.

Ранее, до фундаментальных изменений в центре и на востоке Европы, внимание всего нашего континента пристально обращалось к проблеме прав человека. Ныне эта насущнейшая проблема как бы отошла на задний план, в то время как в целом ряде стран восточной части Европы происходят массовые нарушения прав человека, включая поправление их на религиозной и этнической почве.

Сохранились трудности, стоящие на пути созидания единой Европы. Изменился лишь их характер. Целый ряд стран лишен должного участия в общеевропейских механизмах принятия политических решений, имеющих определяющее значение для всех и каждого. Такое положение является особенно болезненным и несправедливым в вопросах построения системы общеевропейской безопасности. Каждый житель континента — богатый или бедный, православный, католик, протестант, инаковедующий или неверующий, представитель стран востока, запада или центра Европы — должен быть уверен, что его интересы адекватно и по справедливости представлены в европейских центрах власти и что его жизнь, здоровье и достояние достойно защищены от любых угроз и катастроф. Без этого мы вряд ли достигнем подлинного примирения, вряд ли сможем ощутить себя людьми, живущими в одном доме, единой семьей. Я сознаю, что у построения такого дома есть немало противников, и прежде всего этому препятствуют прошлые обиды и предубеждения, сохранившиеся, наверное, в каждом из нас. Наш общий долг, долг всех христиан Европы — противостоять разделениям и несправедливости, свидетельствовать перед властью имущими и перед нашими обществами о возможности и необходимости созидания Европы без барьеров и вражды.

Перечисленные, а также многие другие человеческие, национальные и межгосударственные проблемы, возникшие в европейских странах, должны побудить Церкви нашего континента к восприятию служения примирения как неотложного религиозного долга.

Вместе с тем, европейским Церквам необходимо всемерно продолжать развитие своего диаконического служения, являющегося нашим долгом перед Богом и перед нуждающимися страждущими братьями и сестрами; необходимо настойчиво и неустанно добиваться от государственных и общественных учреждений улучшения качества жизни людей хотя бы до уровня, достойного человека, а также создания условий для укрепления нравственности, сохранения и развития культуры.

К глубокому сожалению, процессы радикальных изменений в странах восточной части Европы повлияли разобщающим образом на межконфессиональные отношения внутри стран нашего региона и между ними.

Во многих странах европейского востока в настоящее время резко ухудшилась екуменическая обстановка. Это обстоятельство возникло в результате наплыва извне миссионеров, осуществляющих массированную прозелитическую деятельность. Их работа направлена на людей, крещенных в Православии или связанных с ним историческими корнями. Продолжающееся уже шесть лет вторжение до предела обострило внутрицерковную обстановку. Понятие «екуменизм» в сознании большинства нашего церковного народа теперь означает нечто опасное и решительно неприемлемое. Такое положение воздвигает большие трудности для межцерковной деятельности. Это обстоятельство мы рассматриваем как вызов Церквам Европы и неевропейских стран, с территории которых идет это вторжение.

Но, невзирая на все проблемы, в восточном регионе Европы происходит процесс постепенного сближения Церквей в целях укрепления взаимопонимания между ними и сотрудничества, включающего преодоление прозелитизма, борьбу с духовной агрессией и предотвращение конкуренции в области миссии. Мы призваны сегодня служить примирению не только между странами и народами, но и между нами, учениками Христовыми, дабы мир уверовал, и дабы авторитетным было наше миротворческое слово, обращенное к человечеству.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

Дорогие во Христе братья и сестры! Да благословит Господь труды Второй Европейской Экуменической Ассамблеи и да увенчается она плодотворным успехом во славу Божию и на благо народов и Церквей нашего континента, а в современном взаимосвязанном мире — и на пользу всех его Церквей и народов. Пусть результаты этой Ассамблеи послужат нашим общим достойным вкладом в подготовку к двухтысячелетию пришествия в мир Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа.

КАКИМ БЫТЬ СВЯЩЕННИКУ?

*Интервью студенческому православному журналу
Московской духовной академии и семинарии «Встреча»,
опубликованное в № 2 (8), 1998 г.*

— Ваше Святейшество, за последние годы в Русской Православной Церкви значительно возросло число священнослужителей. Создается впечатление, что кадровый вопрос близок к своему разрешению. Так ли это?

— Действительно, сейчас стало значительно меньше священнических и диаконских вакансий, самого появления которых было никак не избежать — ведь за последнее время открылись тысячи храмов. Но я бы не сказал, что проблема кадров духовенства полностью решена. В первую очередь это касается дальних епархий в России и некоторых стран ближнего зарубежья, где подчас священник пастырствует на нескольких приходах. Нельзя считать вполне нормальной и ситуацию, когда в крупных городах один священник приходится на десятки, а то и сотни тысяч православных верующих. Пусть не каждый из этих людей регулярно ходит в храм и активно участвует в церковной жизни — многим из них требуется духовная помощь, к некоторым священник должен идти сам, не дожидаясь их прихода в церковную ограду. Когда же пастырю надо после богослужения совершить в день несколько десятков крестин, венчаний и отпеваний, причастить болящих, да еще успеть в школу или больницу, тюрьму или воинскую часть — неизбежно остается лишь по две-три минуты для общения с каждым пасомым. А это ненормально, особенно если человек впервые соприкасается с Церковью или нуждается в обстоятельной беседе, исповеди или в совете по сложному жизненному вопросу.

Пастырь должен звать своих овец по имени (Ин. 10:3). И считать проблему кадров священнослужителей окончательно решенной мы сможем лишь тогда, когда не просто устранятся формальные вакансии, но на каждую сотню постоянных прихо-

жан и на каждые несколько тысяч людей недостаточно воцерковленных, но православных по крещению и культуре, будет приходиться по одному священнику, способному не только совершать служение в храме, но и идти к людям со словом и делом, как поступал святой праведный Иоанн Кронштадтский.

— *Сегодня, наверное, никто не станет спорить с тем, что неразумно жертвовать качеством подготовки пастырей ради количества открываемых приходов. Считаете ли Вы, Ваше Святейшество, что получение богословского образования со временем должно стать одним из неперенных условий рукоположения в священный сан?*

— Именно такую цель поставили перед Полнотой Церковной недавние Архиерейские Соборы. Собор 1994 года выразил «озабоченность тем, что многие из рукоположенных ныне священников не имеют систематического богословского образования». А в одном из определений Собора 1997 года ясно сочтен важным «переход к практике рукоположения в священный сан только лиц, имеющих законченное семинарское или соответствующее ему богословское образование». На том же Соборе в своем докладе мне приходилось говорить, что те священнослужители, которые были рукоположены без образования, обязаны получить его заочно.

Поставленный вопрос, бесспорно, является еще одним важным аспектом кадровой проблемы. Если священнослужитель не знает в достаточной мере учения Церкви, ее истории, ее традиций, не может противостоять различным лжеучениям, не знает окружающего мира — чему он научит прихожан? К сожалению, нередки случаи, когда священник буквально теряется, слыша вопрос нынешнего грамотного и требовательного прихожанина, а ведь ответ на этот вопрос почти всегда не выходит за рамки семинарской программы. Еще хуже, если священнослужитель отвечает неправильно, высказывая от себя некие идеи, отнюдь не свойственные церковной традиции, которую он толкует то в сторону крайнего ригоризма, то в сторону всеразрешительства и забвения о единственности Истины Христовой. Особенно серьезно подобное учительство «от ветра головы своея» вредит сегодня духовнической практике. Богословское образование и воспитание, которое дает духовная школа, почти в полной мере

способны предотвратить упомянутые явления. Вот почему крепкая связь между завершением семинарского образования и принятием священного сана должна быть установлена в самое недалекое время. Для этого необходимо усугубить соответствующие труды архипастырей, руководства и преподавателей духовных школ, а также повысить ответственность самих кандидатов на рукоположение.

— Во многих епархиях нашей Церкви среди духовенства сложилось неоднозначное отношение к очной форме обучения в семинарии и Академии — подчас ее даже склонны считать пустой тратой времени. Более того, как мы знаем, нередко молодые священники, выпускники духовных школ, направляются служить на отдаленные сельские приходы, где их образование остается невостребованным. Согласны ли Вы с тем, Ваше Святейшество, что эта ситуация наносит ущерб престижу духовной школы и является ненормальной?

— Как я уже сказал, семинарское образование вскоре станет для кандидатов священства обязательным, и тогда ни у кого не будет повода пренебрежительно относиться к обучению в духовных школах — меня и сейчас подобное отношение крайне удивляет. Конечно, должен стать нормой учет богословской квалификации священнослужителя при назначении на приход. Такую рекомендацию дал Архиерейский Собор 1994 года, и мне известно, что во многих епархиях ее вполне достойно исполняют.

Там же, где на приходах, требующих высокообразованных пастырей, трудятся клирики, чей уровень знаний не соответствует несомому служению, это дает о себе знать в виде жалоб прихожан и людей, стремящихся к вере, в виде приходских нестроений и ухода верующих в другие храмы, в виде отсутствия активной приходской жизни и миссионерского служения. Нельзя платить столь высокую цену за несоразмерную оценку отдельных священнослужителей.

В то же время не стоит думать, что назначение на приход должно совершаться автоматически, по принципу «предъявил диплом — получил указ». Ведь архиерею надобно принимать во внимание и возраст клирика, и его духовный опыт, и пастырские способности, и отзывы о нем сослужителей и прихожан.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

Такого рода вопросы никак не могут игнорироваться при принятии кадровых решений.

— В настоящее время идет подготовка к реформированию духовного образования. Как бы Вы определили основные задачи и цели реформы, что, по Вашему мнению, следует сделать для того, чтобы ее проведение было действенным и плодотворным для всех духовных школ Московского Патриархата?

— План преобразований известен. Ожидается, что духовная семинария станет высшим богословским учебным заведением с новыми, тщательно проработанными программами, которые будут учитывать реалии нашего динамичного времени, устранят параллелизм в изучении некоторых предметов и позволят расширить круг дисциплин. Духовная семинария должна быть основным местом подготовки церковных кадров, а ее окончание — нормой для пастыря или иного ответственного церковного труженика. На базе же духовной академии планируется вести специализацию по отдельным областям богословской науки и практического служения — нет смысла говорить, как это нужно сегодня, особенно если иметь в виду развитие преподавательского корпуса.

Осуществление реформы духовного образования связывается со временем наступления нового тысячелетия от Рождества Христова. В то же время мы видим, как много трудностей предстоит преодолеть. Это и материальное состояние духовной школы, которое в подавляющем большинстве случаев иначе как кризисным не назовешь. Это и отсутствие профессорско-преподавательских кадров, ставшее одним из самых долговременных последствий семидесятилетнего гонения на Церковь. Насильственный разрыв веры и науки привел к тому, что многие люди, способные дать студентам специальные познания, недостаточно воцерковлены, а люди, выросшие в церковной среде, редко имеют хорошее светское образование, потребное для преподавания некоторых дисциплин.

Впрочем, все эти проблемы мы преодолеем именно тогда, когда каждый церковный труженик в данной области, особенно молодой — и здесь я особо обращаюсь к студентам духовных академий — приложит свои силы, чтобы потрудиться на ниве

Каким быть священнику?

Христовой там, куда Господь поставит, не жалея сил и не останавливаясь перед препятствиями.

— Образ идеального священника обрисовал еще святой апостол Павел в своих пастырских посланиях, но все же каждая эпоха накладывает на людей, и в том числе на пастыря, свой отпечаток. По Вашему мнению, какими отличительными качествами должен обладать священник в наше время?

— В нынешний лукавый и суетный век самое главное и для пастыря, и для всякого христианина — сохранить твердую, глубокую веру. Она должна не просто укорениться в разуме, не только быть воспринята словно по наследству, но и стать непрменной основой всей жизни, центром всех мыслей, слов и поступков. Сие немислимо без личного опыта духовного делания. Если мы общаемся с Богом в молитве, если «вертикальное измерение» бытия является для нас главным, то никакие призрачные восторги окружающего мира, равно как и никакие его тревоги и угрозы, — не смогут поколебать в нас радости сознания того, что «с нами Бог», с упованием на помощь Которого мы надеемся достичь Его вечного Царствия, «идеже несть болезнь, ни печаль, но жизнь безконечная». Об этом твердо знает всякий, кто сопричастен благодатной жизни Церкви. Это открывает нам и Сам Господь, сказавший: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16:33).

На стержне веры и духовной жизни укрепляются качества, весьма важные сегодня для священнослужителя: любовь и чуткость к прихожанам и вообще ко всякому человеку, предельная честность, ответственность, сочетание смиренномудрия с творческим, активным подходом к жизни и к своему служению. Пастырь не должен быть ни властителем, ни ведомым. Он призван влиять на людей — не только находящихся в церковной ограде, но и «внешних» — своим твердым авторитетом, силой своего слова и личного примера. Конечно, такого влияния достичь труднее всего. Наверное, гораздо легче прикрикнуть, надавить, по-житейски «поставить себя» или наоборот — согласиться с греховными слабостями окружающих и таким образом избавить себя от лишних проблем. Но в обоих случаях пастырскому делу будет нанесен урон.

Наконец, очень важна преданность Церкви, забота о ее единстве, стремление к тому, чтобы слово и дело священника утверждало не только его приход и уж тем более не его личную роль, но общецерковное дело. Необходимо также сознавать, что Полнота Церковная, равно как и полнота приходской общины, — это не только клир, но и миряне, с которыми нужно разделять труды и ответственность в духе церковных правил, братской любви и полного взаимного доверия.

Впрочем, не будем забывать и о том, что Пастыреначальник Христос, промыслительно окормляющий Свою Церковь, действует и через немощные сосуды. Святитель Феофан Затворник пишет: «Господь правит Церковию и всем, что в ней. Священники — орудия Его. Что для кого нужно, то подаст Господь чрез священника, каков бы он ни был, коль скоро ищущий идет с полною верою и усердно».

— *Низкий уровень религиозного образования нашего народа порождает подчас совершенно ложное представление о смысле священнического служения. В священнике одни видят психоаналитика, другие непременно старца — вершителя судеб, а третьи и вовсе заклинателя, совершающего таинственные обряды. Как говорится, «спрос рождает предложение» — и, к сожалению, не у всех священников хватает сил, а чаще просто духовного образования, чтобы противостоять подобному рода искушениям. В связи с этим, Ваше Святейшество, встают два извечных вопроса русской интеллигенции: «кто виноват» в сложившейся ситуации и «что делать»?*

— Виноваты десятилетия гонений на Церковь — если бы их не было, если бы не истончала ткань живой церковной традиции, мы бы не оказались в таком положении. Сейчас же многие верующие и даже некоторые пастыри, будучи по сути и духу новообращенными, воспринимают церковную жизнь весьма упрощенно, в черно-белых тонах, подчас не имея ни должных знаний, ни духовного опыта. Некоторые приходящие в храм люди просто невежественны — они смешивают Православие с «бюро ритуальных услуг», с магией, с культом духовного руководителя, свойственным тоталитарным сектам, но никак не Церкви Христовой. Таких людей пастырь должен бережно воспитывать и

Каким быть священнику?

никоим образом не потакать их настроениям. Иногда лучше прервать общение с человеком, посоветовав обратиться к другому священнику, чем позволять делать из себя кумира, заслоняющего существо веры.

Не может не удивлять и должна быть осуждена практика некоторых священнослужителей, которые чуть ли не силой заставляют пасомых помимо их воли принимать жизненно важные решения, совершают какие-то магические манипуляции с фотографиями отсутствующих людей, заочные «крещения», незаконные венчания и прочие не канонические «требы», самочинно меняют богослужебные чинопоследования, побуждают людей к отказу от гражданских и семейных обязанностей, от медицинской помощи. Одной из проблем церковной жизни остается совершение Таинств и обрядов над явно невоцерковленными людьми, не знающими даже Символа веры и не понимающими смысла происходящего. Не стоит забывать, что Таинство совершается по вере приемлющего.

Преодолеть все эти печальные явления можно только постепенным воцерковлением и просвещением мирян, равно как и богословским образованием пастырей. В отдельных же случаях надо употреблять и власть епископа — мне, например, пришлось так сделать в случае с несколькими московскими клириками.

— Одна из печальных примет нашего времени — неуверенность в завтрашнем дне, безотчетный страх и беспокойство, которые охватывают сегодня многих людей, в том числе и в церковной ограде. Здесь поводом для подчас эсхатологических предчувствий оказывается и боязнь утратить чистоту веры, и церковные нестроения, расколы, угроза неомодовленчества, споры вокруг экуменического движения и многое другое. Не могли бы Вы, Ваше Святейшество, не только как Предстоятель Церкви, но и как пастырь дать молодым священникам и студентам духовных школ, готовящимся принять священный сан, совет, как правильно относиться к этому явлению?

— Во всякое время Церковь переживала и до скончания века будет переживать внутренние дискуссии по разным вопросам. Надо только различать те области, в которых мы должны твердо хранить богозаповеданную общность веры, исповедание

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

православных догматов, следование каноническим нормам, — и те сферы, где Церковь допускает свободу разномыслий, положительную ценность коих признавал святой апостол Павел, писавший: «Надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор. 11:19). Единство Церкви — это единство в многообразии, и нам нужно научиться с терпением и любовью принимать наличие в церковной среде, в том числе среди духовенства, людей разных по культуре, воспитанию, возрасту, взглядам на различные внутрицерковные и общественные проблемы. Но при этом — еще раз повторю — необходимо твердо хранить единство в вере православной.

Никакие тревожения века сего не должны омрачать внутреннего мира и духовной радости, которые должны быть естественным состоянием христианина. Отчаяние, уныние, теплохладность в служении, какими бы причинами они по-человечески не оправдывались, есть состояния греховные, ибо в основе их лежит неверие в силу Божию, явственно в Церкви присутствующую. Нам надлежит всегда помнить слова Спасителя: «Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16:18); «Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк. 12:32). И я полагаю, что эти слова Спасителя явно оправдались в годы богоборчества.

— В своих выступлениях, Ваше Святейшество, Вы часто подчеркиваете необходимость соблюдения принципа отделения Церкви от государства. В то же время, в силу своих обязанностей Предстоятеля Русской Православной Церкви, Вы часто участвуете в различных государственных мероприятиях. Образ действий Патриарха — пример для каждого священника. И в связи с этим нас волнует вопрос, как нам в своем будущем священническом приходском служении найти золотую середину во взаимодействии с государственной властью, чтобы это, с одной стороны, приносило пользу Церкви и Отечеству, а с другой — не вызывало бы соблазна у нашей будущей паствы?

— Церковь действительно не должна становиться государственной — к такому выводу нас подвигает и весьма неоднозначный опыт прошлого, и тот факт, что сейчас около половины наших приходов с десятками миллионов верующих находится

вне пределов Российской Федерации. Но устраниваться от контактов с властью на самых разных уровнях Церковь не может и не должна. Мало того, сейчас открывается все больше возможностей для взаимодействия Церкви и государства в трудах на народное благо, будь то работа в области просвещения, культуры, науки, благотворительности, сохранения и возрождения исторических памятников, миротворчества, социальных забот, сохранения в народе нравственности или любые другие усилия, диктуемые потребностями общества.

Контакты и сотрудничество с властью на центральном, региональном и местном уровнях нужны и необходимы. Но для сохранения правильного церковного устройства крайне важно, чтобы такие контакты и такое сотрудничество осуществлялись клириками строго по благословению церковного Священноначалия, прежде всего епархиальных Преосвященных. Нельзя допускать, чтобы у кого-либо создавалось впечатление, что пастырь, взаимодействуя с властью или ее конкретным носителем, оказывает им поддержку в политической борьбе, в предвыборных процессах. Должны быть исключены случаи появления священнослужителей на предвыборных митингах, ведения соответствующей агитации в приходских домах и тем более в храмах во время богослужения.

Понятно, что пастырь может иметь свои политические убеждения, которые подчас кажутся ему единственно правильными и единственно возможными для православного христианина. Но как прихожане — а среди них всегда есть люди разной политической ориентации — воспримут сказанное с амвона слово о том, что проголосовавший против того или иного кандидата как бы голосует уже против Церкви? Отказ Церкви от вовлеченности в политическую борьбу есть не просто веяние времени — он сегодня является одним из важнейших условий церковного единства, предупреждения расколов по принципу гражданства, этнической принадлежности и политических взглядов.

— В заключение интервью мы хотели бы, по традиции, попросить Вас, Ваше Святейшество, обратиться со словом первосвященительского назидания к нашим читателям — будущим пастырям, студентам духовных школ, а также православным учащимся светских учебных заведений.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

— Всем вам, дорогие мои, да поможет Бог неленостно постигать премудрость богословия и других наук — вы знаете, как это нынче нужно Церкви. Но наипаче да дарует вам Господь стяжать опыт духовной жизни, жизни по вере, жизни во Христе, которая сподобляет истинного богомыслия и подвигает нас на искреннее, плодотворное служение Богу и людям. Будьте верными сынами и дочерьми Матери Своей — Святой Православной Церкви. И пусть укрепляет Вас Господь в предстоящих вам трудах — пастырских ли, или многообразных иных, подавая силы для несения жизненного подвига до конца ваших земных дней. Помните, что Он сказал: «Иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11:30).

ЗЕМЛЯ ВВЕРЕНА ЧЕЛОВЕКУ БОГОМ

*Опубликовано в журнале
«Российская Федерация сегодня» № 6, 1998 г.*

Широкое обсуждение темы построения земельных отношений вовлекает сегодня самые различные общественные силы. Это и неудивительно, ибо данная тема без преувеличения является одной из главенствующих для будущего страны и ее народа. Русская Православная Церковь, никогда не стоявшая в стороне от общенациональных забот, не может уклониться и от дискуссии по проблемам земельной собственности, землепользования и сельского хозяйства в целом.

Бог, сотворивший небо и землю (Быт. 1:1), напоминает нам словами Псалмопевца, что земля есть Господня (Пс. 23:1). Любые представления о принадлежности земли кому-либо из людей достаточно условны, ибо она вверена нам Творцом. Именно Бог призвал человека «обладать ею» (Быт. 1:28), и именно Он дал праотцам указания о том, как рачительно и ответственно пользоваться землей, возделывая ее не только для себя, но и для будущих поколений. В Книге пророка Исаии читаем: «Всегда ли земледелец пашет для посева, бороздит и боронит землю свою? Нет; когда уравнивает поверхность ее, он сеет черную, или рассыпает тмин, или разбрасывает пшеницу рядами, и ячмень в определенном месте, и полбу рядом с ним. И такому порядку учит его Бог его; Он наставляет его» (Ис. 28:24—26). Сам Господь указал людям на то, что земле нужно давать время для восстановления ее естественных ресурсов: «Шесть лет засевай поле твое и шесть лет обрезавай виноградник твой и собирай произведения их, а в седьмой год да будет суббота покоя земли, суббота Господня: поля твоего не засевай и виноградника твоего не обрезавай» (Лев. 25:3—4).

Священное Писание также напоминает нам о необходимости справедливо распределять плоды земледельческого труда, которые должны быть прежде всего достоянием самих трудящихся на земле, но одновременно достигать всех, кто испытыва-

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

ет нужду в пропитании. «Трудящемуся земледельцу первому должно вкусить от плодов» — читаем во Втором послании апостола Павла к Тимофею (2 Тим. 2:6). А в Книге Левит запечатлено такое указание Господа древним земледельцам: «Когда будете жать жатву на земле вашей, не дожинай до края поля твоего, и оставшегося от жатвы твоей не подбирай, и виноградника твоего не обирай дочиста, и попадавших ягод в винограднике не подбирай; оставь это бедному и пришельцу» (Лев. 19:9—10).

Следуя заветам Божиим, Святая Церковь всегда наставляла землепашцев в таком духе, а нередко и сама была организатором сельского труда. Широко известны примеры монастырских хозяйств, которые в сложнейших климатических условиях получали невиданные урожаи за счет бережного отношения к природе и кропотливой, смиренной работы, совершавшейся веками. Многие приходские общины на селе были своеобразными содружествами хлеборобов, объединенных не только общим делом, но и твердой верой, дающей людям сознание высшего предназначения их труда как послушания Богу и проявления любви к ближнему. Не случайно годовой сельскохозяйственный цикл в миропонимании русского крестьянина был накрепко связан с церковными праздниками, а пословицы и поговорки, имеющие хождение среди сельских жителей, до сих пор укоренены в Библии и церковном предании. В православной традиции искони поощрялась благотворительность. Накормить странника и неимущего от плодов своего труда всегда считалось делом богоугодным и спасительным.

Сегодня Церковь возрождает свое практическое участие в аграрной деятельности через многие инициативы монастырей и приходов, где иноки и миряне пытаются восстановить некогда прерванные традиции земледелия. Впрочем, эти примеры остаются весьма скромными на фоне очевидных кризисных процессов, поразивших сельское хозяйство России.

К сожалению, за последние несколько лет наша страна утратила многие прежние достижения в этой области и оказалась перед угрозой превращения в вечного импортера продовольствия. В некоторых местах современные методы работы на земле уступают место ручному труду. Многие земледельцы оказываются не в состоянии реализовать плоды своих трудов из-за засилья различных коммерческих посредников и даже откровенно

криминальных кругов, контролирующих некоторые рынки. Наконец, небывалому оскудению подвергся сам количественный и качественный состав тех, кто трудится на российской земле. Уход людей, особенно молодежи, в города, ужасающий рост пьянства и бытовой преступности среди сельских жителей ставит русскую деревню на грань демографической катастрофы. Во всем этом усматривается следствие попыток радикально, любой ценой изменить вековой уклад сельской жизни — а мы знаем, что такие попытки предпринимались и в тоталитарный период, и в самые недавние годы. До сих пор актуальны слова святителя Патриарха Тихона, сказанные им в 1918 году: «Мы хотели создать рай на земле, но без Бога и Его святых заветов... И вот мы алчем, жаждем и наготуем в земле, благословенной обильными дарами природы, и печать проклятия легла на самый народный труд и на все начинания рук наших».

В таких условиях страна и народ должны сделать все, чтобы бережно сохранить вверенную нам Богом землю и вновь научиться возделывать ее так, чтобы принести добрый плод самим себе, своим детям, внукам и правнукам. Власть и все общество должны любыми доступными средствами поддерживать те хозяйства, которые доказали свою эффективность и ответственность в природопользовании — будь то крупные аграрные сообщества или скромные семейные фермы. Тем же, кто не может пока правильно организовать свой труд, но работает неленостно и с полной отдачей, нужно помочь обучением новым методам, предоставлением техники и технологий, льготными займами. Наконец, необходимо сделать все, чтобы изменился существующий порочный порядок, когда крестьянин, продающий свою продукцию посредникам за бесценок, получает мизерный процент от ее рыночной стоимости. Рынки должны быть открыты для всех, а не для «избранных».

Крайне важно, чтобы крестьянин уверенно осознавал родную землю как свой дом и не имел причин стремиться «на страну далече». Для этого государству и всем нам необходимо поддерживать сельское образование и здравоохранение, очаги культуры и досуга. Не умолчу о возрастающей роли в жизни села приходских общин. Батюшками и церковными активами ведется немалая работа по созданию воскресных школ, благотворительных структур, кружков народной культуры и просвещения. Все это, полагаю, также нуждается в общественном по-

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

ощрении, ибо служит благу всех жителей конкретной местности.

С особой тщательностью надобно подходить к рассмотрению вопроса о формах собственности на землю. Бесспорно, хлебопашец должен чувствовать себя хозяином на своей земле. Если однажды кто-либо лишит его земли, само его доверие к собственному труду будет надолго подорвано, и наша недавняя история красноречиво свидетельствует об этом. Вот почему крайне необходимо, чтобы государство предоставило крестьянину твердые гарантии стабильности его труда на земле.

В то же время было бы крайне неосмотрительно и опасно позволять спекулятивные операции с земельными наделами, вывод их из сельскохозяйственного употребления, продажу за бесценок любым лицам или фирмам отечественного или иностранного происхождения, не намеренным использовать плодородные земли с отдачей для народа.

В любом случае решения, связанные с будущим российской земли, нужно принимать на основе величайшей осторожности и взвешенности, с учетом мнений всех слоев общества и особенно крестьянства, придерживающегося ныне различных форм организации труда. Все ветви власти, центральной или местной, все, от кого зависит судьба нашей земли, должны помнить об ответственности за Господню землю перед Богом, народом и историей.

Надеюсь, что вместе, соборно, мы придем к правильным решениям по данному вопросу. Верю, что нам удастся возродить славные земледельческие традиции нашего Отечества, которые должны стать не только достоянием истории, но и неременной составляющей будущего. И да сбудутся на народе нашем обетования, данные некогда ветхозаветному народу Божию: «Буду радоваться о них, благотворя им, и насажду их на земле сей твердо, от всего сердца Моего и от всей души Моей. Ибо так говорит Господь: как Я навел на народ сей все это великое зло, так наведу на них все благо, какое Я изрек о них» (Иер. 32:41—42).

«НЕ ВАШЕ ДЕЛО ЗНАТЬ ВРЕМЕНА ИЛИ СРОКИ...»

*Интервью журналу «Профиль»,
опубликованное в № 25, 6 июля 1998 г.*

— Ваше Святейшество, наша страна встречает третье тысячелетие в условиях жестокого экономического кризиса и частых стихийных бедствий. Как тут не вспомнить Откровение Иоанна Богослова — знаменитое библейское пророчество об антихристе, а также многочисленные предсказания о конце света. Что думает по этому поводу Русская Православная Церковь? В состоянии ли человечество узнать дату конца света?

— Подобные вопросы задают сегодня многие. А некоторые пытаются и отвечать «от ветра головы своея» — манипулируют с графическим изображением числа 666, ведут различные вычисления. Сейчас, например, стало модно умножать 666 на 3... (получается 1998. — "Профиль").

Однако надо помнить, что Сам Господь сказал о Своем Втором пришествии и о наступлении нового времени, когда небо и земля изменятся: «Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти».

Взгляд Церкви на вопрос о конце нынешней истории укоренен в Священном Писании и православном Предании. Да, Церковь учит, что перед концом зло в мире будет умножаться и недобрая воля восторжествует до крайней степени, когда носители зла будут иступленно уничтожать природу, друг друга и самих себя. Знаками приближения конца времен станут войны, катастрофы, стихийные бедствия, иные подобные катаклизмы. Духовное и нравственное оскудение общества достигнет предела.

Временное облегчение принесет антихрист — псевдодуховный лидер, который решит многие чисто земные проблемы, но украдет у людей их души, заставив отвергнуть следование истинному Богу и принудив поклоняться антихристу. За кратким правлением антихриста последует низложение сил зла силою

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

Божией. Греховное земное бытие закончится, и праведники, последовавшие Истинному Богу, увидят «новое небо и новую землю», наполненные блаженством.

Все это описано в Книге Откровения святого апостола Иоанна Богослова (по-гречески Апокалипсис). Впрочем, конкретных дат и точного указания на обстоятельства того или иного события там не содержится. К тому же, по словам многих выдающихся провидцев Церкви, Господь не раз отодвигал кончину мира и исполнение грозных пророчеств Апокалипсиса по молитвам святых и по милости Своей.

Христианин должен каждый день, каждую минуту быть готов к концу истории, так же как и к собственной кончине, и ко встрече с Господом. Об этом напоминает известная евангельская притча о десяти девах, ожидавших жениха, половина которых запаслась маслом для светильников, а половина не сделала этого. И когда в позднее время пришел жених, последние пять дев не смогли его встретить. Разъясняя эту притчу, Господь говорит: «Итак, бодрствуйте; потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий».

— *Ваше Святейшество, совместимы ли сегодня занятие бизнесом и духовность? Ведь большинству бизнесменов так или иначе приходится постоянно нарушать библейские заповеди «не укради» и даже «не убий». Каково Ваше отношение к этому?*

— Не думаю, что деловая жизнь непременно должна сопровождаться нарушением заповеди «не укради» и тем более заповеди «не убий». Да, экономическая обстановка в стране крайне непростая, и все наслышаны о том, сколь велико влияние криминальных методов на сегодняшний российский бизнес.

Но кончится это только тогда, когда наступит режим наибольшего благоприятствования для честного предпринимательства, верного христианским или хотя бы естественным нормам нравственности. Убежден, что это возможно и необходимо.

Православная Церковь имеет богатый опыт духовного руководства предпринимателями. Мы знаем из русской истории, что христианские нравственные принципы были не на словах, а на деле основой работы многих и многих отечественных деловых людей. Они предпочитали получению немедленной прибыли ме-

тоды деятельности, сочетающие экономическую эффективность с заботой о работнике, с хранением чести и долга, с попечением о «сырых и убогих».

Опыт не только России, но и всего мира свидетельствует, что именно такой подход к предпринимательству обеспечивает стабильный результат, а легкие и нечестные деньги быстро теряются.

В нынешней России, где традиция предпринимательства была прервана, это только начинают понимать. И Церковь, как и в былые времена, готова оказать новому русскому предпринимателю духовную помощь, содействуя его моральному становлению. Полагаю, что поддержка именно честного, нравственно ответственного предпринимательства должна стать заботой государства, а также всего общества.

— Ваше Святейшество, задержка и невыплата зарплаты — бич наших дней. В результате люди, в том числе транспортники, учителя, врачи, бастуют. А в связи с этим кто-то не получает неотложную медпомощь, страдает образование и т. д. Как Церковь относится к бастующим?

— Вопиющая и безысходная нищета миллионов людей, честно трудящихся на народное благо, является серьезнейшей проблемой не только социального, но и нравственного порядка. Государство и общество не должны оставаться к этому безучастными, ведь поступая таким образом, они лишают себя будущего.

Я говорю именно о государстве и обществе, поскольку решение данной проблемы — дело не только власти, но и каждого из нас. Не уклоняясь от налогов, содействуя правильному наполнению и расходованию государственного бюджета, осуществляя благотворительные акции, да и просто заботясь о нуждающемся соседе, мы можем внести немалый вклад в улучшение социальной обстановки. Однако главная ответственность лежит все-таки на государстве.

Имея в виду вышесказанное, я не решился бы осуждать людей, которые пошли на отчаянные меры, поскольку оказались в отчаянной ситуации. Впрочем, есть и такие области деятельности, где полная забастовка, на мой взгляд, является мерой практически недопустимой. Это оказание помощи больным, службы жизнеобеспе-

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

чения, сфера охраны общественного порядка, да и любое дело, в котором отсутствие непрерывной работы может привести к гибели людей или нанесению им серьезного ущерба.

Кстати, я не знаю ни одного случая, когда наши священники, многие из которых живут в крайней бедности, отказались бы исполнять свое служение, требуя повысить зарплату. Пастыри, как бы им ни было тяжело, всегда приходят на помощь больному, умирающему, нуждающемуся в срочном духовном совете.

— *Ваше Святейшество, в России живут люди, исповедующие разные религии. Русская Православная Церковь всегда благожелательно относилась к любым верующим. Но сегодня существуют так называемые экуменические организации, которые провозглашают необходимость сотрудничества разных Церквей. Что вы думаете по поводу их деятельности?*

— Самоизоляция никогда не приносила пользы христианской общине. Ведь Господь сказал: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме».

Однако наши взаимоотношения с экуменическими организациями, и в первую очередь со Всемирным Советом Церквей, становятся все более и более непростыми.

Это вызвано тем, что многие протестантские деноминации, наиболее влиятельные в ВСЦ, отходят от традиционных норм евангельского вероучения, морали и церковного устройства. Я имею в виду женское священство, изменение текста Библии, оправдание гомосексуализма как одной из норм, сползание к религиозному синкретизму.

Православные Церкви, составляющие в ВСЦ меньшинство, не могут принять подобные мнения, которые все чаще отражаются в документах, принимаемых голосованием. Ведь закон Божий заповедует: «Не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды».

Именно поэтому мы настаиваем на перестройке ВСЦ, в зависимости от которой ставим вопрос о нашем дальнейшем отношении к этой организации.

— *Какие отношения у Русской Православной Церкви с Ватиканом?*

— Они сегодня переживают не лучший период. Сложности возникли из-за ситуации на Западной Украине, где националисты руками греко-католиков почти полностью лишили верующих Украинской Православной Церкви возможности молиться в храмах и вести нормальную церковную жизнь, а также из-за массированных попыток зарубежных католических миссионеров обратить в свою веру людей, крещенных в Православие или духовно и культурно в нем укорененных.

Бесспорно, Русская Православная и Римско-Католическая Церкви имеют немало возможностей для сотрудничества в общественно значимых областях, в которых подчас занимают сходные позиции. Однако такое сотрудничество сможет возобновиться и развиваться только после качественного сдвига в урегулировании упомянутых мною проблем.

— *Сейчас пора отпусков, многие православные россияне выезжают за рубеж, в том числе в католические страны. Можно ли им заходить в католические храмы и молиться?*

— Конечно, в познавательных целях можно зайти в храм другой конфессии, особенно если он является историко-культурным памятником какой-либо страны. Я сам это делал много раз, находясь за рубежом. Православные паломники часто молятся перед мощами угодников Божиих и другими святынями древней неразделенной церкви, ныне находящимися в католических храмах.

Но главным и по-настоящему единственным местом молитвы для православного христианина должен все-таки быть именно православный храм, в котором он принимает таинства, прежде всего таинство таинств — евхаристию, причастие Тела и Крови Христовых.

— *В ближайшее время в Санкт-Петербурге будут захоронены «екатеринбургские останки», принадлежащие, как считают многие эксперты, императору Николаю II и членам его семьи. Между тем Русская Православная Церковь так и*

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

не признала их царскими мощами. Чем объясняется столь принципиальная позиция?

— Еще 26 февраля Священный Синод принял решение о том, что Церковь пока не может признать найденные в Екатеринбурге останки принадлежащими императору Николаю II и его семье. Это нелегкое решение, принятое после самой подробной дискуссии и самого тщательного изучения различных доводов и точек зрения, обусловлено тем, что ни в Церкви, ни в обществе, ни среди ученых нет единства во взгляде на данный вопрос.

Для Церкви он особенно важен, если иметь в виду возможность причисления императора и членов его семьи к лику святых. После канонизации останки угодника Божия почитаются как святые мощи. Совершенно невозможно, чтобы одна часть Церкви поклонялась останкам святого, а другая именovala их лжемощами. Единство в церковном народе вокруг данного вопроса — а именно в таком единстве, по учению Церкви, проявляется воля Божия — для нас важнее всего.

Если же такого единства нет — а споры вокруг «екатеринбургских останков» вносят в общество все больший элемент противостояния, — лучше воздержаться от волевого решения проблемы. Именно это Церковь и предложила, высказавшись в пользу погребения останков в символической могиле-памятнике.

Надеюсь, что данный вопрос, весьма важный для настоящего и будущего России, для самосознания ее народа, с Божией помощью решится так, чтобы не создавались новые разделения. А в нынешних поколениях россиян восторжествует дух покаяния за некогда совершенные страшные беззакония, дух примирения и общественного согласия.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ ДРАМАТИЧЕСКОГО ВЕКА

*Опубликовано в приложении к Независимой газете
НГ-Религии 27 ноября 1998 г.*

Восемь десятилетий назад исторический Поместный Собор Русской Православной Церкви принял решение восстановить Патриаршество — исконную форму церковного устройства, упраздненную на рубеже XVII и XVIII веков волей императора Петра Первого. Патриарший Престол был промыслительно воссоздан именно в те дни, когда судьба России и ее народа делала крутой поворот, известный под именем Октябрьской революции. Попустив за грехи наши крушение легитимной власти в государстве, Господь даровал Церкви видимый символ ее единства в лице Всероссийского Первосвященника — епископа, равного другим по благодати, но облеченного особой ответственностью за многомиллионную паству, которой в XX веке предстояло пережить немало горестей и испытаний.

По слову святителя Московского Филарета, «непокойный век умножает дела». Оглядываясь на прошедшие годы, на историю нашей Церкви в уходящем столетии, нельзя не понять, что Господь вел Свое стадо совершенно особым, лишь Ему ведомым путем, который многие отказывались, да и до сих пор отказываются понять и принять, но который привел Православие в России к возрождению. Церковь утверждалась мученической кровью и сокроуенным свидетельством, мудростью пастырей и твердой верой простых русских женщин, благочестием крестьянских семей и духовным трудом интеллигенции. Без многих лет бытия под спудом, быть может, не настали бы для Церкви времена второго Крещения Руси, свидетелями которого мы ныне становимся. Впрочем, понесенные за годы гонений потери, приведшие к ослаблению традиции преемственного христианского воспитания, поставили православных граждан нашего Отечества перед небывалой в истории задачей возрождения полнокровной церковной жизни почти с нуля. Задача эта выполняется успеш-

нее, чем представлялось лет десять назад, однако впереди видятся весьма и весьма нелегкие труды.

Какой же урок уходящего столетия можем мы взять с собой в новый век, в новое тысячелетие? Для меня ответ на этот вопрос во многом связан с личностями моих предшественников на Московском Патриаршем Престоле.

О жизни святителя Тихона, Патриарха Московского и Всероссийского (1917—1925), сказано и написано немало. Добрый пастырь, отмеченный печатью необычайно искренней веры и от юности преданный исполнению своего христианского долга, он вел корабль Церкви через бурлящие волны послереволюционных лет. Деятельность святителя удивительным образом сочетала ревность и смиренномудрие. Именно Святейший Тихон решительно восстал против большевистских гонений на духовенство и верующих, против поругания храмов и отчуждения святынь, против искусственного, насильственного лишения Церкви ее истинной роли в жизни страны и народа. Но именно он ясно отделил духовную миссию Православия, в которой и заключается ее основная общественная значимость, от намерения заключить ее в рамки чисто земных, политических целей, что нередко происходило в два предшествующих столетия.

Слово Первосвятителя особенно громко прозвучало в годы гражданской войны, расколовшей Россию на несколько непримиримых лагерей. В 1919 году святитель Тихон писал: «Многократно с церковной кафедры обращались Мы к верующим со словом пастырского назидания о прекращении распрей и раздоров, породивших на Руси кровавую междоусобную брань... Не мимо идут эти ужасы и нас, служителей Церкви Христовой, и много уже архипастырей и пастырей и просто клириков сделались жертвами кровавой политической борьбы... Установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение».

Много претерпевший от гонителей, святитель Тихон ни в коей мере не был духовно сломен. Он имел дерзновение говорить самые нелицеприятные слова тем, в чьих руках Господь попустил находиться власти казнить или миловать практически без суда и следствия. Однако гонения отнюдь не ожесточили сердца Патриарха, не лишили его умения разглядеть за времен-

ным — вечное, за треволениями века — необходимость заботы о будущем устроении Церкви, лишенной прежнего покровительства государства, но не оставленной миллионами верующих, которым, как и их потомкам, надлежало жить в новом, гораздо более сложном мире.

Святейший Патриарх Сергей, долгие годы возглавлявший церковное управление в должности заместителя Патриаршего Местоблюстителя и собственно Местоблюстителя, взошел на Патриарший Престол в 1943 году, менее чем за год до своей кончины. Выдающийся богослов и церковно-общественный деятель, отличавшийся глубокой, но отнюдь не «кабинетной» ученостью, он столкнулся с попыткой тоталитарных властителей полностью уничтожить канонический церковный организм. Перед лицом этой опасности — а она для православного христианина угрожает не просто кризисом церковной администрации, но прежде всего утратой возможности прибегать к богослужению и Таинствам, без которых немислимо спасение, — Патриарх Сергей употребил все усилия, чтобы, не поступившись верой и канонами, как это сделали обновленцы, сохранить для верующих возможность припадать к духовной сокровищнице Церкви.

Широко известно Послание митрополита Сергия пастырям и пастве от 29 июля 1927 года, так называемая Декларация, в которой Церковь сказала о том, что, храня верность Православию, она разделяет радости, успехи и неудачи со своей гражданской родиной, тогда — Советским Союзом (а не «с большевиками», как говорят недруги Церкви). Архивы донесли до нас предварительный, не одобренный властями текст этого Послания, в котором митрополит Сергей еще яснее выразил эту мысль: «Отнюдь не обещаясь примирить непримиримое и подкрасить нашу веру под коммунизм, мы религиозно остаемся такими, какие есть, — староцерковниками, или, как нас величают, тихоновцами. Прогресс церковный мы видим не в приспособляемости Церкви к «современным требованиям», не в урезке ее идеала и не в изменении ее учения и канонов, а в том, чтобы при современных условиях церковной жизни и в современной обстановке суметь зажечь и поддержать в сердцах нашей паствы весь прежний огонь ревности о Боге и научить пасомых в самом зените материального прогресса находить подлинный смысл своей жизни все-таки за гробом, а не здесь. При всем том мы убежде-

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

ны, что православный христианин, свято соблюдая свою веру и живя по ее заповедям, именно потому и будет всюду желательным и образцовым гражданином какого угодно государства, в том числе и Советского».

Поистине поражает, что в годину самых лютых репрессий, когда многие некогда бескомпромиссные политики целиком отказались от своих убеждений, возглавитель Русской Церкви столь ясно свидетельствовал о вере перед лицом всемогущего тоталитарного государства.

В годы первосвятительского служения Патриархов Тихона и Сергия Церковь услышала апостольский призыв: «Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (1 Пет. 4:12—13). Сонмом мучеников Церковь Русская засвидетельствовала свою веру и уготовала свое будущее возрождение. Среди исповедников Христовых мы можем в полной мере назвать святителя Тихона и Святейшего Патриарха Сергия, проводших немалое время в заключении и тяжело пострадавших от гонителей Церкви.

Надобно особо отметить труды первых послереволюционных Патриархов по сохранению и воссозданию единства Церкви. Поддержанный безбожниками обновленческий раскол, а также различные неканонические группировки, не смирившиеся с новым государственным устройством, стали не меньшей опасностью, чем гонения. Твердость в отстаивании канонического церковного устройства привела к тому, что большинство верующего народа не покинуло Церкви-Матери, а основная часть раскольников вернулась в нее.

Великая Отечественная война, во время которой власти были бессильны скрыть от народа силу патриотического служения Церкви, принесла ослабление гонений. Были вновь открыты многие монастыри и храмы, духовные школы и иные церковные учреждения. Впрочем, время «передышки» было недолгим. Уже в начале 60-х годов антицерковные репрессии вспыхнули с новой силой, и волна закрытия храмов, притеснения священнослужителей и попыток лишить Церковь даже минимального статуса в обществе прокатилась по всему Советскому Союзу.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий I (1945—1970) — опытнейший церковный иерарх, хранитель тра-

дийский русский Православия, искренний патриот России, всегда болевший за ее судьбы, — четверть века предстоял за Церковь Русскую, будучи ее Первоиерархом. Этот период знал лучшие и худшие времена. Но неизменным оставалась забота Патриарха о сохранении церковного организма, о подготовке новых епископов и священнослужителей, о развитии богословской науки, о поддержании взаимоотношений Церкви с внешним миром как в Отечестве, так и за его пределами. Труды Святейшего Патриарха Алексия I во многом позволили не утратить преемственную связь церковной жизни с ее дореволюционным развитием — связь, которая вследствие гонений уже тогда была значительно ослаблена.

Эти же труды продолжились при Святейшем Патриархе Пимене (1971—1990), который запомнился верующим как истовый совершитель богослужения, прекрасно знавший душу народа и всегда ощущавший себя неотъемлемой его частью. Репрессии и ограничения постепенно ослабевали, и уже в самом конце 80-х годов перед Церковью стали открываться возможности воссоздания храмов и монастырей, восстановления традиций благотворительности, расширения образовательных, издательских, церковно-общественных трудов.

Празднование в 1988 году 1000-летия Крещения Руси стало знаменательным моментом в жизни не только Русской Православной Церкви, но и всего Отечества нашего. Люди вдруг увидели, что Церковь не умерла, что она может говорить в полный голос, что она, как и в древние времена, пребывает со своим народом и готова помогать ему в радостях и горестях. Юбилей промыслительно всколыхнул народное сознание, открыл духовные очи многих наших соотечественников, возвратил им путь к обретению веры.

Начало последнего десятилетия уходящего века ознаменовалось широчайшим возрождением Русской Православной Церкви. Ожили сокрытые до времени внутренние силы верующего народа, по всей Руси вновь открылись тысячи храмов и сотни монастырей. Никто сегодня не может сказать, что православные священнослужители и миряне не развивают своих трудов в тех областях, где Церковь десятилетиями была лишена должного места, будь то социальное служение или участие в общественных процессах, книгоиздательство, просвещение или миссионерство.

Впрочем, церковное возрождение отнюдь не является легким делом, да оно, наверное, и не могло быть таковым. Большинство нынешних россиян по-прежнему не имеет глубоких познаний об истинах отеческой веры, далеко отстоит от активного, всецелого участия в церковной жизни. Не многие из нас помышляют прежде всего «не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную» (Ин. 6:27). Да, гораздо больше людей, особенно молодых и принадлежащих к среднему возрасту, стало приходить в храмы. Да, вера стала немаловажной составляющей жизни десятков миллионов россиян. Но для сохранения стойкости в вере перед лицом любых испытаний жизненно необходимо, чтобы Православие стало не просто неким обрамлением мирской жизни, но центром, мерилom и силой всех наших поступков, мыслей и слов.

Вот почему надобно многократно умножить просветительские труды, совершаемые как священнослужителями, так и мирянами. Нужно сделать так, чтобы голос Церкви, проповедующей Истину Христову, мог быть услышан и понят всеми людьми, жаждущими духовного преображения: многомиллионной аудиторией средств массовой информации, учащимися школ и других образовательных учреждений, воинами и рабочими, интеллигенцией и хлебопашцами — словом, всеми, кто жаждет слова Истины, но не слышит его из-за недоступности этого слова или из-за трудности его восприятия в силу культурных различий, преодолевать которые является долгом прежде всего самого говорящего.

Свидетельство Церкви осуществляется и через ее присутствие в жизни общества. Сегодня церковное священноначалие все чаще откликается на самые различные «светские» проблемы, чувствуя свой долг печалования перед властями о нуждах народа и заботясь о его духовно-нравственном состоянии. Церковь имеет попечение обо всем, что затрагивает душу человека, и именно поэтому она активно противостоит вражде и разделением, осуждает заполонившие общество преступность и безнравственность, поднимает свой голос в поддержку обездоленных и страждущих, коих так много в нынешнее время бурных перемен.

Да, некоторые до сих пор считают, что место Церкви — только в оградах храмов. Но, будучи отделена от государства, она ни в коей мере не может быть отделена от общества, от

народа. Это немыслимо прежде всего потому, что миллионы православных людей, трудящихся в самых разных областях народной жизни, призваны утверждать своими поступками христианские нравственные нормы. Именно в деятельном возвращении к этим нормам мне видится основа истинного и прочного возрождения России, какой бы сферы это ни касалось — экономики, политики, культуры, образования, воинского дела, работы средств массовой информации и так далее.

Господь судил мне быть Предстоятелем Русской Церкви на исходе драматического XX века, в преддверии нового тысячелетия. Видя многотрудность происходящего церковного возрождения, я уповаю на помощь Божию, на молитвы всех святых, в земле Российской просиявших, и стремлюсь следовать доброму примеру моих приснопамятных предшественников на Патриаршем Престоле. Это пример глубокой и искренней веры, преданности Святой Православной Церкви и заботы о ее единстве, любви к окормляемым людям, к их устоям и традициям, насыщенным евангельской и святоотеческой мудростью. Это пример глубины знаний и опыта церковной жизни, на которых строится действенность архипастырского служения. Это пример ревностной твердости в отстаивании веры перед лицом любых опасностей и одновременно — понимания, что власти и политические системы приходят и уходят, а Церковь остается. Наконец, это пример заботы о судьбах Отечества и народа, не прекращающейся в радостях или печалях.

Жизнь российского общества и жизнь Церкви в его контексте по-прежнему остается весьма непростой, полной проблем, оставшихся от прошлого и возникающих вновь. Но я всем сердцем верю, что Церковь, которая с честью преодолела трудности и трагедии уходящего века, будет стоять непоколебимой твердыней и в будущем, «ибо дары и призвание Божие непреложны» (Рим. 11:29).

ХРИСТИАНСТВО И ЭКОЛОГИЯ

*Митрополит Таллиннский и Эстонский
АЛЕКСИЙ*

ХРИСТИАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ ПРОБЛЕМУ

Знамение времени

Необычайные успехи науки и техники, наряду с острыми социально-политическими кризисами и перестройкой традиционных общественных структур, — едва ли не главная особенность нашей бурной и противоречивой эпохи, насыщенной трагическими конфликтами, надеждами и предчувствиями при страстной устремленности народов к всеобщему миру и благополучию.

На пути к этой цели, подготовленной умонастроениями двух предшествующих веков, именно научному знанию с его техническими приложениями усваивается роль всеисцеляющего средства в борьбе с голодом, болезнями, невежеством и стихийными бедствиями, угрожающими существованию человека.

Та же наука привлекается к задаче наилучшего устройства человеческого общежития или социального порядка, к делу развития промышленности, сельского хозяйства, использования природных богатств, укрепления обороноспособности государств. И надо сказать, что огромные научные достижения в различных областях все более укрепляют веру в могущество научного знания.

Однако, какой бы положительной ни была роль научно-технического прогресса в развитии промышленности и всех областей мирового хозяйства, есть и другая сторона медали, на которой крупными буквами отчеканена «экологическая проблема» нашего времени. Поражающая своей неожиданностью и особенно глобальными масштабами, эта проблема заявляет о себе целым комплексом утрат, бедствий и трудностей, возникших перед человечеством в результате недальновидного, неб-

Христианский взгляд на экологическую проблему

режного и даже хищнического использования окружающей природной среды, которая отвечает на такое отношение к себе оскудением жизненно необходимых человеку ресурсов и расстройством своих, благотворительных для него функций и процессов. Трагизм положения усугубляется тем, что за ошибки и просчеты одного поколения жестоко расплачиваются следующие поколения. Эгоистический принцип «после нас хоть потоп» становится сущим проклятием для потомков преуспевших в свое время «деятелей».

Все это, вместе с возможностью опустошения нашей планеты ядерной войной, входит в содержание экологической проблемы, и вполне понятно, почему она воспринимается христианским сознанием как грозное знамение времени, истолкование которого становится для верующего разума настоящей потребностью.

Цена научно-технических достижений

При обозрении болезней, ран и смертей, причиняемых окружающей нас природе и людям промышленностью, урбанизацией, транспортом и вообще технической активностью человека, невозможно отделаться от мысли о дорогой цене, которую современное общество платит за так называемые блага цивилизации.

Одним из величайших достижений науки и техники надо считать преодоление времени и пространства при помощи различных видов транспорта. Скорость сокращает расстояния и сберегает время, что имеет огромное значение в жизни современного общества. Но, пользуясь быстротой передвижений, оно ежегодно расплачивается за нее десятками тысяч смертей и сотнями тысяч увечий на автомобильных, железнодорожных и воздушных трассах. Между тем транспорт всех видов с каждым годом развивается, скорости увеличиваются до сверхзвуковых и космических. Правда, с неизменным запозданием совершенствуются и методы борьбы за безопасность движения, и все же его быстрота продолжает перевешивать ценность человеческой жизни.

Это лишь одна, наиболее наглядная сторона дела. А загрязнение воздуха городов ядовитыми продуктами сгорания бензина в миллионах автомобильных двигателей, и действие на психику

людей их угнетающего шума! А непрерывный рост потребления промышленностью и транспортом атмосферного кислорода, угрожающий превысить его естественное восстановление!.. Можно и далее продолжить перечень побочных последствий «победы» человека над временем и пространством, но и сказанного, полагаем, довольно, чтобы задуматься над ее двусмысленностью.

Противоречивым характером, борьбой жизни и смерти отмечена вся хозяйственная деятельность человечества. Его численное возрастание при увеличении потребностей требует ускорения производства разнородной продукции и, следовательно, непрерывного развития промышленности с помощью науки и техники. А промышленность, поглощая огромное количество природных ресурсов, сырьевых и энергетических, не только истощает их, но и загрязняет среду обитания людей производственными отходами, что приводит к нарушению равновесия в биологических природных системах.

Тот же прирост населения в сочетании с голоданием одной его трети и недоеданием другой требует вместе с расширением посевных площадей повышения продуктивности сельского хозяйства, что не в последнюю очередь достигается применением ядохимикатов. Но, облегчая сохранение урожая или его уборку, эти вещества наносят и существенный вред: ядохимикатами уничтожаются и вредные, и полезные насекомые, и дикие животные, и птицы, и рыбы; кроме того, они накапливаются в зернах пшеницы, ржи, ячменя и других злаков и через них — в человеческом организме, и «пока не выяснено, — пишет один ученый, — к каким последствиям это накопление приведет».

Проникнув в тайны материи, наука открыла в ней практически неиссякаемый источник атомной энергии, которая, по выражению знаменитого физика Макса Борна, «содержит в себе одновременно и страшную угрозу, и ослепительную надежду: угрозу самоуничтожения человеческого рода и надежду на земной рай» («Моя жизнь и взгляды». М., 1973. С. 47). И что же? Это открытие было применено прежде всего для войны. Военный эффект двух первых атомных бомб был доказан незабываемой трагедией двух японских городов. Но с тех пор новое оружие доведено до такого убийственного совершенства, что обладающие им государства стали перед необходимостью вести переговоры о его ограничении и запрещении. Несмотря на это, другие страны продолжают совершенствовать это страшное

оружие, не смущаясь тем, что его испытания в атмосфере пагубно действуют на окружающую природу и на людей на глобальных пространствах. Ввиду таких фактов можно ли избежать еще большего повышения радиоактивности атмосферы и генетических последствий этого? И остается ли надежда на то, что ядерной войны не будет?..

Правда, этой войне в течение многих лет противопоставляется — и небезуспешно — мировое общественное мнение, борьба народов за укрепление мира, за социальную справедливость. Верно и то, что вредные воздействия научно-технических средств на природу и человека можно ослаблять хозяйственной предусмотрительностью, законами по охране природы и восстановительными мероприятиями, что теперь и делается, хотя и в ограниченных масштабах, и с большим запозданием. Но пока природная среда продолжает истощаться и страдать от воздействия людей и пока сохраняется в силе угроза ядерной войны, остается законным вопрос: почему научно-технические победы над природой так часто оказываются для нас поражениями? Как объяснить это безысходное, на первый взгляд, противоречие?

Для христианского сознания все бедственные состояния природы, так или иначе связанные с научно-технической и хозяйственной деятельностью человека и поражающие его самого, имеют своей глубинной причиной искажение нравственной основы изначально данного человеку господства над природой.

Нравственный принцип господства

Как бы далеко мы ни заглядывали в прошлое, в нем невозможно найти более глубокое обоснование господства человека над природой, чем данное в двух повествованиях Книги Бытия о сотворении мира и человека:

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над

птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт. 1:26—28).

«Обладайте и владычествуйте над всею землею» — эта Богооткровенная истина впервые зафиксирована Бытописателем в те отдаленные времена, когда религиозные верования всех народов, за исключением его собственного, были проникнуты чувством зависимости от природы, когда ее стихии обожествлялись и люди воспринимали их грозную власть над собой с не меньшей покорностью, чем деспотизм своих вождей и правителей. Но не о такой власти человека над природой говорит Книга Бытия. Уже та забота, с какою «насадил Господь Бог рай в Едеме, на востоке, и поместил там человека, которого создал, и произрастил... всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи» с тем, чтобы человек «возделывал и хранил» место своего обитания, показывает, что дарованное ему владычество над природой должно быть подобно владычеству Божию над миром: это не деспотический произвол тирана, а царственное промысление о благе каждого создания.

Если заключительные слова первой главы Книги Бытия — «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» воспринимаются как удовлетворение Творца гармонией и целесообразностью созданного Им космоса, в котором человек причастен всем другим земным существам, то вторая глава представляет человека как свободную разумную личность, «причастную Божественной полноте» и призванную совершенствовать окружающий мир. Нарекая имена животным, он исходит из познания их сущности. Поэтому человеку дано владычествовать над земной природой. Это значит, что человек, созданный по образу и подобию Божию, должен был восходить сам и возводить вместе с собою всякий род творений к Богу. По мысли св. Максима Исповедника, «первый человек был призван воссоединить в себе всю совокупность тварного бытия» и, достигнув совершенного единения с Богом, сообщить таким образом состояние обожения всей твари. Ему предстояло «соединить рай со всей землей, то есть, нося всегда рай в себе в силу своего постоянного общения с Богом, он должен был превратить в рай всю землю» (В. Лосский. Мистическое богословие Восточной Церкви, гл. 5).

Так выясняется нравственная высота господства человека над природой: постоянное попечение о благобытии всей твари, возможное лишь при любви к каждому созданию.

Утрата господства и путь к его восстановлению

Итак, человеку, венцу творения, надлежало входить в славу своего Творца и приобщать к ней созданный Им мир. Но первые люди не выполнили этого назначения. Они соблазнились подсказанной им со стороны возможностью стать совершенными, «как боги, знающие добро и зло», без всякой работы над своим нравственным развитием, посредством вкушения плодов с запретного древа. По выражению одного из экзегетов, они «в сущности, захотели того, чтобы их жизнь и судьба определялись не ими самими, а внешними материальными причинами», и, отойдя от Бога, добровольно подчинили себя внешней природе.

Это грехопадение, усиленное самооправданием («жена дала мне от дерева, и я ел; змей обольстил меня, и я ела»), лишило их причащения от Древа Жизни и повлекло за собой скорби, болезни и смерть. Расстроилась и жизнь природы, ставшей враждебной человеку. Его господство над нею сменилось необходимостью отстаивать свое существование от грозных природных стихий и бороться с «терниями и волчцами» земли, «в поте лица добывая у нее хлеб свой» (Быт. 3:18—19).

Но Бог не оставил людей в положении «беспомощной добычи зла» и Своим обетованием Избавителя («Семена Жены») сделал так, что вызванный грехопадением беспорядок стал служить Божественному порядку, или Домостроительству спасения всех людей, самая смертность которых может «пробуждать в них раскаяние, то есть возможность новой любви».

Не было отнято у людей и Божие благословение «владычествовать над всею землею». Но это владычество после грехопадения из реального в саду Едемском стало как бы потенциальным на земле, производящей теперь «тернии и волчцы». Возмущенную человеком землю и всю природу ему предстояло покорять трудом постепенно, в длительном процессе исторического развития на избранном пути познания добра и зла.

Природа в естественных религиях древности

Избранный первыми людьми путь оказался трудным и противоречивым в силу вражды, положенной Богом между семенем змия и Семенем Жены: «оно будет поражать тебя в голову, а ты

будешь жалить его в пята» (Быт. 3:15), — так предрекал Бог происходящую в истории человечества борьбу между областью света, правды, добра и областью тьмы, лжи и всякого зла со смертельным исходом для последней, когда Бог будет «всяческая во всех». Это борьба началась после того, как первые люди поддались соблазну самообожения.

Но сначала этот соблазн избрал сферой своего действия естественные, или языческие религии, которые возникали у первобытных людей в силу врожденного человеку богосознания, затемненного первородным грехом и ниспадением в бедственность физического существования. Поэтому их религиозный инстинкт был направлен на обоготворение природных сил, то благотворных, то смертельных для жизни. Жертвоприношения, заклинания и другие ритуальные действия имели целью расположить обоготворяемые силы природы в пользу, а иногда и во вред человеку. И не только расположить, но и магически овладеть этими силами. В дальнейшей эволюции языческих религий дело доходило и до обожествления людей, обладавших могуществом власти, замыкая таким образом порочный круг человеческого самообожения.

Христианство и природа

Христианству предшествовала и служила основанием ветхозаветная религия, отношение которой к природе было совсем иным, чем у языческих народов. Библия свидетельствует, что Бог, Творец неба и земли, человека и всего видимого мира, учил Свой народ жить в согласии с природой, соблюдать ее законы, оберегать от загрязнения и давать отдых в день и в год субботний. Псалтирь царя Давида воспевае Бога как Господина и Повелителя природы, которая полна послушания и хвалы своему Творцу. В библейских картинах природы нет страха перед ее стихиями, но много мудрого восхищения ее величием и красотой. Вдохновенные описания природы у пророков становятся прообразами ее будущего преображения.

Это воззрение на природу перешло и в христианство. В отличие от языческих религий, порабоцевавших человека природным силам, то добрым, то злым, христианство открыло в нем язву первородного греха, корень нравственного разложения ан-

Христианский взгляд на экологическую проблему

тичного общества, и принесло людям спасение от греха и его последствий.

С проповедью Евангелия стало меняться отношение человека к внешней природе. Свобода от языческого страха перед силами природы открыла людям путь к сознательному овладению ими посредством труда и знания. Этот процесс был медленным и продолжительным в силу связанности социальными и хозяйственными формами жизни, которые лишь постепенно изменялись под воздействием христианства. Известна благотворная роль монашеских общин в налаживании хозяйственной жизни на Западе в Средние века его истории, когда начиналось заселение еще не освоенной человеком Северной Европы. Тогда монастыри были средоточиями одновременно духовной и хозяйственной энергии.

И у нас, в древней Руси, монастыри, распространяя духовное просвещение, в то же время способствовали собиравшемуся вокруг них населению осваивать суровую природу Севера. Под их руководством лесные дебри и болота превращались в плодородные пашни и сады. Именно так «основатели монастырей, убегая от соблазнов мира, служили его насущным нуждам», — пишет историк В. Ключевский. Чем служили? Постом, молитвой и преобразованием первобытной природы хозяйственной деятельностью, в которой были руководимы библейским Откровением о служебном назначении природы по отношению к человеку и христианским аскетизмом, ограничивающим человеческие потребности самым необходимым для жизни.

Это аскетическое направление монастырского хозяйства, не мешая улучшению его методов, способствовало господству духа над плотью, над поврежденной грехом природой самого человека. А господство над собой давало ему власть и над внешней природой, и это была не власть эгоистического произвола, а власть любви, располагающая всякое создание к покорности человеку, примерами которой полны жития христианских подвижников.

Но, распространяясь среди населения, хозяйственный аскетизм стал постепенно уступать место хозяйственному эгоизму, ставшему впоследствии источником экологической проблемы.

Современная цивилизация и природа

При выяснении причин экологической проблемы нашего времени нельзя уклониться от вопроса об истоках породившей

ее современной цивилизации, превозносящейся своей властью над природой. По месту происхождения эту цивилизацию обычно называют европейской, хотя она уже давно перешагнула пределы Европы, утвердилась в западном полушарии и постепенно становится достоянием всех народов Земли, по крайней мере в своем материальном и научно-техническом содержании.

Возникшая на разлагавшихся остатках языческой греко-римской культуры, европейская цивилизация своим развитием самым тесным образом связана с распространением христианства в Европе, а ближайшим образом коренится в эпохе Возрождения, которая в XVI веке ответила на духовный деспотизм Западной Церкви Реформацией и гуманизмом.

Противопоставляя церковному универсализму Рима свободу личности и мысли, реформация стала источником различных сектантских течений, образовавших впоследствии протестантскую ветвь христианского мира. Характерной особенностью протестантских сект, распространившихся среди народов Северной Европы, явилось приспособление христианской доктрины к их национальному духу, к личной и социальной активности человека. Протестантское мышление стало регулировать мирскую деятельность, направленную на устройство земной жизни. В этом отношении особенно большое значение имел кальвинизм, который утвердился на Британских островах в форме пуританства с его учением о предопределении, с воспитанием личной энергии и предприимчивости, с проповедью бережливости, поощряющей обогащение, с отказом от роскоши и развлечений ради полезного и доходного занятия, с отношением к профессиональному труду, как религиозному служению, и с общей его направленностью к экономическому процветанию — личному, общественному, государственному. Именно пуританская моральная дисциплина явилась духовной колыбелью промышленной революции Англии, откуда она распространилась по всей Европе, завоевала Америку и проникла в другие части света, возводя европейскую цивилизацию в ранг всемирной.

Динамика этого развития с самого начала определилась применением в промышленности машин, создаваемых на основе математических достижений Галилея и Ньютона — основоположников современной механики. Открытый учеными Возрождения механизм вселенной стал фактором развития механической цивилизации нашей эпохи. Дальнейшие успехи естество-

Христианский взгляд на экологическую проблему

знания неизменно сопровождались практическим применением их в промышленности и других областях хозяйства и быта, и этот научно-технический прогресс постепенно расширял контроль человека над окружающей природой, выражавшийся главным образом в неограниченном использовании ее ресурсов без мысли о возможности их оскудения и, тем более, о нарушении равновесия между обществом и природой.

Такое развитие обусловлено частной собственностью на средства производства и потому является стихийным, неуправляемым, зависящим от таких изменчивых факторов, как спрос на товары, конкуренция, движение цен, общая конъюнктура и т. д. Поэтому для промышленной экспансии природные богатства стали с самого начала объектом жадной эксплуатации, вдохновляемой лишь хозяйственным расчетом на денежно-экономический эффект. Если во времена Средневековья отношение человеческого общества к природной среде было связано с христианским аскетизмом, с чувством ответственности за тварь, страдающую по вине человека, и с религиозно осмысленным соблюдением законов природы, то позднейшая эпоха внесла в хозяйственное развитие жестокую конкуренцию и национальное соперничество, породившее ожесточенные войны за источники сырья для промышленности, за рынки сбыта товаров, за экономическое и политическое преобладание. И в этой борьбе личных, национальных и государственных эгоизмов власть человека над природой превратилась в хозяйственный деспотизм, чуждый нравственных побуждений и потому разрушительный и для природы, и для человека.

Таково происхождение экологической проблемы, долгое время назревавшей в недрах европейской цивилизации по мере ее обмирщения и ослабления христианских традиций. Сосредоточенность на задачах материального прогресса привела эту цивилизацию к подмене нравственной основы обладания природой лозунгом «умножай богатство» и поставила все человечество на грань экологической катастрофы.

Распространение экологических бедствий

Сказанное выше объясняет, почему экологическая проблема с особой остротой встала прежде всего перед индустриально развитыми западными странами. Их промышленные центры и

города первыми погрузились в туманы ядовитого смога, а загрязнение рек, озер и прибрежной полосы морей отходами производства приняло катастрофические размеры. О степени загрязнения воздушного бассейна над США можно судить по ежегодному выбросу трубами промышленных предприятий и глушителями автомобилей более 150 миллионов тонн дыма и вредных газов.

В неблагополучном состоянии оказалась и западноевропейская зона биосферы, разрушаемая отходами промышленности Англии, Франции, ФРГ, Бельгии и других стран старой Европы. На страницах западной прессы все чаще начали появляться тревожные сообщения о разрушительных последствиях научно-технического прогресса для природы и человека. «Средиземное море находится в крайне тяжелом положении от загрязнения вод промышленными отходами, нефтяными и химическими продуктами». «Женевское озеро, слишком густое для питья и слишком жидкое для пахоты, страдает из-за злоупотребления промышленной революцией». «Рейн превращен в сточную канаву для фабрик и заводов прибрежных стран»... * То же сообщалось о других реках Европы. Писалось об уничтожении рыбных богатств, о нехватке чистого воздуха, чистой воды, как о побочных результатах хозяйственного и научно-технического прогресса, по адресу которого нередко выражалось глубокое разочарование.

Экологические бедствия распространились и на Азию. Невозможно было без волнения читать о катастрофических последствиях отравления почвы, воздуха и водных бассейнов Японии смертоносными отходами промышленности и транспорта этой страны. Ядовитые вещества, попадая в организм человека через дыхательные пути и пищевые продукты, приводят к страшным заболеваниям и гибели множества людей, не говоря уже о нарушении биологического равновесия в окружающей среде.

На нашей родине и в странах восточной Европы также имелось немало трудностей, осложнявших результаты целенаправленного планирования производства неожиданными негативными последствиями. И тем не менее, во всех развитых странах

* В последующие годы экология Женевского озера и реки Рейн была в значительной степени восстановлена. — *Прим. авт.*

экологическая проблема ставила в принципе задачу, разрешимую посредством разумного использования естественных ресурсов, соединяемого с восстановлением и охраной природной среды.

Конечно, в глобальном масштабе экологическую проблему разрешить не так легко, в чем можно убедиться, если рассмотреть хотя бы одну зависимость всего живого на Земле от состоянии ее воздушного и водного океанов. О полном равнодушии этих природных стихий к государственным границам говорить не приходится, поэтому прогрессирующее загрязнение атмосферы и мирового океана промышленностью и транспортом всех стран чрезвычайно усложняет экологическую проблему. Достаточно напомнить о поступлении в тонкую воздушную оболочку (тропосферу) земного шара сотен миллионов тонн загрязняющих веществ ежегодно, чтобы понять, как пагубно воздействует такое загрязнение на жизнедеятельность растений и животных, не говоря о людях.

А в каком состоянии теперь мировой океан, на который привыкли смотреть как на всепоглощающую бездну и неисчерпаемую кладовую разных сокровищ, необходимых для человека? Никто раньше не сомневался в саморегуляции его внутренних процессов, в его способности не только скрывать, но и перерабатывать любые отбросы человеческой деятельности. Поэтому в его воды до сих пор спускается огромное количество промышленных и бытовых отходов, в значительной части ядовитых, непрерывный поток которых ученые сравнивают с самой многоводной рекой нашей планеты — Амазонкой (*Т. И. Ойзерман. Исторический материализм и идеология «технического» пессимизма // Вопросы философии, 1973, № 8. С. 89*).

Только теперь, когда загрязнение мирового океана вызывает катастрофические последствия для его растительного и животного мира, следовательно, для человечества, мы начинаем сознавать смертельную опасность, которую сами создаем. В недавнем прошлом в океанских водах было затоплено множество контейнеров с горчичным газом и с радиоактивными остатками топлива атомных реакторов, а также огромное количество снарядов, оставшихся после второй мировой войны, и семь тысяч тонн мышьяка, достаточного по весу, чтобы умертвить утроенное население земного шара (*Б. Лефевр. Океан в опасности // За рубежом, 1973, № 21*).

Все это создает для человечества мрачную перспективу надвигающейся экологической катастрофы, предотвратить которую можно только в условиях мирного сотрудничества всех государств, а лучше сказать, в условиях отсутствия между ними всякой напряженности, вызываемой взаимным недоверием, соперничеством, стремлением к господству, их военными потенциалами.

«Экологические» настроения в развитых странах

К сожалению, необходимость защиты природы от разрушительного воздействия человека была осознана в промышленно развитых странах слишком поздно, чтобы можно было предотвратить или хотя бы исправить некоторые, наиболее опасные повреждения биосферы. Почти с начала текущего века эти страны были поглощены то войнами и восстановлением хозяйства, то гонкой вооружений и успехами научно-технического прогресса. И до недавнего времени мало кто задумывался об истощении природных богатств или о вредных для природной среды последствиях промышленного производства. Еще меньше думали о нравственном состоянии цивилизованного общества. И только в конце шестидесятых годов драматизм экологического кризиса вызвал в странах Запада настоящую тревогу, ставшую в наши дни достоянием широких общественных кругов.

Надо сказать, что в сознании многих людей Запада экологические бедствия связались — и не без основания — с такими явлениями духовной деградации общества, как рост преступности, наркомании, психических заболеваний, самоубийств, и создали почву для пессимистических настроений, оценок и выводов относительно его судьбы. Происхождение последних ставится в прямую связь со стяжательским духом, определяющим жизнь Запада, по христианской оценке, искажающим нравственную основу господства человека над природой и в нем самом, и вокруг него, что и привело человечество на грань экологической катастрофы.

На последней глубине экологический кризис, несомненно, связан с нравственным состоянием западного общества. Недаром глубокая тревога по этому поводу охватила ныне его многих мыслителей, ученых, общественных и церковных деятелей. Выражаясь в безудержной эксплуатации трудящихся, в расовом

Христианский взгляд на экологическую проблему

угнетении, в культе насилия и сексуальности и в других явлениях аморализма, она становится для христиан Запада призывом к покаянию в грехе измены Евангелию, в грехе предельного искажения его нравственных принципов, вплоть до полного их извращения в памятный для всех фашизм.

Ответственность за безопасность и сохранение природной среды ученых кругов, общественности и властей индустриальных стран Запада усугубляется тем, что в борьбе за преодоление экологического кризиса защитные и восстановительные мероприятия им приходится осуществлять в условиях упорного сопротивления промышленных корпораций, которые неохотно идут на крупные расходы, связанные с разумным использованием природных ресурсов и с ограждением природной среды от порчи и загрязнения.

Но, несмотря на эти трудности, общественное движение на Западе за оздоровление природной среды продолжает усиливаться, побуждая правительства принимать соответствующие меры законодательного и административного порядка. Большую роль в этом деле играет инициатива ученых и прогрессивных движений, организующих общественное мнение. Обсуждение различных социологических анализов и прогнозов, связанных с научно-техническим прогрессом и с его отрицательными последствиями для людей и природы, способствует осознанию того, что техническая власть человека над природными силами может служить улучшению условий жизни лишь в сочетании с его доброй нравственной волей, направляющей эту жизнь к более высоким целям, чем житейский комфорт или самодовольное экономическое процветание.

В западном обществе все более растет сомнение в современном «разумном» использовании достижений науки и техники. «К какому будущему направляют нашу культуру власть имущие не только в государстве, но и в области промышленности, торговли, финансов, рекламы, профессиональных союзов?» — ставит вопрос один из католических священников и отвечает: «Со времени Хиросимы и с тех пор, как мы увидели опасность химического загрязнения городов и природы, мы знаем, что сила техники способна не только создавать, но и разрушать, что она, сама по себе, не может обеспечить счастливое будущее мира. Она зависит от тех, кто пускает ее в ход. От тех, кого может трагически ослепить желание непосредственной выгоды, жадность, страсти, жажда мести. Кто

поможет человеку найти подлинное счастье в такой обстановке?»...

Действительно, эта обстановка не благоприятствует спокойствию и даже относительному благополучию человека; она изнуряет людей лихорадочной деятельностью, которой они предаются; она все более сокращает возможности наслаждения природой, уродуемой и разоряемой промышленностью и урбанизацией; она лишает множество людей счастья сельского труда «лицом к природе с ее таинственной жизнью»; она делает их пленниками искусственной среды, угнетающей психику шумом и бессмысленной суетой.

В подходе к экологическим проблемам на Западе обнадеживающим представляется энтузиазм многих представителей молодого поколения с его стремлением объединить их решение с социальными задачами. Молодые поборники оздоровления природной среды считают, что она включает в себя не только леса, реки и озера, но и бедные городские районы, и медицинское обслуживание населения, и расовые взаимоотношения. Молодежное наступление на промышленный сектор в союзе с учеными специалистами и прогрессивными организациями по охране природы становится важным фактором ее оздоровления, возрождая забытый в борьбе эгоизмов нравственный принцип служения обществу, противопоставляемый эгоистическому принципу извлечения материальной выгоды.

Пробуждению нравственного сознания общества способствуют также примеры бескорыстного служения выдающихся представителей науки, посвятивших себя делу защиты природной среды от пагубного воздействия современной цивилизации. В своих лекциях и печатных трудах они заявляют, что наука еще не обладает достаточными знаниями о мире природы, испытывающей то или иное воздействие техники, и призывают к переоценке наших отношений к природе, на которую техника ведет наступление. При этом выражается надежда, что «заложенное в человеке нравственное начало наконец-то свернет новую силу, которой снабдила нас наука, с пути катастрофы на путь, ведущий к цели, общей и для науки, и для человечества, — к благоденствию всех населяющих Землю людей».

На нашей родине и в странах Восточной Европы также обсуждается вопрос о соотношении научно-технического прогресса и нравственного сознания общества. Самая постановка этого во-

проса показывает, что, несмотря на очевидное могущество научного знания, ему нельзя приписывать всемогущества в смысле верховного руководства жизнью. Наука и техника — всего лишь средство в руках человека, который может пользоваться им в самых противоположных целях. Отсюда — актуальность темы об этике ученых и особенно «об ответственности сил, на деле... ведающих процессом использования и применения научных знаний». Исключая использование науки и техники против человека, общества и природы, наше общество не застраховано от проявлений халатности, небрежности, моральной неустойчивости своих членов в обращении с техникой и природой. Следовательно, необходим этический контроль не столько над самой наукой, сколько над ее общественной организацией, над способом ее соединения с техникой и экономикой.

Охрана природы законом

Во многих странах этический контроль обличается в форму государственных законов по охране природы. Эти законы должны регламентировать производство и эксплуатацию природных ресурсов, обеспечивать рациональное использование природы ради сохранения и приумножения ее богатств для будущих поколений. По мере развития экономики, науки и техники должны совершенствоваться и законы, определяющие отношение общества к природе. Еще в Советском Союзе, например, улучшение и сохранение природной среды обеспечивалось Основами законодательства о земле, о водах, о здравоохранении, о труде и об охране природы. В январе 1973 года Совет Министров СССР принял постановление «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов». Этим постановлением и ранее принятыми законами были предусмотрены постоянный государственный контроль за всеми видами загрязнения окружающей среды и мероприятия по их ликвидации. Целая сеть научно-исследовательских учреждений была занята изучением различных частей биосферы с целью научного обоснования государственных проектов, затрагивающих взаимодействие общества и природной среды.

Однако национальные усилия весьма и весьма ослабляются прежде всего глобальными последствиями загрязнения таких частей биосферы, как пограничные реки, открытые моря миро-

вого океана и воздушное пространство. Отсюда возникает необходимость согласованных действий всех стран мира, чтобы добиться оздоровления природной среды в мировом масштабе.

Основы международного сотрудничества

В наше время солидарность народов и государства в защите природы проявляется все более и более. Объединяющей силой здесь оказывается общая опасность, пробуждающая в людях всех стран и народов чувство зависимости друг от друга и необходимость сотрудничества и взаимопомощи.

Для поддержания мира между народами создана Организация Объединенных Наций. Под ее эгидой видные ученые, инженеры, врачи, общественные и государственные деятели разных стран уже в течение ряда лет объединяются для изучения экологических проблем и разработки методов их разрешения. Для нашей темы нет нужды освещать организацию и содержание этой работы, но было бы упущением оставить без внимания те идеи, которые положены в основу международного сотрудничества в защиту природы. Оно имеет ясную установку на создание научно и технически обоснованных проектов, программ и рекомендаций, необходимых для разумного управления хозяйственным и научно-техническим развитием отдельных стран и районов мира и, что особенно важно, на разумное использование даров природы, которую нельзя разрушать и опустошать, если человечество желает обеспечить себе будущее.

Таков общий смысл тех ограничительных и созидательных мероприятий, которыми предусматривается оздоровление и сохранение природной среды нашего обитания. Их этическая основа, определяемая как разумное отношение человека к природе, не вызывает сомнений и делает возможным расширение его нравственного сознания, суженного привычным прагматизмом мышления в замкнутую на себя этическую систему.

Кстати сказать, все, что делается международным сотрудничеством ученых в защиту природы, совсем не поощряет распространения убеждения в том, что человек своим научно-техническим прогрессом будто бы достиг полного господства над природой. Скорее наоборот: ученые думают, что оказываемое этим прогрессом давление на природу еще более усиливает нашу зависимость от нее, которая дает себя знать всякий раз,

Христианский взгляд на экологическую проблему

как природные системы перегружаются вредными отложениями человеческой деятельности. Отсюда — рекомендации ученых: удерживать техническую мощь в пределах, не превышающих способности живой среды к саморегулированию (Барри Коммонер). Иначе говоря, технические средства надо применять так, чтобы они не наносили вреда природе и человеку. Или еще точнее: человек, воздействуя на природу, не должен нарушать ее внутренних законов. А это правило имеет под собой уже положительную этическую основу, совпадающую с библейской заповедью: «возделывать и хранить» природную среду обитания.

Такие явления, как изменение погоды и климата, наводнения и ураганы, извержения вулканов и другие возмущения природы, в сочетании с необратимостью изменения теплового баланса Земли, оскудения ископаемых ресурсов, вымирания многих видов животных и других утрат, вызываемых хозяйственной деятельностью человека, превращают дело глобальной защиты природы в сложнейшую задачу, которая, по-видимому, останется постоянной спутницей научно-технического прогресса. Сложность дела заключается в необходимости учитывать глубочайшую взаимозависимость всех явлений и всех существ природного мира, как единого целого, как единого организма, реагирующего даже на влияния, идущие из глубин вселенной. В научном же знании целостность природы дробится на множество частей, и необходимость изучения их взаимосвязей, образующих сложную сеть множества пересекающихся причинных рядов, делает проблему оздоровления и преобразования природы исключительно трудной.

По оценке экологов воздействие человеческого общества на природу сравнимо, по масштабам, с геологическими процессами, недоступными контролю человека. И все же наука, в лице ученых, принимает вызов природы, отвечая на него долгосрочной программой изучения, проектирования и организационных усилий по восстановлению биосферы. В документах, отражающих обсуждение природозащитных принципов и мероприятий, можно заметить и озабоченность отставанием нравственного развития от прогресса науки и техники. В этом смысле показательно признание недостаточности «только естественных наук и технических средств» для решения экологических проблем и вытекающей отсюда необходимости «учитывать социальные аспекты развития человеческого общества, в особенности политику, администрирование, экономику, право, социологию и психологию».

Поэтому возникает задача «более действенного просвещения... широких слоев общественности», воспитание молодежи в духе ответственности и т. д. («Использование и охрана природных ресурсов». М.: Изд-во «Прогресс», 1973. С. 11).

Этическая направленность международного сотрудничества в этой области ясно свидетельствует не только о сознании ответственности ученых за сохранность природной среды, но и о том, что работа по ее оздоровлению может достигать своей цели лишь при условии нравственного оздоровления всего человеческого общества.

Проблема нравственного развития

Господствующим умонастроением нашего века продолжает оставаться секулярный гуманизм, и вполне естественно поставить его лицом к лицу с современной нравственной проблемой: какими возможностями он располагает для ее разрешения? Мы знаем, что здравый смысл и разум способны удерживать нас от самоуничтожения. Этому помогает и воспитание молодых поколений в духе ответственности. Сюда же примыкают чувство долга, честь и стыд, жалость и стремление к справедливости. Законы, обеспечивающие справедливый порядок жизни, тоже занимают свое место в кругу тех моральных сил, которые образуют содержание гуманистической этики, основанной на вере в нравственную силу человека.

Но эта вера подвергается ныне сильному испытанию экологическими бедствиями, вызванными эгоистическим обращением человека с природой, равно как и сохраняющейся угрозой самоуничтожения — в ядерной ли войне, или в экологической катастрофе, угрозой, исходящей не от науки и техники, а от вооруженного ими человека. Напомним, что мотивом первого братоубийства, о котором повествует Библия, были не голод и не самозащита, а зависть, то есть злая страсть, последствие первородного греха. Власть этого греха в человеке такова, что «против всякого добра в нас есть противоположное худо», как говорит епископ Феофан Затворник в подтверждение двойственности человеческой природы, раскрытой апостолом Павлом в Послании к римским христианам: «Желание добра есть во мне, — говорит он, — но чтобы сделать оное, того не нахожу» (7:18). «Когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внут-

Христианский взгляд на экологическую проблему

ренному человеку нахожу удовольствие в законе Божиим, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим. 7:21—24).

Этот горестный и в то же время полный надежды возглас апостола находит завершение в действенной любви к Богу и к ближнему, имеющий незыблемое основание в Том, Кто Своим Распятием и Воскресением открыл путь к обожению и дает силы побеждать грех, восстанавливая наше естество в его первоначальном достоинстве.

В этом восстановлении и заключается нравственное развитие человека, очищение его сердца, совершенствование его личности. Оно не бывает легким и прямолинейным, ибо «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12). Без усилия и подвига нельзя преодолеть грех и его соблазны. И если каждое проявление любви наносит поражение силам зла и греха, то и каждый наш греховный поступок сообщает им еще большую активность в мире, который, являясь ареной борьбы добра и зла, находится в полной зависимости от нравственного состояния людей.

Эта зависимость такова, что «каждое наше действие, слово, даже мысль — вклад в общую сокровищницу добра и зла», — говорит один православный мыслитель. «Кто повышает свою жизнь в духе, тот подымает сумму добра и красоты в мире; кто падает, тот понижает собою и вселенную. Победа одного — победа всех; поражение одного — поражение всего человечества... Все в мире связано между собою. Нельзя подняться, чтобы не поднять других, нельзя опуститься, чтобы их не понизить». «Восходящий возводит собою всякий род творений, ибо всем им причастен», — говорит св. Григорий Палама. О том же пишет и апостол Павел: «Тварь совокупно стенает и мучится донныне. Она покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» (Рим. 8:22, 20—21).

Христианский ответ на экологическую проблему

Приведенные выше слова апостола Павла означают, что освобождение твари, или природы, от тления и смерти обусловле-

но духовно-нравственным возрождением человека, призванного быть «совершенным, как совершен Отец наш Небесный» (Мф. 5:48), Который «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5:45), охраняя бытие рода человеческого и тем самым бытие природы и мира.

Но вот само человечество, все более многочисленное, развивая свою хозяйственную деятельность, становится виновником разрушения природной среды своего обитания, а благодаря успехам науки и техники, оказывается способным уничтожить и себя, и природу. Неудивительно, что некоторые христиане принимают эту устрашающую возможность за признак близкого «конца света» и впадают в соблазн полного презрения к окружающему миру. В пассивном ожидании скорого пришествия Христова они проникаются равнодушием к ближним, к своим житейским делам и ко всем нуждам мира, истолковывая каждое его бедствие в духе возмездия за грехи людей.

Нужно ли говорить, что такое настроение никак не согласуется с эсхатологическими упованиями Церкви Христовой, которая, будучи не от мира сего, никогда не гнушается миром и не оставляет его в бедствиях, а всегда духовно питает и поддерживает. Веруя в грядущее обновление мира и в окончательное торжество Царства Божия, она не забывает истины, открытой чрез апостола Петра, который в ответ на иронический вопрос некоторых своих современников: а где же обетование пришествия Христова, ибо... от начала творения все остается так же? — говорит: «Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (2 Пет. 3:9).

Так терпение любви Божией охраняет тварный мир от распада и освобождает нас от апокалипсических страхов перед угрозой ядерной, экологической или иной какой катастрофы, превращая эти грозные знамения времени в напоминание христианам о необходимости «бодрствовать и молиться, чтобы Хозяин дома, придя внезапно, не застал нас спящими» (Мк. 13:35—36) и не осудил за равнодушие к делу спасения мира. Следовательно, не пассивное ожидание «конца истории», а христианская активность должна быть выражением нашей веры в грядущее преобразование твари, покорившейся суете, то есть тлению и смерти, не добровольно, а по воле покорившего ее человека.

Христианский взгляд на экологическую проблему

Отсюда — наша обязанность быть нравственно активными в борьбе с разрушительными силами зла, которые неумоимо разъединяют людей и народы взаимным недоверием, подозрительностью, эгоистическими интересами, личными и групповыми, приводящими к экономическому, национальному и политическому соперничеству, к властолюбию, зависти, вражде и, в конечном счете, к взаимному истреблению в войнах. Именно эта активность зла разрушает и международный мир, и окружающую нас природу, стремясь уничтожить вместе с ней и человека.

Но христиане знают, что в наш ядерный век их нравственная активность должна быть направлена прежде всего на укрепление международного мира, каждое нарушение которого может превратить экологическую проблему в тотальную экологическую катастрофу.

В этой противоречивой и двусмысленной ситуации слова апостола Павла о «подчинении твари суете» (Рим. 8:20) напоминают нам не столько о служебном назначении природы по отношению к человеку, сколько о том, что она стала служить «множеству пришедших к ней потребностей, между которыми, — по выражению епископа Феодана Затворника, — много ненужных, пустых, суетных, страстных, греховных»... Не их ли роковая власть повинна в прогрессирующем разрушении окружающей нас природной среды и в огромном количестве человеческих жертв, устилающих путь современной цивилизации?

Христианским ответом на этот вопрос и на апостольское напоминание может служить только путь достойного возвышения человека над жизнью природы в качестве ее разумного, бережливого и попечительного хозяина. Хочется верить, что опыт вынужденного самоограничения, ниспосланный народам через энергетический кризис, научит многих жертвовать «низшими, земными ценностями ради высших, духовных» и тем самым поможет духовно осмыслить свои обязанности по отношению к бытию природного мира.

Пример такого осмысления подают нам из древности христианские аскеты-подвижники, которые особенно чутко воспринимали «совоздыхания» твари и ее зависимость от нравственного состояния человека. Они лучше других знали, как она участвует, по родству с ним, и в его ниспадении, и в его восстановлении, страдает от его греха тлением или суетой и приобщается

к его славе обновлением и нетлением, и поэтому имели по отношению к природе «милующее сердце», которое «не могло выносить, или слышать, или видеть какого-нибудь вреда или малой печали, претерпеваемой тварью» (св. Исаак Сирий).

Конечно, такой максимализм любви к природному миру доступен далеко не каждому. Но, вдохновляемые жизнью и примером святых — и не только святых, — мы, христиане, не можем оставаться равнодушными к таким фактам, как порча, или разрушение, или неразумная эксплуатация окружающей нас природы, и должны направлять свою нравственную активность на ее оздоровление и сохранение. Наш христианский долг — содействовать успеху гражданских движений в защиту природы, оказывать поддержку общественным, государственным и международным мероприятиям, направленным к той же цели, и разъяснять с церковных кафедр и в церковной прессе нравственные основы человеческого господства над природой, обязывающие каждого христианина «на пути своего соединения с Богом не отстранять от себя тварного, но собирать в своей любви весь раздробленный грехом космос, чтобы был он в конце преобразен благодатью» (В. Лосский. Мистическое богословие Восточной Церкви, гл. 5).

1974 г.

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

*Митрополит Смоленский и Калининградский
КИРИЛЛ*

ЦЕРКОВЬ БОЛЬШИНСТВА В УСЛОВИЯХ РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЫ

Выступление перед делегацией Фонда «Де Бюрхт»¹

— Рад приветствовать делегацию, прибывшую в нашу страну, чтобы из первых рук получить информацию о современном состоянии церковно-государственных отношений и о положении религиозных меньшинств в контексте нового Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Полагаю, что в определенном смысле духовно-общественная ситуация в России является уникальной, не имеющей аналогов в мире. Вместе с тем она в такой степени определяется исторической традицией и национальным своеобразием страны, что без учета этих факторов никакая оценка нынешнего положения религии не может считаться адекватной или хотя бы элементарно корректной. Ибо положение религии в советском обществе было поистине трагическим.

Общеизвестно, что России в XX веке выпало стать местом чудовищного эксперимента по тотальному уничтожению религии как таковой. Могут уточнить, что нечто подобное имело также место в Албании, но даже в этом случае размеры народной драмы оказываются несопоставимы. Огромное количество верующих христиан, в том числе архиереев, священнослужителей, монахов, богословов, которые были физически уничтожены

¹ 13 января 1998 года в Отделе внешних церковных сношений Московского Патриархата состоялась встреча митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя ОВЦС, с делегацией фонда «Де Бюрхт». Митрополит Кирилл обратился к собравшимся с вступительным словом, в котором рассказал о роли Русской Православной Церкви в истории России и изложил аргументы Церкви в поддержку нового Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», а также ответил на вопросы гостей.

или морально искалечены безжалостной машиной государственного атеизма, — дает нам основание говорить о проводившейся в течение десятилетий на огромных пространствах нашей Родины политике геноцида против религиозного народа.

Уже в ходе II Мировой войны гонения на Церковь стали утрачивать характер сугубой жестокости, но и после этого она еще на протяжении целой исторической эпохи продолжала оставаться под тотальным контролем власти, фактически существуя в социальном гетто на положении «подозрительной» маргинальной структуры.

1988 год, когда Русская Православная Церковь праздновала 1000-летие Крещения Руси, был отмечен таким подъемом религиозного чувства в народе, что многие из переживших вместе с Матерью-Церковью все обрушившиеся на нее невзгоды воспринимали массовое возвращение людей в храмы как истинное чудо Божие. Мало кто мог ожидать, что такое вообще возможно в стране, где на протяжении жизни трех поколений планомерно и методично пытались выкорчевать из человеческого сердца веру в Бога.

Однако, когда Русская Православная Церковь, равно как и другие христианские конфессии, обрела свободу действий и смогла в полной мере осуществлять свое служение, у многих наблюдателей возник вопрос: а сумеет ли Русское Православие сформулировать собственный ответ на вызов времени и общества — ответ, которого люди посткоммунистической эпохи ожидают от христианской общины? Ведь в течение семидесяти с лишним лет единственной доступной нам формой общественного действия оставалась молитва в церковной ограде. Это означает, что пик религиозного возрождения в России застал Церковь в ситуации острой нехватки служителей алтаря, культовых зданий, материальных ресурсов, но главное — отсутствия значительных навыков общественной деятельности. Вместе с тем стало очевидно: пробуждение в обществе духовно-религиозной потребности приведет к тому, что Церковь окажется вовлечена в решение множества подчас далеких от ее повседневной жизни вопросов, что к ней будут прибегать как к высшему авторитету, арбитру и последней надежде во всех мыслимых случаях. Так и произошло.

Церковь оказалась в очень трудном положении. Прежде всего, было очень нелегко заставить работать сложный церковный механизм иначе, в другом режиме. В то время многие сторонние

Церковь большинства в условиях религиозной свободы

наблюдатели нетерпеливо подгоняли нас. Вспоминаю тогдашнюю критику со стороны Глеба Якунина и его товарищей, которые со всех трибун корили нас: «Все в Советском Союзе перестраиваются, везде перемены, и только в лоне Церкви никакой перестройки нет. Церковь не в состоянии заниматься благотворительностью, религиозным образованием, она не способна вести разговор с обществом, она не работает со средствами массовой информации. И вообще политический процесс в стране не включает в себя диалога с Церковью». К сожалению, наши критики никогда не объясняли, почему так происходит, почему Церковь медленно выходит из состояния оцепенения, в котором ее продержали семь десятилетий.

Потребовалось приложить много усилий для того, чтобы интегрировать Церковь в жизнь современного общества, установить с ним взаимопонимание и диалог, разработать собственные социальные, благотворительные, образовательные программы и приступить к их осуществлению. Но вот прошло время, и сегодня такие люди, как Глеб Якунин, обвиняют нас уже в прямо противоположном. Они утверждают, что Церковь-де приобрела слишком большой вес в обществе, что она повсеместно присутствует и по всем вопросам высказывает собственное мнение, что она осознает себя государственным институтом. И в первом, и во втором случае наши критики оказались равно далеки от истины.

Разумеется, в сегодняшней России ни о каком привилегированном и тем более господствующем положении Православной Церкви говорить не приходится, не покушается она и на прерогативы государственной власти, ибо это противоречило бы не только ее собственной позиции, но и Конституции страны. Более того, Церковь сама отказалась от какого бы то ни было участия в политическом процессе и во власти.

Когда в нашей стране состоялись первые свободные выборы в парламент, стало очевидно, что коммунистическая идеология и соответствующий способ управления утратили в глазах общества всякую привлекательность. Возникла потребность в политической альтернативе коммунистической партии. Однако иных сильных политических партий тогда еще не существовало. Но была Православная Церковь — единственная социальная структура, которая не разделяла марксистской доктрины, находилась в идеологической оппозиции режиму, была преследуема им, но

сохранила себя. Люди рассуждали просто: этот режим пытался победить Церковь, но так и не достиг своей цели в течение 70 лет. Церковь же олицетворяет собою великую и благородную идею, у нее есть авторитет и всенародное признание, ее служители должны знать, что необходимо делать, как строить новую жизнь. Давайте голосовать за них. И началось широкое выдвижение священнослужителей кандидатами в депутаты. Если бы Церковь решила ответить на эти упования и включиться в политический процесс, то она с легкостью получила бы большинство в выборных органах власти всех уровней. Однако Православная Церковь запретила священнослужителям выставлять свои кандидатуры. Мы исходили из того, что Церкви не к лицу политическая вовлеченность, что ее миссия заключается в том, чтобы быть равно открытой и доступной для всех — для правых, для левых, для людей любых взглядов. Ибо единственное послание, с которым Церкви должно обращаться к обществу, есть послание евангельское.

Тем более странными выглядят в этой связи попытки представить Русскую Православную Церковь как едва ли не государственную. На Западе имеют хождение ложные и недоказуемые интерпретации недавно принятого Закона «О свободе совести...», согласно которым этот документ якобы предоставляет некие привилегии Русскому Православию. Надеюсь, все вы ознакомились с текстом Закона и убедились в том, что подобных положений в его нормативном корпусе не содержится. Скажу больше: в силу некоторых обстоятельств мы и не желали бы для себя таких привилегий. Возможно, для кого-то это прозвучит странно. Но мы хорошо помним, что во времена Российской Империи Церковь уже была государственным институтом, теснейшим образом связанным с тогдашней формой правления. Но вот тогдашняя власть пала и в своем падении едва не увлекла в историческое небытие саму Церковь. Если не ошибаюсь, филиппинскому кардиналу Сину принадлежит замечательное высказывание о том, что если Церковь заключает политический брак с каким-либо режимом, то она имеет все шансы очень скоро овдоветь.

По нашему глубокому убеждению, Церковь способна сохранить свою идентичность и верность исконному предназначению лишь при условии, что она будет существовать вне политических страстей и интересов, не соблазняясь отождествлением

Церковь большинства в условиях религиозной свободы

себя с каким-либо режимом или движением. Полагаю, в настоящее время главный политический интерес Русской Православной Церкви заключается в том, чтобы и в будущем сохранить свободу, необходимую ей для нестесненного исполнения своего пророческого служения в мире. С другой стороны, по нашему убеждению, Церковь не является, не может быть и не должна быть политической оппозицией. Однако у нее есть право и должна быть возможность обратиться к правительству и народу своей страны, чтобы донести до них то, что она считает насущно необходимым, исходя из своих убеждений.

Обсуждая положение Русской Православной Церкви в современном российском обществе, не следует упускать из виду, что большинство населения страны крещены в Православной вере, то есть принадлежат к Православной Церкви. Вне зависимости от того, насколько часто они посещают церковь или насколько они активны как прихожане, эти люди по определению являются православными. Этим историческим фактом доньше определяется значительное нравственное воздействие Церкви на жизнь государства и общества. Ибо именно Православие стояло у истоков русской государственности, его животворными токами пронизаны величайшие творения отечественной культуры, в его лоне формировались национальный идеал и даже тот язык, на котором я сейчас обращаюсь к вам. Думаю, нет ничего, что могло бы сравниться с исторической ролью Православия в деле формирования России как государства и русских как нации. Эта связь очень глубоко и живо ощущается нашими соотечественниками.

Иногда нас спрашивают: а как вообще могло случиться, что православная вера уцелела в условиях тотального контроля над личностью и обществом в Советском Союзе, при насильственно насаждаемом из поколения в поколение государственном атеизме? Ведь даже помыслить было невозможно ни о каких воскресных школах, не говоря уже о более высоких ступенях религиозного образования, почти все храмы были закрыты, разрушены или осквернены, священники и церковнослужители были крайне немногочисленны. Но едва только атеистическая система пошатнулась, как утверждавшееся десятилетиями безбожие рассыпалось в прах, и люди устремились в храм Божий. Нас спрашивают: как это произошло? Быть может, существовало какое-то церковное подполье, ка-

кие-то глубоко законспирированные структуры вели нелегальную работу в массах? Нет, ничего этого не было. Мы и сами до сих пор задаемся аналогичным вопросом: что же помогло нашему народу сберечь завещанную от предков веру, в годину гонений сохранить свою православную идентичность, подобно тому, как пшеничное зерно в зимние морозы сохраняет в толще мертвой земли свои жизненные силы, чтобы встретить приход весны зеленым ростком?

Наш ответ таков: когда Церковь была лишена возможности проповедовать, главным проводником ее ценностей и представлений оставалась национальная русская культура: литература, музыка, архитектура, живопись. Ибо все наше культурное наследие глубоко проникнуто идеалами христианства, идеалами Православной Церкви. И власть вполне отдавала себе в этом отчет. Именно поэтому она боролась не только с Церковью, но и с культурой. Не случайно взрывали храмы и монастыри, уничтожали иконы. Это были не акты спонтанного вандализма, не бессмысленный «культур-кампф», но борьба с Православием, укорененным в национальном культурном наследии. Однако уничтожить всего не удалось, да это было и невозможно. Ведь для того, чтобы православная вера окончательно перестала существовать, потребовалось бы уничтожить Пушкина, Лермонтова, Достоевского, а вместе с ними все музеи, все исторические храмы. То есть надо было бы уничтожить народ, а это уже было не в их власти. Поэтому возрождение народа в вере совершается у нас в лоне той самой Церкви, которая была с ним на протяжении последней тысячи лет.

И лишь после осознания этого исторического факта было бы разумно и справедливо переходить к вопросу о взаимоотношениях Православной Церкви с религиозными меньшинствами. Русская Православная Церковь претерпела слишком много во времена атеистических гонений, чтобы быть равнодушной к страданиям других, не говоря уже о том, чтобы поощрять подобную несправедливость. Ибо мы отдаем себе отчет в том, что свобода вероисповедания неделима, что благополучие для одной религиозной общины невозможно, если в обществе и в государстве представители другой общины будут дискриминированы. И потому наше место — в первых рядах тех, кто выступает за справедливость для всех вероисповеданий и за равные возможности религиозного выбора для каждого человека.

Церковь большинства в условиях религиозной свободы

Однако в жизни понятия свободы, равноправия и реального равенства составляют подчас сложное и весьма противоречивое единство. Я почти уверен в том, что вам известна замечательная книга русского религиозного мыслителя Бердяева «Философия неравенства», в которой рассматривается парадоксальная коллизия между идеями свободы и равенства. Взгляните на лесную поляну, где каждое растение развивается в меру своих сил и возможностей, и потому одно вырастает выше, другое — ниже, одно становится сильным, другое остается слабым. Здесь царит полная свобода, но отсутствует реальное равенство, хотя равные возможности имеются у всех. Модель совершенно иной ситуации — английский газон, где господствует абсолютное равенство, но нет никакой свободы, ибо все растения регулярно подравниваются. От нас всех потребуется известное интеллектуальное мужество, чтобы признать: нет и не может быть реального равенства между многомиллионной Русской Православной Церковью и крошечной религиозной общиной, возникшей стараниями приехавшего к нам вчера из США неведомого проповедника. У православного священника, и у протестантского пастора из Южной Кореи могут быть равные права в исповедании веры. Но не странно ли, если представитель небольшой группы из Южной Кореи станет домогаться на этом основании той же роли для своей общины, что исторически закрепились в России за Православием. Равенство здесь невозможно по определению, ибо на деле означало бы ущемление в правах Русской Православной Церкви, вынужденной в таком случае отказаться от своей тысячелетней миссии в России, поставить под вопрос свою ответственность перед Богом за православный народ, и, таким образом, впасть в грех перед Господом и перед людьми.

Нас нередко спрашивают: почему в церемонии инаугурации Президента России участвовал только православный Патриарх, но не было представителей всех остальных конфессий? Полагаю, по той же причине, по которой на гастроли в США приглашают Большой Театр, а не маленький самостоятельный коллектив из провинции. С точки зрения закона, Большой Театр и эта маленькая театральная труппа имеют равные возможности и равные права, но ведь это совершенно разные, несопоставимые явления в жизни общества. Сможет ли и захочет ли оно закрыть глаза на это фактическое неравенство? Другой вопрос, если исходя из этого кто-то начнет утверждать, будто принад-

лежность к Православию дает право считать себя гражданином первого сорта. Вот против этого наша Церковь выступала и будет выступать самым решительным образом. Отсюда вытекает наше видение главной задачи, стоящей сегодня перед всеми нами: как культурно-историческую традицию Церкви большинства гармонизировать с фундаментальными правами человека и принципами религиозной свободы? Дискуссия, развернутая в обществе в связи с принятием нового Закона «О свободе совести...», оказалась очень полезной, причем не только для России, ибо спровоцировала весьма серьезные международные дебаты.

В итоге разумным людям стало ясно, что речь идет не о каких-то зловредных русских, сочиняющих какую-то новую революцию и замышляющих новые вызовы свободе, но затронута действительно важная проблема, которая имеет отношение почти ко всем странам мира. Существует американская модель религиозно-общественных отношений, есть европейская модель, но здесь возможны разные варианты. Когда я рассказывал в Норвегии о нашем новом законе и о критике, которой он подвергается, то норвежские лютеране чувствовали себя несколько смущенными, ибо их собственный закон оказался куда менее либеральным, чем наш, российский. Думаю, что все мы находимся в начале широкого процесса, который был инициирован дискуссией вокруг принятия нового российского Закона «О свободе совести...». И мы приветствуем участие в этом обсуждении всех заинтересованных сторон. Ваш приезд сюда мы рассматриваем как часть этого общего процесса. Хотел бы сердечно вас приветствовать от лица Святейшего Патриарха, от себя лично и от лица своих коллег. И сказать вам: добро пожаловать, мы рады видеть вас в Отделе внешних церковных сношений.

Вопрос: Спасибо за то, что Вы встретились с нашей делегацией, в которую входят христиане различных церквей. Я, являясь конгрессменом, стараюсь принести свою веру в Конгресс США. Вы знаете, что наше государство было основано как убежище для тех, кто преследовался по религиозным мотивам. Мы приглашали отца Глеба Якунина и других, кто выступали против советской политики в области религии. Мы приехали в Россию как друзья Церкви. Подобно вам, мы серьезно относимся к Библии, ибо в ней наша жизнь. Мы считаем, что если Закон останется в своем нынешнем виде, то протестанты, мормоны и неко-

торые другие будут ущемлены в правах и исключены из жизни общества. Это опасение относится в первую очередь к порядку регистрации в течение 15 лет. Мы надеемся, что в этот Закон все-таки будут внесены какие-то изменения, особенно в положения, которые определяют порядок регистрации в течение 15 лет и дают слишком большие полномочия бюрократии. Мы поняли, что Русская Православная Церковь не является политической оппозицией, но христиане не должны быть слишком отчуждены от жизни общества. Церкви в США ведут диалог с политиками и участвуют в решении вопросов, касающихся проблем совести и морали.

Митрополит Кирилл: Я думаю, что одной из отличительных черт современной политической ситуации в России как раз является активность общественных организаций и, в первую очередь, Церкви в решении проблем, стоящих перед обществом и государством. Мы находимся в постоянном контакте с Государственной Думой и с Советом Федерации. При обсуждении ими некоторых законопроектов Церковь может осуществлять своего рода духовную и моральную экспертизу этих законодательных инициатив. Ныне в повестке дня российского парламента значится целый ряд законопроектов, вокруг которых в обществе идет острая дискуссия, не оставившая в стороне и Церковь. В частности, обсуждаются законы о сексуальном воспитании детей, о продукции порнографического характера и так далее.

Что же касается нашего Закона «О свободе совести...» и 15-летнего ценза, который вызывает ваше беспокойство, то речь здесь идет только о тех религиозных конфессиях, которые раньше не присутствовали на территории России, о тех религиях, вероучение и религиозная практика которых у нас пока неизвестны. Ибо наплыв в Россию огромного числа деструктивных и тоталитарных сект напугал общество. Вам, без сомнения, известна история преступной японской секты «Аум Синрике». Так вот, в России последователей «Аум Синрике» оказалось не меньше, чем в Японии. У нас появилась также секта, которая назвала себя «Белым братством». Ее члены в массовом порядке уходили из семей, бросали дома, собственность. Десятки тысяч этих людей собрались в Киеве на главной площади в ожидании конца света. И поскольку сектанты разрушали семьи, уводили детей от родителей, — стихийно стали возникать комитеты ро-

дителей и иные общественные организации, которые и повлияли на законодательный процесс. Так что наш Закон, в первую очередь, имеет в виду именно эти неизвестные или потенциально опасные религиозные группы.

Допустим, как я пошутил на одной пресс-конференции, появляется в наших широтах совершенно новая, экзотическая вера — например, в антарктического пингвина. Приходят ее последователи к местным властям и заявляют: веруем в антарктического пингвина. Как местная власть должна действовать? Пожалуйста, вы можете молиться, встречаться, печатать свои книги, учить детей, устраивать процессии — все что хотите. Общество же, со своей стороны, в течение 15 лет будет наблюдать, к чему вас ведет ваш пингвин. В продолжение этого срока ваша община не может приобретать собственность в качестве юридического лица и заниматься предпринимательской деятельностью. В скобках замечу, что эта норма достаточно формальна, на практике ее очень легко обходят. В советское время Православная Церковь также была лишена права приобретать собственность, однако это никогда не было для нее препятствием. Любой христианин как частное лицо на свое имя покупал все, что было необходимо общине. То же самое будет и в случае с уверовавшими в пингвина. Но что действительно будет невозможно для этих людей в течение ближайших 15 лет? Им нельзя будет проповедовать свое учение в Вооруженных Силах, в государственных школах, через общенациональное телевидение. Общество таким образом временно защищает себя от их пропаганды. Если же спустя 15 лет окажется, что к последователям пингвина претензий нет — они не взрывают бомбы в метро, не похищают детей у родителей и тому подобное, — тогда они получают все положенные им по закону возможности. Вы говорили о чрезмерности 15-летнего ценза. Я, со своей стороны, хотел бы задать встречный вопрос. Для того, чтобы стать гражданином Германии, надо прожить в этой стране 15 лет. Если общество определяет себе некий период времени для изучения личности нового гражданина, то почему этот принцип оспаривается в отношении группы людей? Но не забудем при этом о главном: с первого дня они имеют право исповедовать свою веру, и никто не запрещает им молиться так, как они хотят.

Вопрос: Ваша Церковь пострадала, возможно, более, чем другие. Было убито огромное число священников, я читал, как

их уничтожали в советское время. Поэтому вы должны быть осторожны в предоставлении чиновникам таких полномочий, какие закрепляет за ними новый Закон. Такой Закон будет ограничивать творческое развитие, поглощать энергию Церкви. Вашей Церкви не стоит бояться различных религиозных групп. Христос говорил о любви друг к другу. Церковь будет процветать, исповедуя любовь.

Митрополит Кирилл: У нас нет страха перед этими группами. Здесь другая проблема. Приведу пример из собственного опыта. Каждую субботу я обращаюсь к людям в своей 15-минутной телепередаче. Ежедневно мне приходит более сотни писем с вопросами, я выбираю из этой почты самое важное и отвечаю. Проанализировав свою корреспонденцию последнего времени, я обнаружил, что очень много писем содержит один и тот же упрек Русской Православной Церкви: почему вы ничего не делаете, когда мы страдаем? У женщины, написавшей одно из таких писем, сектанты похитили двоих детей, дочь сошла с ума. Мать пишет мне: это ведь дело Церкви нас спасать. Я ответил ей: да, конечно, сегодня существует свобода выбора, однако в религиозной жизни встречаются аномалии, с которыми необходимо бороться, но на основании закона. Церковь не вправе уклоняться от вопросов, которые ставит перед ней православный народ. Присутствующим здесь это должно быть понятно лучше, чем кому бы то ни было. Ибо если вас перестанут поддерживать ваши сограждане, вы очень скоро перестанете быть конгрессменами. Но что будет, если народ откажется от своей Церкви? А ведь сегодня самый часто встречающийся вопрос к нам — где вы в этой борьбе?

Мы страдаем, например, от нашествия южнокорейских вероучителей, которые в одной только Москве создали триста общин. Ни у кого из нас нет ни малейшего представления о том, чему там учат. А ведь достаточно сказать, что против них выступает Национальный Совет Церквей Южной Кореи, вместе с которым мы обсуждали эту проблему в рамках специальной конференции. Мы не боимся инославных проповедников, но мы не можем остаться глухими к вопросам, которые обращают к нам люди. Мы создаем центры по психологической реабилитации жертв тоталитарных сект, работаем с родителями, у которых отняли детей. Мы не вправе отмалчиваться в общественной дискуссии по этой проблеме, и мы ясно заявляем о своей позиции.

Что касается вопроса о роли чиновников, то вам как законодателям хорошо известно, что даже самый идеальный закон не гарантирует от возможных злоупотреблений в правоприменительной практике. Согласен, что вопрос применения закона является сложной проблемой. Однако я уверен: текст Закона «О свободе совести...» не дает никаких оснований для подозрений в дискриминации религиозных меньшинств. Любой закон может применяться правильно или ошибочно. Поэтому очень важно, чтобы в распоряжении Правительства был механизм, предотвращающий неправомерные интерпретации этого Закона.

Вопрос: Почему бы не включить в число христианских церквей, вероучение и репутация которых известны, участниц Конференции Европейских Церквей, где долгое время трудился Святейший Патриарх Алексий II?

Митрополит Кирилл: Я бы с Вами сразу согласился, но мир в целом и, в частности, Россия — куда более сложные реалии, нежели Конференция Европейских Церквей. В России есть мусульмане, буддисты, последователей других исповеданий. Нашему обществу необходимо иное — серьезная религиозно-экспертная экспертиза с участием представителей конфессий и ученых, которая позволяла бы авторитетно оценивать то или иное религиозное явление.

Вопрос: У многих из нас вызывает озабоченность то обстоятельство, что новый Закон был принят коммунистическим большинством Государственной Думы. Его приняли преемники той партии, которая в течение многих лет преследовала Церковь. Положения нового Закона создают предпосылки для подавления религии, как это было в прошлом. Система регистрации наделяет государственную бюрократию широкими полномочиями. И есть риск, что к этой работе будут привлечены те же самые чиновники, которые преследовали религию в Советском Союзе. Наша позиция заключается в том, что государственный контроль в области религии должен быть сведен к минимуму.

Митрополит Кирилл: Хотел бы обратить ваше внимание на то, что Закон был принят почти единогласно, лишь несколько депутатов проголосовали против. Все партии, весь политический спектр Думы: либералы, консерваторы, коммунисты, движение «Наш дом — Россия», — все выступили за этот Закон. Его единодушно одобрили обе палаты российского парламента. Почему?

Церковь большинства в условиях религиозной свободы

Потому, что депутаты находятся под влиянием своих избирателей, следящих за тем, как будут голосовать их избранники по весьма болезненному для современного российского общества вопросу. Думаю, ни один депутат без риска для своей политической карьеры не может сегодня заявить во всеуслышание: я был против этого Закона, потому что считаю, — пусть к нам приезжают все кто хотят и проповедуют то, что считают нужным. Единогласие Думы было проявлением единомыслия в обществе, и этого не может игнорировать никто: ни депутаты, ни Церковь. Даже если вы в Америке очень рассердитесь на нас, другой закон сегодня в Думе не пройдет. Более жесткий — очень вероятно, более либеральный — исключено. Нынешний Закон есть максимум компромисса. И не потому, что депутаты в большинстве своем коммунисты (это, кстати, верно лишь для нижней палаты), а в силу общественных настроений. Теперь относительно регистрации. Я с вами полностью согласен в том, что свобода совести — это свобода личности. Если бы этот Закон содержал статьи, ограничивающие свободу, я уверен, что многие выступили бы против него. Но в нем нет ни одной ограничительной нормы. Регистрация ведь вторична, производна по своей сути. Ибо существует право для религиозных групп вообще не регистрироваться. Ведь собираться, молиться можно и без этого. Во времена советской власти у нас были баптисты, которые принципиально не регистрировали свои общины. Нынешний Закон предоставляет возможность выбора любой практики. Более того, создав общину, вы можете даже не информировать об этом органы власти. Верующие могут собираться, создавать общину, совершать богослужения, проповедовать, печатать книги, устраивать религиозные церемонии без того, чтобы отчитываться перед властями. Но если община желает иметь статус юридического лица, тогда она должна регистрироваться. Такие же порядки существуют в Западной Европе. Я специально не привожу примеров, поскольку они вам наверняка известны. Но вот о маленьком эпизоде из моей недавней практики расскажу.

Сейчас много русских проживает за границей. Так, в наш адрес стали поступать письма из Осло, где местная русская община хочет создать православный приход. Я приехал туда, встретился с инициативной группой, подготовившей все документы для государственной регистрации. Среди этих бумаг был

список лиц, подписавших документы. Я удивился тому, что так мало подписей. Оказалось, что подписывать такие документы могут только граждане Норвегии или лица, имеющие вид на жительство. Почему ситуация в Норвегии не вызывает вопросов со стороны Конгресса США, а в отношении России возникают проблемы? Могу привести и другие примеры. В течение долгого периода нам не удавалось назначить православного русского священника в Цюрих. Когда мы обращались к швейцарским властям, нам всегда вежливо отказывали, говоря: по нашим сведениям, в Швейцарии есть граждане, способные занять должность православного священнослужителя. Лишь через несколько лет нам удалось доказать необходимость присылки священника из России. В Германии без права на работу даже улицу нельзя подметать. А в Россию приезжали по туристической визе, создавали общины, получали деньги, не платили никаких налогов, обращались ко всей стране с проповедью по национальному телевидению... И все это в отсутствие закона, который дал бы государству и обществу право задать в этом случае хоть какие-то вопросы: кто вы, чему вы учите, каковы ваши цели, что о вас известно? Теперь такой закон появился. И нам вовсе не кажется, что он более жесткий или менее демократичный, чем аналогичные законы в других странах.

Вопрос: В подобной дискуссии нельзя игнорировать проблему прозелитизма. Есть немало примеров оскорбительного отношения к Русской Православной Церкви со стороны иностранных миссионеров. Представление о том, что «православные — не христиане», к сожалению, особенно распространено среди миссионеров из США. «Холодная война окончена, но битва за души жителей России только начинается», — провозглашает, например, одна из миссионерских брошюр. Деструктивные попытки иностранных миссионеров привлечь православное население России в иные конфессии послужили одной из важнейших причин принятия нового Закона.

Митрополит Кирилл: Поскольку у нас сегодня в гостях политики я бы хотел сказать о прозелитизме не с богословской, а с политической точки зрения. В России сейчас слишком много линий разделения — по экономическому, политическому, социальному, национальному принципам. Но мы считаем, что религия должна работать на примирение людей. Прозелитизм раз-

рывает живую ткань общины и создает дополнительные линии напряжения по конфессиональным признакам. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II постоянно призывает избегать новых конфессиональных разделений. В экуменическом движении христиане стремятся к единству, а в то же самое время некоторые включая участников этого движения, разрушают таковые устремления миссионерской деятельностью. Мы понимаем, что эту проблему властью и силой не решить, как невозможно насильно сделать человека верующим. Если бы христианская солидарность, которая созидалась на протяжении послевоенных лет, реально проявила себя в постсоветском пространстве, то сейчас вообще не было бы этой проблемы. Но, к сожалению, все получилось наоборот.

Представьте себе Русскую Православную Церковь в образе человека, который долго был прикован к постели. И вот он встал. Еще дрожат ноги и руки не действуют, а ему говорят, что нужно сделать множество вещей. И подгоняют, и укоряют: ты медленно делаешь, ты плохо делаешь, ты нездоров, ты слаб. В это время в доме появляются другие люди — отдохнувшие и тренированные, которые заявляют больному с постели. Выходи на бой и в схватке покажи свою силу! И, пожалуйста, не опирайся ни на кого — один стой. И правил нам тоже не надо, будем бороться без правил. Вот модель того, что произошло в России.

Сегодня мы по милости Божией, достаточно твердо стоим на своих ногах и ничего не боимся, ибо наш народ, вопреки ожиданиям многих на Западе, оказался достаточно твердым в своем историческом выборе: несмотря на долголетия насаждаемого безверия он сохраняет связь с Правлением, духовным источником своей национальной жизни. Я верю, что XXI век будет веком религиозным, ибо развитие технотронной цивилизации протекает столь драматично, что нормальным человеческим ответом на это должно стать развитие духовной жизни. В противном случае будет утрачено человеческое измерение цивилизации и под вопросом может оказаться само выживание человеческого рода. Такие проблемы, как потребительский синдром, экологический кризис, целостность человеческой личности, мир и справедливость, и множество других не могут быть решены в масштабах планеты ислама какого-то одного вероисповедания. У христиан должен быть общий ответ на вызовы современной ци-

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл

визации. И те, кто этого не понимают сегодня, — близорукие люди. Поэтому мы готовы к диалогу. С этим мы пришли в 1961 году во Всемирный Совет Церквей и в этом духе и сегодня готовы к межхристианскому сотрудничеству.

А. ОСИПОВ

СВОБОДА ХРИСТИАНИНА, СВОБОДА ЦЕРКВИ И РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА В ПРАВОСЛАВНОМ ПОНИМАНИИ

Понятие «свобода» очень неоднозначно, оно употребляется в разных смыслах. Отметим три. Первый — метафизический смысл, когда она понимается как свобода воли, являющаяся одним из фундаментальных свойств человеческой природы и выражающаяся во внутреннем самоопределении личности перед лицом добра и зла. По христианскому учению, свобода воли является тем свойством, утрата которого приводит к полной деградации личности. Над этой свободой человека не властен никто: ни другой человек, ни общество, ни законы, ни какая угодно власть, ни демоны, ни ангелы, ни Сам Бог.

Однако как только свободный акт воли начинает осуществляться во внешнем мире, «материализуется», он наталкивается на множество явлений, в различной мере ограничивающих действия человека. Возникает проблема внешней свободы или прав человека, то есть проблема разрешенных (законом, обычаями, общественной моралью) поступков в окружающем мире. Это — социальное понимание свободы.

И иная категория свободы — духовная. Апостол Павел пишет: «Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3:17). Духовная свобода — это особая причастность христианина Духу Святому, которая выражается во власти человека над своим эгоизмом, своими страстями, греховными чувствами, желаниями — над самим собой¹. Апостол называет человека, достигшего духовной свободы, «новым» (Еф. 4:24), подчеркивая этим обновленность его ума, сердца, воли и тела по образу Христа. Напротив, жи-

¹ Преп. Марк Подвижник, например, так говорит о духовной свободе: «Закон свободы читается разумом истинным, понимается деланием заповедей» (Добротолюбие. Т. I. М., 1905. С. 523).

вущего греховно называет «ветхим» (Еф. 4:22), «рабом» (Рим. 6:6, 17), как не имеющего силы следовать тому, о чем говорят ему его вера, разум и совесть и что является для него благом. Это состояние духовного рабства как антитезу истинной свободе апостол Павел описывает в следующих ярких словах: «Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю... в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного» (Рим. 7:15, 19, 23).

Эта, духовная свобода, а не внешняя, является высшей целью исканий христианина.

Существует очевидное различие и между духовной свободой и свободой воли. Кант это различие выразил следующим образом: «Под свободой в космологическом (метафизическом — А. О.) смысле я разумею способность самопроизвольно начинать состояние. Свобода в практическом (нравственном, духовном — А. О.) смысле есть независимость воли от принуждения чувственности»².

Указанные три категории свободы позволяют достаточно определенно говорить о том, какая из них является свободой именно христианина, а не просто человека-индивида или человека-члена общества. Это, безусловно, свобода духовная, которая приобретается им только в процессе правильной аскетической жизни. Что это за жизнь, какие существуют в ней законы, по каким критериям можно судить о правильности или неверности избранного пути, какие, наконец, ступени проходит в ней христианин, достигая свободы, — это, естественно, уже отдельная тема, имеющая первостепенную и величайшую важность для каждого христианина и каждой христианской Церкви. (И хотелось бы надеяться, что эта тема когда-нибудь станет предметом самого серьезного изучения в межхристианских диалогах.)

В иных измерениях должно говорить о свободе Церкви. Для этого необходимо сначала вернуться к пониманию Церкви.

Церковь есть единство Святого Духа Пятидесятницы в тех христианах, которые в своей жизни осуществляют Евангелие и таким образом входят в единство Богочеловеческого Организма

² Кант И. Соч. Т. 3. М., 1964. С. 478

Христов³ (ср.: «И вы — тело Христово, а порознь — члены». 1 Кор. 12:27). Степень этого единения, или членства в Церкви, естественно — тайна для внешнего взора, поскольку искренность веры и святость души неизмеримы мерками человеческими.

Видимым выражением Церкви и всегда несовершенным (в силу греховности христиан) является община во главе с епископом (Поместная, Вселенская Церкви), имеющая единство веры, основ духовной жизни, управления и дисциплины. Членство в видимой церкви уже не представляет тайны: все крещенные и канонически не исключенные из нее независимо, практически, от святости (или греховности и даже порочности) их жизни принадлежат к этой церкви. Видимая церковь является *sui generis* маточным раствором, в котором происходит процесс рождения, становления и спасения христианина в Теле Христовом.

В силу такой двухприродности Церкви в ней присутствуют и две различные свободы, которые несоизмеримы между собой.

Церковь как незримое единство Духа Святого в тех, кто любит Христа (ср.: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня» Ин. 14:21) всегда свободна, ибо «где Дух Господень, там свобода». Она выше всех внешних свобод, прав и привилегий. Ей не страшны любые человеческие ограничения и притеснения, сами гонения служат ее большей славе. Таковой она была во время земной жизни Иисуса Христа и Его апостолов, она та же после Его Воскресения, Вознесения и до сего дня: «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13:8).

Видимая же община, церковь-организация, как и любая общественная и религиозная организация, нуждается в соответствующих условиях для своего существования, в том числе и в регламентируемых государством религиозных свободах.

Религиозная свобода — это право открытого исповедания и практического осуществления своих религиозных убеждений в плане как индивидуальном, так и коллективном. С этой стороны религиозная свобода ничем не отличается от других важнейших

³ Блаженный Феофилакт Болгарский пишет: «Не говори, что Церковь люди собрали. Она есть дело Бога, Бога живого и страшного». То же говорит и св. Экумений (Х в.): «Она Богом устроится, Богу посвящается и Бога имеет живущим в себе».

социальных свобод, или прав человека, которым в современном мире придается исключительное значение.

В связи с этим обратим внимание на следующие две важнейшие их особенности.

Во-первых, любое право может быть использовано в целях и направлениях не только положительных, но и прямо противоположных личной и общественной пользе (например, информация и диффамация или проповедь мира, целомудрия и пропаганда насилия, разврата и т. д.).

Во-вторых, права в юридическом их смысле еще ничего не говорят о самом главном для христианина — о духовной свободе. Более того, современная катастрофическая моральная деградация человека в самых свободных, с гуманистической точки зрения, странах и очевидный упадок там духовности в христианских церквях показывают, что внешние свободы без «удерживающего» (2 Фес. 2:7) не только не возвышают человека, но и часто служат одним из эффективных средств его духовного и нравственного разложения.

Уже поэтому внешние свободы не могут рассматриваться как безусловная и самодостаточная ценность.

Однако этот же вывод проистекает и из христианского понимания самой природы человека и смысла его жизни. Христианский взгляд на человека зиждется на утверждении двух одинаково неприемлемых гуманистическим секулярным сознанием положений: «заданном» богоподобном величии человека (Быт. 5:1) и, в то же время, настолько глубокой его болезненности, что Самому Богу потребовалось прийти, чтобы «прежде падший воскресити образ»⁴. Отсюда христианством достаточно четко определяется «стратегическое» направление воспитания человека. В своем существе оно таково.

Подлинно нормальный человек — это Христос, новый человек (Еф. 2:15), а так называемый «обычный» человек духовно ненормален, нездоров, поскольку все его свойства повреждены и искажены в Адаме. Поэтому задачей общества является создание таких условий, которые не только не давали бы прогрессировать болезни, но и способствовали бы ее исцелению.

Каковы эти условия в плане свобод?

Есть права, которые проистекают из естественной необходимости для человека в определенных материальных, духовных

⁴ Тропарь Предпразднеству Рождества Христова.

и социальных условиях жизни; они требуют и соответствующих прав (на труд, на образование, на свободу религиозных и философских убеждений, на объединения по интересам и др.). Однако возможны и такие, которые проистекают из чисто волюнтаристских и даже прямо порочных побуждений (например, право на пропаганду порнографии, дискриминации по национальному признаку, сатанизма и т. п.). Как оценивать те и другие права? ⁵

В границах христианского мировоззрения ответ на этот вопрос дает его основополагающий догмат о Боге-любви. Из него следует, что главным христианским критерием в оценке любых прав (то есть разрешенных действий) может быть только любовь, которая ищет блага другого (и блага не только земного, но и, в первую очередь, вечного — Мф. 22:37—39). Такая любовь является главным христианским критерием в регламентации всех свобод и прав человека ⁶. То есть любое право всегда должно проистекать из принципа любви. Потому только те из них и лишь в тех границах достойны общества, которые способствуют воспитанию в его членах истинной любви к человеку и

⁵ Вопросом о правах человека особенно активно, как известно, занимались французские мыслители XVIII столетия, и больше всех Руссо, по убеждению которого каждая личность имеет естественные неотъемлемые права, охрана которых является важнейшей функцией государства. Построенная на этих началах Французская Декларация прав человека и гражданина (1789 г.) дала следующее определение свободы (прав): «Свобода состоит в праве делать все то, что не вредит другим, поэтому пользование естественными правами каждого человека не имеет других границ, кроме тех, которые обеспечивают за другими членами общества пользование этими же самыми правами. Эти границы могут быть определены только законом».

Однако понятие «вред для других», игнорируя христианский контекст нравственных ценностей, сразу же (во время т. н. великой французской революции) и впоследствии обнаружило свою полную несостоятельность в качестве искомого критерия прав человека.

⁶ Особенно настойчиво мысль о главенстве богоподобной любви в человеке как необходимом условии его свободы и созидания нормального человеческого общества развивали и обосновывали русские мыслители-славянофилы XIX века: А. Хомяков, И. Киреевский, Константин и Иван Аксаковы, Ю. Самарин. Рассматривая Церковь как начало соборное и в этом качестве как прототип идеального общества, например, Хомяков называет следующие два главных конститутивных ее свойства: «Мы же исповедуем Церковь единую и свободную», ибо «свобода и единство — таковы две силы, которым достойно вручена тайна свободы человеческой во Христе». Основным же принципом, гарантирующим сохранение этих начал в Церкви, является, по его убеждению, любовь. «Этот принцип, — писал он, — есть начало взаимной любви в Иисусе Христе» (Хомяков А. С. Богословские и церковно-публицистические статьи. Изд. Сойкина. С. 109, 205, 244).

искоренению в них всего, что растит эгоизм и проистекающие из него страсти.

Этот критерий следует и из христианского понимания духовной свободы как высшей цели всех человеческих свобод.

Абсолютно свободен Бог. Достигли великой духовной свободы святые⁷. Относительной свободой обладает каждый «обычный» человек. Потеряли свободу лишь неспособные к *добру* (Ин. 8:34, 44). То есть истинная духовная свобода человека может бесконечно развиваться только «в границах» воли Божией. Христианство, таким образом, «ограничивает» духовную свободу твари Богом, и тем самым в принципе исключает возможность какого-то эфемерно-автономного ее существования «по ту сторону добра и зла». Апостол Павел потому и говорит: «Где Дух Господень, там свобода»⁸. Но Бог любовь есть (1 Ин. 4:16). Поэтому свободы и права, утверждаемые безотносительно принципам христианской любви, оказываются вне того, что на человеческом языке именуется благом, свободой, жизнью.

Свобода, «не ограниченная» любовью, ставшая над любовью, страшна. Она явилась тем изначальным искушением, которое, предложив «свободное» от воли Божией познание «добра и зла», победило первого человека и побеждает его потомков, открывая двери вседозволенности и порождая рабство плоти и всем страстям. Это понимали древние языческие мудрецы. Эпиктет, например, писал: «Кто свободен телом и несвободен душой, тот раб; и, в свою очередь, кто связан телесно, но свободен духовно — свободен»⁹. Но это уже с трудом понимают последние христиане. Поэтому социальные свободы приобрели в их жизни и сознании первостепенную значимость. Хотя очевидно, что эти

⁷ Очень удачно степень святости со степенью свободы соотносит *блаженный Августин*, когда говорит: «Велика свобода — быть в состоянии не грешить, но величайшая свобода — не быть в состоянии грешить» — *Magna est libertas posse non peccare; sed maxima libertas — non posse peccare.*

⁸ В. С. Соловьев писал: «Только веруя в невидимого Бога и действуя по вере от Бога, наша воля оказывается воистину волей, т. е. свободным началом, — свободным от самого себя, то есть от своего данного фактического состояния: здесь воля действует уже не как психологическое явление только, а как творческая сила, предшествующая всякому явлению и никаким фактом не покрываемая, т. е., по существу, свободная» (Соловьев В. С. Соч. Т. 3. СПб. С. 293).

⁹ Римские стоики. М., 1995. С. 252.

Взгляд православного мирянина на свободу Церкви

свободы, провозглашаемые как ценности безусловные и первичные, по самой природе своей несут в себе свою противоположность — произвол, и закономерно ведут к нравственной и духовной деградации личности и общества, к антикультуре, идейному анархизму и к неминуемому рабству у сильных личностей, партий, тайных и явных обществ и тому подобное. Ибо не может быть никакой свободы, кроме «свободы» страсти, греха, т. е. зла там, где христианская любовь не поставлена во главу угла.

По этой причине апостол Петр, обличая проповедников такой внешней свободы, «забывших» о свободе внутренней, прямо писал: «Ибо, произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении. Обещают им свободу, будучи сами рабы тления; ибо, кто кем побежден, тот тому и раб» (2 Пет. 2:18—19). К этому же сводится и мысль апостола Павла в его послании к Галатам: «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к *угождению* плоти, но любвию служите друг другу... Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти, ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти...» (Гал. 5:13—17). Дальше он перечисляет «дела плоти» и заключает совершенно недвусмысленно: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6:7—8) ¹⁰.

Уже в силу этого внешние свободы не могут быть самоцелью. Они — одно из возможных, но даже не обязательных, условий для достижения главной цели — свободы духовной, и потому с точки зрения православного понимания человека всегда должны быть ограниченными, чтобы стать полезными.

Благо другого, и лишь потому и затем свое собственное — вот та христианская мысль, тот исходный пункт, в свете которого

¹⁰ Действительно, стремление к т. н. полноте этой жизни, к наслаждению немислимо без полноты социальных и политических свобод. Максимальная полнота прав и свобод — необходимое условие материалистического рая. Однако эта аксиома материализма утопична. Кант хорошо об этом сказал: «На самом деле мы находим, что чем больше просвещенный разум предается мысли о наслаждении жизнью и счастьем, тем дальше человек от истинной удовлетворенности» (Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 230).

могут пониматься все свободы, права, обязанности, в том числе и религиозные свободы. Благом же, с христианской точки зрения, является все то, что уподобляет человека источнику всякого блага — Богу, то есть заповеди, или свойства нового человека, о которых знает каждый христианин. Отсюда все, что препятствует осуществлению идеи такого блага, не может с христианской точки зрения претендовать на законное место в человеческом обществе. С этой христианской идеей, хотя бы в самой элементарной форме, согласны и светские законодатели всех стран, запрещая убийство, воровство, насилие и тому подобное — жизнь не может дать свободу смерти. Однако в то же время они плохо видят подлинные причины преступлений — ненормальное духовно-нравственное состояние человека, которое далеко не в последнюю очередь обусловлено неверным пониманием и использованием гражданских свобод. Поэтому современная европейская цивилизация на Востоке и Западе, с неуклонной прямолинейностью утверждая свободу и безопасность плоти, совершенно игнорирует безопасность души человеческой. Наша цивилизация, утверждающая свободу страстей и стремительно уходящая от христианской любви, все очевиднее вводит народы в последний круг смерти. Все современные кризисы своим источником имеют именно абсолютизированную внешнюю свободу, которая при утрате понятия греха превращается в произвол по отношению к природе, к мысли, к творчеству, к духовным, нравственным и прочим законам нашего бытия.

Свобода, например, слова, информации — нормальное явление до тех пор, пока действует «в границах» любви, идеи блага человека. Забыв же эту идею и преклонившись перед «золотым тельцом», свобода превращается в источник пустословия, лжи, пропаганды разврата, насилия, войны и так далее, т. е. становится узаконенным орудием зла. Может ли она в таком качестве именоваться свободой и иметь право на существование в нормальном обществе? Не потому ли все права и именуется свободами, что они призваны освободить человека от насилия, корнящегося в его падшей природе зла, созидать и духовно совершенствовать его, а не развращать, не терзать, не убивать себя и себе подобных?

А свобода телеинформации? Не ограниченная идеей блага человека, она становится, по меткому выражению одной газеты,

«телевизионной чумой насилия». Один американский психолог следующим образом охарактеризовал телевидение в своей стране: «Когда вы включаете телевизор, вы автоматически выключаете в себе процесс становления Человека». Это справедливо. Ибо если школьник, по одному из статистических данных в США, к 18 годам умудряется стать свидетелем 150 тысяч насилий, из которых, по крайней мере, 25 тысяч — убийства, то не попирается ли этим правом пропаганды насилия самое главное право человека — на жизнь без насилия?

Без духовно-нравственного критерия нет реальной возможности положительно разрешить вопрос о свободах. Господствующий же в современном цивилизованном мире принцип: «свобода ради свободы», т. е. фактический примат свободы над любовью оказывается для человека, как правило, сильнейшим наркотиком, который губит и которым губят все большее число людей. Вся совокупность прав, получаемая совсем еще юным человеком сразу, просто по рождению, а не в силу его нравственной зрелости и устойчивости, является одним из эффективных средств развития в нем сил стихийных, инстинктивных, со всеми вытекающими отсюда моральными и духовными последствиями. Не об этом ли говорит древняя греческая мудрость: «Все, что дается даром, способно развращать»? ¹¹

Подобная свобода легко продается за элементарный комфорт. Один из современных писателей справедливо сказал о нашем времени: «Повсюду в мире умирает свобода — политическая, экономическая и личная... Без свободы жить легче. Все больше людей охотно отдают свою свободу в обмен на удобную и спокойную жизнь. Не нужно принимать какие-либо решения. Меньше ответственности» ¹². Этот отказ от свободы вполне объясним: страсти, получая свободу и изнутри поработая человека, естественно, ведут его и к внешнему порабощению. Откровение св. Иоанна Богослова совершенно определенно предвозвещает это всеобщее добровольное рабство по причине все-

¹¹ В обществе, действительно заинтересованном в воспитании Человека, не все права должны быть просто и безусловно данными, но границы их должны бы постепенно расширяться и углубляться по мере морального и духовного роста человека и общества (теперь достаточно способов тестирования).

¹² Калиновский П. Переход: Последняя болезнь, смерть и после. М., 1991. С. 15.

общей апостасии: «И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира» (Откр. 13:8).

Русский мыслитель прошлого столетия И. С. Аксаков, оценивая развитие европейского прогресса, пророчески писал: «...прогресс, отрицающий Бога и Христа, в конце концов, становится регрессом; цивилизация завершается одичанием; свобода — деспотизмом и рабством. Совлекая с себя образ Божий, человек неминуемо совлечет — уже совлекает с себя — и образ человеческий и возревнует об образе зверином»¹³.

Христианство утверждает примат любви над всеми другими ценностями этой жизни. Только в свете ее¹⁴ возможна и оптимальная реализация всех тех прав, которые необходимы в каждом человеческом обществе.

Такое понимание проблемы прав и свобод дает возможность соответственно посмотреть и на религиозную свободу.

Если личная религиозная свобода не содержит в себе, по существу, ничего отличного от других прав человека, то свобода религиозных общин уже имеет определенную специфику и соответствующие проблемы.

Первая — это поиск более определенных и точных критериев на предмет выяснения религиозного характера конкретной организации. Существует немало различных обществ с очень сомнительным религиозным содержанием. Поэтому в настоящее время, когда идет невероятное смешение добра со злом, тьмы со светом и горького с сладким (Ис. 5:20), было бы крайне необходимым провести авторитетные исследования на предмет ясного и строгого описания тех необходимых и достаточных элементов учения, которые позволяют говорить о нем как религиозном.

¹³ Аксаков И. С. Христианство и современный прогресс // Цит. по: Палицкий А. На запросы духа. Петроград, 1914. С. 7.

¹⁴ Крупнейший исследователь творчества Хомякова В. З. Завитневич в таких словах выражает существо понимания им проблемы личной свободы и общего блага: «Церковь определяется как единство в свободе по закону любви, чем решается одна из величайших проблем человеческой жизни, ставящей вопрос о примирении начал свободы личности и единства целого» (Завитневич В. З. Русские славянофилы. Киев, 1915. С. 45—46).

Вторая — требуются более ответственные нравственные критерии в оценке моральной чистоты и принципов учения любой религиозной организации, требующей регистрации. Печальный пример с «Аум Синрикэ» является одной из ярких иллюстраций насущной необходимости этого. Легализация сатанизма — уже открытый вызов современному социальному разуму, его пониманию религиозной свободы.

Третья — нельзя смешивать понятия равенства и равноправия. Их различие проще показать на примерах. Так, перед законом все граждане страны равны. Но по тому же закону ее президент имеет значительно больше прав, чем его бывший конкурент на выборах. И сам закон называет причину этого неравноправия — воля большинства, которое дало ему большие, по сравнению с другими, права. Таков принцип демократии. Этот естественный принцип должен иметь силу и в решении вопросов, связанных с религиозной свободой, особенно когда он касается таких сторон общественной жизни, как образование, воспитание, теле- и радиовещание и т. д.

Другой пример. Как можно было бы оценить следующий факт? Секта, имеющая среди своих членов мультимиллионеров, скупив в стране N все средства информации, вела бы пропаганду идей, совершенно чуждых и враждебных религиозным убеждениям ее народа. Чем это было бы: проявлением религиозной свободы и демократии (= власти народа) или свидетельством грубого искажения того и другого, свидетельством отвержения основополагающего стержня свободы — любви?

По-видимому, религиозные свободы, предоставляемые каждой религиозной организации, должны быть соотнесены законом со степенью ее общественного признания. Лишь в этом случае равенство и равноправие не вступают в конфликт друг с другом, а религиозные свободы оказываются выражением той любви к правде и истине, которыми живет человек.

* * *

Тему о свободе хочется завершить мыслями одного из русских святых прошлого века епископа Игнатия Брянчанинова († 1867): «Доколе человечество подвержено влиянию греха и страстей, доколе необходима власть и подчиненность. Они не-

пременно будут существовать в течение всей жизни мира: только могут являться, являются, будут являться в различных формах». «Ни равенства, ни совершенной свободы, ни благоденствия на земле в той степени, как этого желают и это обещают восторженные лжеучители, быть не может». «Отношения власти и подчиненности разрушатся с разрушением мира; тогда прекратятся начальства и власть (1 Кор. 15:24); тогда установятся братство, равенство, свобода; тогда причиной единения, власти и подчиненности будет не страх, а любовь»¹⁵.

¹⁵ Статьи епископа Игнатия Брянчанинова по вопросам церковно-общественным // Соколов Л. Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь и морально-аскетические воззрения. Приложения. Киев, 1915. С. 20, 21.

Е. СПЕРАНСКАЯ

**ВЗГЛЯД ПРАВОСЛАВНОГО МИРЯНИНА
НА СВОБОДУ ЦЕРКВИ И РЕЛИГИОЗНУЮ СВОБОДУ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Тема, на мой взгляд, имеет принципиальное значение, поскольку именно мирянин, являясь членом Церкви, в то же время полностью — и профессионально, и часто политически — включен в жизнь общества. И именно мирянин как носитель и свидетель Истины Христовой, пребывая в самой гуще мира, и определяет роль христианства в современном обществе.

Чтобы обозначить взгляд мирянина на свободу Церкви, прежде всего необходимо понять, насколько он сам ощущает себя свободным внутри Церкви.

Мирянин — это не просто верующий, не имеющий священного сана. Это член тела Христова, обладающий своим определенным местом в Церкви. И это место отнюдь не соответствует расхожему представлению, что в Православии якобы всем распоряжаются священники, а миряне обязаны смиренно молчать и беспрекословно подчиняться иерархическим лицам. Вряд ли при таком положении вещей можно было бы говорить о свободе мирянина в Церкви. В действительности, в свете учения о Церкви, мирянам, лаикам, отведена особая роль.

В Новом Завете принадлежность человека к Церкви определяется его духовным рождением: «Истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царство Божие» (Ин. 3:5). Крещение водою и Духом (таинства Крещения и Миропомазания) открывает новокрещеному возможность участия в Евхаристическом собрании. Крещение, Миропомазание и Евхаристия — таковы три благодатных момента, через которые верующие вступают в Церковь и становятся членами народа Божия.

Достоинство всех пребывающих в Церкви определяет апостол Петр в своем Первом Послании: «Вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел» (1 Петр 2:9). Другими словами, *весь* народ Божий посвящен Бо-

гу. «Вы же — Христовы, а Христос — Божий», — пишет апостол Павел (1 Кор. 3:23). Не отдельная группа, а все вместе последователи Христовы служат Богу. Это единство во Христе и во Святом Духе, а через Них — и друг с другом (то, что называется соборностью) уже исключает какое-либо представление о «несвободе» верующих. Обретя свободу во Христе, верующие свободно присоединяются в Тело Христово и включаются в соборное сознание Церкви. При этом каждый несет в себе всю полноту высшего единства соборности, оставаясь самостоятельной личностью в своей вере, любви и свободе во Святом Духе. Протоиерей Сергей Булгаков называет соборность «душой Православия»¹.

Свое высшее выражение соборность имеет в уникальном опыте Евхаристического общения со всей Церковью, Небесной и земной. И в этом общении исчезают уже и все иерархические различия. Святой Иоанн Златоуст писал: «Есть случаи, когда священник не отличается от подначального, например, когда должен причащаться Страшных Таин. Мы все одинаково устаиваемся их... И в молитвах много содействует народ... При самом также совершении Страшных Таин священник молится за народ, а народ молится за священника, потому что слова «со духом твоим» означают не что иное, а именно это. И молитвы благодарения также общие, потому что не один священник приносит благодарение, но весь народ»².

Каждый мирянин является носителем «внутренней соборности», которая представляет собой «причастность Телу Христову, в Котором действует Дух Святой»³. Жить в Церкви — это значит жить в Истине. Но если эта жизнь в Истине, «слияние с Истиной», доступна для человека, то «она дается ему не в обособлении и противопоставлении другим людям, но в живом и непосредственном единении, конкретном многоединстве жизни, по образу Пресвятой Троицы, Единосушной и Нераздельной»⁴. А «живой опыт многоединства и есть соборность»⁵.

¹ Прот. Сергей Булгаков. Православие. Киев, 1991. С. 76.

² Святитель Иоанн Златоуст. Толкование на Второе Послание к Коринфянам.

³ Прот. Сергей Булгаков. Цит. соч. С. 79.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 87.

Факт всеобщего священства не противоречит существованию иерархии. Оно даже является условием ее существования, поскольку иерархия не может возникнуть в безблагодатном обществе. Но дары различны, и служения различны, «и действия различны, а Бог Один и Тот же, производящий все во всех» (1 Кор. 12:6). «И как могут существовать разные степени священства в пределах иерархии, так же может и должно существовать различие между иерархией и народом и при наличии всеобщего священства»⁶. Поэтому говорить о несвободе мирянина по отношению к иерархии бессмысленно.

Внутренняя жизнь Церкви не зависит от внешнего закона, каким бы он ни был. Церковь и государство разноприродны. И православный христианин очень хорошо это чувствует. Для него власть духовная выше власти земной, поскольку она заботится о самом главном — не о земном благополучии, а о спасении души верующих. И проявляется власть духовная не как господство, а как служение. «Цари господствуют над народами, и владеющими ими благодетелями называются. А вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий — как служащий» (Лк. 22:25—26).

Не существует никакой внутренней связи между Православием и тем или иным политическим строем. Поэтому православные могут иметь разные политические взгляды и симпатии. Это есть дело их политической совести.

Сегодня отделение Церкви от государства воспринимается верующими как гарантия их права на открытое исповедание своей веры и расценивается как благо. Но нельзя забывать и о том, что это отделение может иметь разное содержание. В Советском Союзе, например, отделение Церкви от государства повлекло за собой гонения — от открытого и беспощадного террора до скрытого давления в последние годы советской власти. Поэтому не столь существенно, при каком политическом строе живет Церковь и какие свободы в нем провозглашаются. Важно другое — в какой степени Церковь может влиять на общество.

На Руси всегда существовал идеал мудрого христианского правителя — царя и справедливого христианского государства, который никогда не был реализован.

⁶ Прот. Сергей Булгаков. Цит. соч С. 52.

В начале XX века, и особенно после революции 1917 года, православные русские мыслители интенсивно искали взаимопользную форму сосуществования Церкви и государства. Среди них выделяется Иван Ильин (1883—1954), которого в 20-е годы шесть раз арестовывали советские власти и наконец в 1922 году выслали из России. Мне бы хотелось остановиться на представлениях Ильина о свободе, поскольку он был православным мирянином и строил свою систему применительно к государству демократическому. Кроме того, работы Ильина в настоящее время издаются большими тиражами в России и пользуются определенным авторитетом среди православных читателей.

Ильин подразделяет понятие «свобода» на три вида: свободу внешнюю, свободу внутреннюю, или духовную, и свободу политическую.

Свобода внешняя — это «свобода веры, воззрений и убеждений, в которую другие люди не имели бы права вторгаться с насильственными предписаниями и запрещениями»⁷. Он описывает наличие этой свободы очень ярко: «Не заставляй меня насильственно, не принуждай меня угрозами, не запрещай мне, не прельщай мене, не прельщай меня земными наградами и не отпугивай меня наказаниями; предоставь мне самому испытать божественность Божественного, уверовать в Бога и свободно принять Его закон моим сердцем и моей волей»⁸.

С этим можно согласиться. Но большие сомнения вызывает то значение, которое придает Ильин этому внешнему закону. Он утверждает: «Внешняя свобода есть естественное и необходимое условие для водворения и упрочения внутренней»⁹.

Для православного сознания очевидно, что никакое внешнее подавление не может отнять свободу внутреннюю, поскольку «где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3:17). И в тюрьме, и в ссылке, и на эшафоте христианин свободен во Христе. Другое дело, что ограничение свободы проповеди, насильственное

⁷ Ильин И. А. Собрание сочинений. М., 1993. Т. 3. Путь духовного обновления. С. 89.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 97.

вдалбливание какой-либо идеологии сужает поле деятельности Церкви в мире, но не упраздняет ее свободы.

Свободу внутреннюю Ильин понимает как свободное принятие учения Христа.

Далее, установление зависимости между свободой внутренней и внешней дает возможность Ильину говорить о значении авторитета не только духовного, но и социального. Такой авторитет, «выросший первоначально из родовой связи, а ныне основанный на силе, облагороженной правом и патриотически углубленной», призван не подавлять духовную самостоятельность человеческой личности, но «строить на ней внешний порядок и общую жизнь организации... Слова этого авторитета должны быть свободно приняты человеком и свободно вменены им себе самому. Такое свободное признание и самовменение называется лояльностью»¹⁰. Картина такого свободно-лояльного сосуществования представляется мало реальной. Более того, авторитет духовный и социальный ставятся как бы на один уровень, хотя для православного очевидна принципиальная разница между ними. Каждый верующий с детства знает слова Псалмопевца: «Не надейтесь на князей, на сына человеческого, в котором нет спасения... Блажен, кому помощник Бог Иаковлев, у кого надежда на Господа Бога его» (Пс. 145:3, 5).

И, наконец, политическая свобода, которая, по Ильину, является разновидностью внешней свободы. Она распространяется уже не только на личные поступки отдельного человека, а предполагает «участие в делах общественного устройства». После того, как человек «воспитал и освободил себя» на основе внешней и внутренней свободы, он «может воспитывать к свободе других»¹¹. «В самом деле, что сделает из политической свободы человек, который не созрел до нее? Чем заполнит он свои политические права, если сам он остался рабом своих страстей и своей корысти?.. Что даст своей стране такой человек, злоупотребляя свободой слова, печати, собраний, выбирая криводушно, голосуя продажно, решая все вопросы общины и государства по прихоти своих страстей и по навету своих личных интересов? Не станет ли он опаснейшим врагом чужой и общей свободы?

¹⁰ Ильин И. А. Собрание сочинений. М., 1993. Т. 3. Путь духовного обновления. С. 105.

¹¹ Там же. С. 107.

Не распространит ли он в процессе всеобщего рабства свое собственное рабство на всех своих сограждан?»¹².

Читая эти строки, как будто видишь состояние современной России, которая, как кажется, действительно не готова к обладанию политическими свободами. И Ильин прав в том, что только духовно свободный человек может являться фундаментом здорового общества. И именно Церковь, возвещающая Христову Истину, призывает к свободе духовной. Но при этом она совсем не имеет в виду воспитание сограждан в духе политических свобод. Право на политическую свободу только высвечивает духовный уровень тех, кто ею пользуется, но сама по себе она никак не может являться целью церковного делания.

В то же время «Церковь, принимая юридическое отделение от области кесаря, от государства как свое освобождение, отнюдь не отказывается от задачи оказывать влияние на всю жизнь государства, с проникновением во все поры ее... Влияние Церкви приходит изнутри, снизу, из народа и через народ»¹³, в частности, через мирян, которые могут занимать любой пост в органах государственной власти и быть избранными в парламент.

Нужда в нравственном влиянии Церкви на государство и все общество велика. Даже такой известный агностик, как А. Тойнби, еще в 1969 году писал: «Все постхристианские идеологии... не способны помочь человеку сохранить свою личность, а именно такова элементарнейшая необходимость в век, когда триумф технологии грозит дегуманизировать личность, сведя ее просто к вещи, различимой не по имени собственному, а по серийному номеру, выбитому на карточке и зашифрованному в недрах компьютера... Исторические религии способны дать человеку духовную силу вырваться из рабства человеческой технологии и прийти к подлинно человеческому обществу, к подлинной человеческой свободе. Человек, приобщившийся к духовной реальности и избравшей своей главной целью жить в гармонии с нею, оправдывает существование человека»¹⁴. Причем Тойнби писал эти строки, обращаясь к западному обществу, вполне созревшему к обладанию политическими свободами.

¹² Ильин И. А. Собрание сочинений. М., 1993. Т. 3. Путь духовного обновления. С. 107.

¹³ Прот. Сергей Булгаков. Цит. соч. С. 198.

¹⁴ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.—СПб., 1996. С. 397.

Взгляд православного мирянина на свободу Церкви

Но принимая на себя заботу о духовном возрождении мира, мирянин не должен забывать, что он имеет двойное гражданство — града Небесного и града земного. Нужно опасаться, чтобы мир не поглотил верующего. А современное государство стремится «быть, как боги» (Быт. 3:5), при этом извращая многие христианские ценности и объявляя себя высшей ценностью. Особенно часто в наши дни провозглашается «возврат к духовности», который на деле оборачивается стиранием неповторимости христианства и христианского духа перед лицом богов современности. Блаженный Августин говорил: «Все мы во Христе, но пока еще в веке сем». Спасены мы только в «надежде», и должны еще только «ожидать» (Рим. 8:24—25).

Церковь и государство, как уже говорилось, разноприродны. Не может быть полной гармонии между ними. Господь наш Иисус Христос определенно говорит: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18:36). И еще: «Я передал им слово Твое; и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира» (Ин. 17:14). И Церковь пребывает среди мира, как посреди битв. И полное согласие Церкви и мира — это иллюзия, которая многократно возникала на всем пути исторического бытия Церкви Христовой.

Здесь я позволю себе процитировать кардинала Анри де Любака, который говорит, что прекращение гонений на Церковь не всегда добрый знак. «Конечно же, он может быть и следствием объективного улучшения общей ситуации... Но также и признаком того, что высокие ценности, проповедуемые Церковью, приспособляются к миру, к его идеалам, к его условиям, к его нравам. Признаком того, что они перестают его к чему-либо обязывать. Ведь, как мы знаем из Евангелия, соль может и потерять свою силу. Так что, если мы живем почти что в полном мире с миром... это, возможно, от общего нашего охлаждения»¹⁵.

Какая бы обстановка ни складывалась в мире, какие бы высокие слова ни произносились, основным для христианина остается свидетельство о Христе Воскресшем. Лучше, если проповедь Истины Христовой осуществляется в условиях внешней свободы. Но политическая свобода религии, как и другие либеральные свободы, не должна превращаться в нового кумира, нового бога, для удовлетворения которого забывается, что только «Истина делает нас свободными» (2 Кор. 3:17), и в любых политических условиях.

¹⁵ *Анри де Любак. Мысли о Церкви. Милан — Москва, 1994. С. 150.*

ЦЕРКОВЬ И МОЛОДЕЖЬ

Архиепископ Костромской и Галичский
АЛЕКСАНДР

«МОЛИТЬСЯ, ТРУДИТЬСЯ И ДЕЛАТЬ ДОБРО ЛЮДЯМ»

Беседа с корреспондентом журнала «Церковь и время»

— Ваше Высокопреосвященство, впервые Ваше имя появилось на страницах центральной печати в 1988 году в связи с событиями вокруг храма в городе Кирове, передачи которого верующим Вы тогда добивались. Тогда Вы еще были священником, секретарем Кировского епархиального управления. Если меня не подводит память, это был первый в областном центре храм, отвоеванный у властей Православной Церковью в 80-х годах.

— Действительно, в память об этих событиях у меня хранится статья «Мнение против закона» в «Московских новостях» за 1988 год, газете, бывшей в те времена рупором гласности. Не перечислить тех трудностей, с которыми верующим Вятки пришлось тогда столкнуться. Мы уже стали подзабывать недавнее прошлое, когда Православная Церковь была заключена в особое социальное гетто, где ей было уготовано влачить жалкое существование, когда в полумиллионных городах оставалось по одному храму, как правило, кладбищенскому, когда к верующим относились как к людям «второго», даже «третьего сорта», подвергая их всяческим административным притеснениями... Но в 1988 году наша борьба увенчалась успехом: сначала верующим возвратили Троицкую церковь, а затем Свято-Успенский Трифонов монастырь, и мы поняли, что лед осторожно тронулся — то холодное отчуждение, которым Церковь была окружена все советское время, постепенно проходит. Где-то впереди забрезжил робкий луч света, и появилась надежда, что церковно-государст-

венные отношения должны потеплеть. На дворе стояло 1000-летие христианства на Руси.

Сколько уже раз после этого приходилось всем сердцем радоваться во время освящения вновь открытых храмов и монастырей, которые еще недавно лежали в руинах, при звуках вновь обретенного колокольного звона, при взгляде на то, как возрождается церковная жизнь!

— *Через год Вы были призваны к высокому епископскому служению. В свои тридцать два Вы стали самым молодым архиереем Русской Церкви. За девять лет Вашего служения на Костромской кафедре количество открытых церквей увеличилось с 64 до 170, возрождены духовная семинария, 9 монастырей...*

— Мое назначение на Костромскую кафедру состоялось в сентябре 1989 года. Здесь меня встретил маленький покосившийся деревянный домик, в котором располагались вместе епархиальное управление и жилище епископа. Помню, с каким удивлением смотрели на меня в коридорах власти, когда я впервые появился перед глазами руководителей города и области с церковными вопросами, с просьбами от лица верующих.

— *В скором времени Вас избрали депутатом областного Совета...*

— В те годы это было оправдано. Помню, что ни одного дня заседаний не проходило без обсуждения церковных вопросов. Для многих стало откровением, что в Костроме существует епархия, есть свой епископ, который представляет интересы большой группы верующих.

Другим важным этапом в оживлении церковной жизни стало двухдневное собрание, в котором приняли участие настоятели всех православных храмов области и главы всех районных администраций. Так мало-помалу люди узнавали друг друга и стена, искусственно возведенная между Церковью и обществом, разрушалась.

Сейчас в историческом центре Костромы возрожден комплекс древнего Богоявленско-Анастасиина монастыря, в зданиях

Архиепископ Костромской и Галичский Александр

которого, помимо обители, расположились духовная школа, приют для сирот, богадельня для престарелых, телестудия, другие структуры епархии.

Возрождение духовной жизни происходит во всех без исключения епархиях. Это знак времени. Где-то, может быть, нам удалось что-то изменить к лучшему, а где-то мы отстаем от других. Перед нами — огромное поле деятельности. Тысячи храмов по лицу русской земли лежат в развалинах, боль и отчаяние поселились во многих душах.

— *Вы, Владыка, одновременно являетесь Председателем Всецерковного Православного Молодежного Движения Московского Патриархата. А ведь молодежь — это наше будущее...*

— Действительно, что будет посеяно в среде молодых людей, то в будущем пожнет все общество. Вспомним слова Священного Писания: «Кто сеет скупое, тот скупое и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет» (2 Кор. 9:6). Но молодежь — это и наше настоящее. В центрах нашего Движения, которые созданы в Москве, на Крутицком Подворье, в С.-Петербургской, Новгородской, Смоленской, Новосибирской и других епархиях, трудятся исключительно молодые люди. Так, средний возраст сотрудников штаб-квартиры Движения на Крутицах — от 21 до 25 лет. В своем выступлении на Съезде православной молодежи Святейший Патриарх Алексий II говорил о том, что Православие должно стать в России молодежной религией.

— *Расскажите, пожалуйста, о работе ВПМД.*

— В церковной жизни сейчас возрождается многое: созданы Отделы по благотворительности и социальному служению, Миссионерский отдел, Отдел по религиозному образованию и катехизации. Наше Движение было создано непосредственно заботами Святейшего Патриарха Алексия, который присутствовал и выступал на организационном Съезде. Главными целями Движения является привлечение детей и подростков, юношей и девушек в лоно Матери Церкви, а также объединение групп молодых православных христиан для участия в церковной жизни.

Внимание Святейшего выразилось и в том, что им было разослано циркулярное письмо правящим архиереям с предложением создать в каждой епархии особый молодежный центр.

Одним из главных направлений деятельности Движения стала программа паломничеств по святым местам и летних молодежных лагерей, участники которых помогают восстановлению российских монастырей и храмов. На Крутицком Подворье действует постоянный студенческий семинар, ведут прием православные врачи-психотерапевты, проводятся регулярные литературно-музыкальные вечера. На Подворье одна из лучших в Москве библиотек духовной литературы: она насчитывает 5000 томов. Мы занимаемся книгоиздательством, уже вышло 50 книг.

Особое внимание уделяется взаимодействию с возрожденным в России скаутским движением. Первый скаутский отряд был создан в 1989 году. Возрождение скаутинга пришлось на то время, когда окончательно перестали существовать мощные идеологические структуры, некогда объединявшие в своих рядах всю советскую молодежь. В те годы на скаутов смотрели с особым вниманием. Найдутся ли новые подвижники, которые вдохнут силы в воскресшее скаутское движение? Будет ли оно способным к жизни? Время дало на эти вопросы положительный ответ.

Мы устали сетовать на катастрофическое падение нравственности в молодежной среде. А ситуация с каждым месяцем ухудшается. На 1 января в России было 4 миллиона беспризорных детей, более 120 тысяч несовершеннолетних преступников (особенно страшно, что растет уровень профессиональной преступности среди несовершеннолетних). За 9 месяцев прошлого года 2 тысячи подростков покончили жизнь самоубийством. Только широкая и профессионально организованная работа с молодежью, закрепленная на прочной духовной основе, поможет нам спасти положение в сфере молодежной политики.

С радостью отмечу, что 2 мая 1998 года в С.-Петербурге, на Конгрессе руководителей скаутских отрядов, произошло объединение скаутских групп в единую Всероссийскую организацию. В традициях российского скаутизма вызывает симпатию прежде всего акцент на духовное воспитание личности. Долг перед Богом воспринимается как первый фундаментальный принцип юного разведчика. И понятно, что на российской земле религиозное

Архиепископ Костромской и Галичский Александр

воспитание должно непременно опираться на традицию Православной Церкви.

— *Разочарование в жизни, наркомания, молодежная преступность... Вы упомянули о больших проблемах. Неужели скаутское движение совместно с ВПМД смогут кардинально изменить ситуацию?*

— Наша Родина до сих пор тяжело больна. Подлинную причину этой длительной духовной болезни указал еще Святейший Патриарх Тихон: «Грех, тяготеющий над нами, — писал он, — вот источник всех наших бед и злоключений. Грех растлил нашу землю, расслабил духовную и телесную мощь русских людей. Мы хотели создать рай на земле, но без Бога и Его святых заветов... И вот мы алчем, жаждем и наготуем в земле, благословенной обильными дарами природы, и печать проклятия легла на самый народный труд и на все начинания рук наших».

Ныне отживающая свой век коммунистическая идеология сделала свое дело — она разрушила старый мир. Только на время она смогла увлечь народ своей псевдорелигией, вдохнуть силы в строительство безбожного земного рая. И вот — современное общество, получив свободу, осталось без идеалов. Одни увлечены стяжанием богатства, и, добившись своего, равнодушно взирают на тех, кто пребывает в нужде. Другие прожигают жизнь в чувственных удовольствиях. «Современный человек, — пишет видный православный богослов, — в своем самообожании не гнушается никакими доступными путями, не замечая, что опускается все ниже и ниже, в самую грязь, куда раньше брезговали ступить».

Мы все должны приложить немало усилий, чтобы раскрыть перед русскими людьми нетленную красоту тех вечных духовных ценностей, которые вдохновляли труд многих поколений. Прежде всего я осознаю, что лично сам должен буду дать перед Богом ответ за то, как трудился на посту Председателя ВПМД.

Мне довелось видеть многих энтузиастов, которые в городах и селах, не имея должной поддержки, испытывая материальные трудности, отдают все свои силы работе с детьми и подростками: организуют для них спортивные секции, профессиональные кружки. Посмотрите, какой великолепный православ-

ный молодежный центр создан одним из таких подвижников, священником. Тверской епархии отцом Борисом Нечипоровым, в городе Конаково! Можно упомянуть о Борисе Пивоварова из Новосибирска, игумена Александра Федорова, настоятеля храма в Петербургской Академии Художеств, протодиакона Михаила Спельника в Костроме и многие другие имена...

Но, как говорится, строить куда тяжелее, чем ломать, поэтому повторяю, необходима широкая государственная программа. Увы, недавно пришло сообщение, что в Российской Федерации больше нет Комитета по делам молодежи. Никак не ведется работа Совета по делам молодежи при Президенте России...

— Членом которого Вы, кстати, являетесь... Огромную роль в воспитании подростков, как известно, играют средства массовой информации.

— Критика средств массовой информации за пропаганду насилия и нравственной распущенности сейчас достаточно распространена. Увы, дело не сдвигается с мертвой точки. Мы говорим о том, что врач, священник или педагог в своей деятельности обязан руководствоваться простой и понятной заповедью «Не навреди!». Почему того же не потребовать от журналистов?

Я редко смотрю по телевидению иные программы, кроме информационных. Иной раз от увиденного просто-напросто пребываешь в шоке. В начале августа мне довелось видеть программу В. Познера «Мы». В ней обсуждался вопрос о допустимости добровольного ухода из жизни. Позиция ведущего не вызвала сомнений. Он самым настоящим образом пропагандировал самоубийство. Причем делал это в высшей степени недобросовестно. Так, заявлялось, что, мол, добровольно из жизни ушел Сократ, выпив чашу с ядом. Любому школьнику известно, что Сократ был казнен. Другое дело, что он с помощью своих учеников мог бы убежать из тюрьмы, но предпочел повиноваться закону. Потом господин Познер обратился к человеку, облаченному в одежды архиепископа Русской Православной Церкви, не называя его по имени. Тот бормочет что-то несуразное. Ведущему только этого и нужно. Церковь, с его точки зрения, посрамлена. Между тем на передаче присутствовал никому не известный самозванец, кощунственно наряженный в священные одежды. И эта

провокация происходит на первом общероссийском канале! И в то время, когда Россию захлестнула волна самоубийств! Дело здесь не в том, что верующие и неверующие по-разному относятся к суициду. Речь идет о выживании нации.

Я не хочу сказать, что критики достойны все наши журналисты, но, на мой взгляд, всем им следует помнить слова Христа Спасителя: «За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда. Ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12:36—37). А долг пастырей — напоминать об этом, не боясь вызвать раздражение и недовольство.

— Насколько нам известно, некоторые костромские журналисты не всегда одобрительно высказываются о политике епархии. Нарекание вызывают коммерческий проект по разливу святой воды, попытка епархии выселить музей из Ипатьевского монастыря...

— Прочитайте внимательно надпись на бутылке. Речь идет о совместном Российско-Американском предприятии по производству экологически чистой родниковой воды. Одним из его учредителей является Костромская епархия. «Святой источник» — это марка продукции. Не следует путать эту воду с той освященной водой, которая раздается верующим в храмах, скажем, в день Крещения Господня.

Многие признали проект удачным. Вода уже не раз получила высокие награды на международных выставках, она одна из лучших на мировом рынке. Производство воды — очень дорогостоящий технологический процесс с использованием оборудования по последнему слову техники, поэтому очень велики расходы предприятия. Но епархия действительно имеет часть прибыли от деятельности фирмы. За счет ее нам удалось возродить духовную семинарию, обеспечить работу нескольких детских приютов и богаделен, организовать православный детский центр «Ковчег» и другое... Вместе с тем, денежные суммы, получаемые епархией, не так значительны. Некоторые, совершенно не зная ситуации, пишут о баснословных доходах.

В настоящее время в Костроме при епархии начал работу медицинский центр святой преподобномученицы Елизаветы, где,

наряду с платным обслуживанием, оказывается благотворительная помощь неимущим. Там действуют зубо врачебный и глазной кабинеты, будет создан хоспис. Я уверен, что не нужно бояться новых форм работы, ведь перед нами такие большие задачи, и пройдет еще так много времени, прежде чем Церкви удастся восстановить хотя бы малую толику того, что у нее отнято и разрушено. Не будем забывать, что после революции было уничтожено 95% всего церковного достояния.

Что касается вопроса об Ипатьевском монастыре, то, на мой взгляд, проблема возникла из-за необъективного освещения некоторыми газетами позиции епархии. Мы испытываем чувство глубокой благодарности тем работникам музеев, которые в тяжелое время сохраняли древние памятники церковного искусства, часто рискуя своим благополучием и даже жизнью. Мы — за совместный труд на основе взаимного уважения. Поэтому мы — за совместное использование монастыря с Департаментом культуры. Только, на наш взгляд, отношение к монастырю должно быть правильным. Поэтому не место в помещении церкви мучеников Хрисанфа и Дарии экспозиции советского периода, где среди экспонатов пулеметы, красные знамена, бюсты революционных вождей. Да и для замечательной коллекции Отдела природы следует подобрать другое благоустроенное здание в центре города. Согласитесь, что чучелам диких животных в монастыре тоже не место. Зато нам не придет мысль возражать против помещения в стенах Ипатия выставки об истории Дома Романовых или коллекции икон. Сколько икон и предметов церковной утвари еще томится в запасниках Ипатия? Почему их не показать людям? Ведь все они имеют большое воспитательное значение: учат понимать красоту, рассказывают о родной истории. Что неприемлемого в позиции епархии?

— Действительно, очень важно, чтобы позиция Церкви всегда доводилась до людей объективно. Но нас удивило, что по телевидению против передачи епархии части зданий Ипатьевского монастыря выступал костромской священник, о. Георгий Эдельштейн.

— Отец Георгий — человек достаточно известный. В советское время он прославился смелыми диссидентскими выступле-

ниями. Его статьи и письма в защиту свободы совести вызывают уважение. Как епископ, отмечу его большие старания в деле возрождения трех сельских храмов: в Ушаково, в Яковлевском и Карабаново. Правда, ни в одном из этих приходов, несмотря на мои советы, отец Георгий не организовал воскресных школ.

После того, как церковно-государственные отношения в стране изменились, о. Георгий продолжает, словно по инерции, находить во всем поводы для критических высказываний. Думаю, батюшке очень не хочется терять тот образ диссидента, который в свое время принес ему большую известность у нас и за рубежом. На Святой земле мне говорили, что и его сыну, который получил министерский портфель в правительстве Израиля, имидж отца сослужил определенную пользу в карьере. Иногда критика о. Георгия конструктивна, но большей частью он просто ищет повода уязвить. В Церкви, по слову св. апостола Павла «...надлежит быть разномыслиям, дабы открылись искусные» (1 Кор. 11:19). Но в словах критики всегда должны присутствовать любовь и доброжелательность. К сожалению, некоторые высказывания о. Георгия, как в случае с Ипатиевским монастырем, вызывают среди людей большой соблазн. Мне непонятно в принципе, как священник может выступать против того, чтобы в оскверненном, поруганном храме св. мучеников Хрисанфа и Дарии возобновилось богослужение? О. Георгий Эдельштейн по натуре человек светский, борец, политик. Может быть, в его выступлениях иногда просто сказывается отсутствие систематического богословского образования?

— *О. Георгий принадлежит к тем авторам, которые упрекают иерархов Русской Церкви в инертности, консервативности, неспособности к радикальным реформам, призывают к публичному покаянию.*

— Чудо церковного возрождения на русской земле никто отрицать не может. Посмотрите, до перестройки в Российской Федерации было 3 монастыря, сейчас — более 350. Было две семинарии и две Духовные Академии, сейчас — более 40 духовных школ. Налицо возрождение Православия. Да вера никогда и не умирала в народе. Она поддерживалась долгие годы и молитвами тех, кто страдал в лагерях и тюрьмах, и благодаря служе-

нию тех, кто искал возможности влиять на души единственно дозволенными способами, совершая богослужения и обряды.

Хотел бы еще раз процитировать слова Святейшего Патриарха Алексия II: «Мы не закрываем глаза и видим наши слабости, недостатки и пороки. Мы говорим об этом для того, чтобы изжить их, чтобы они не бросали тень на Церковь. В недавней истории мы пережили и клевету, и оплевание, и бичевание. И сейчас есть силы, которые ждут от нас самооплевания и самобичевания. Этого не будет. Было в Церкви, есть и будет покаяние во грехах, которое означает не отрицание своего достоинства, а очищение потемненного грехом образа Божия».

Не стоит на месте церковная жизнь. В последние годы создано несколько новых Синодальных отделов, в том числе такой крайне важный, как Отдел по связям с Вооруженными Силами и правоохранительными органами. Идет реформа духовного образования. А если кто-то ждет от Церкви таких реформ, которые потрясут ее до основания, разрушат наше единство, то и этого, смею надеяться, милостью Божией, никогда не будет.

— В прессе звучат требования вернуться к определениям Всероссийского церковного Собора 1917 года. Как Вы относитесь к практике выборности священников и епископов? Почему уже девять лет не созывается Поместный Собор?

— Убежден, что материалы Поместного Собора 1917 года должны быть хорошо изучены. Главная тенденция Собора — стремление обеспечить максимальное единство епископата, приходского духовенства и мирян, безусловно, актуальна и сегодня. Я согласен с некоторыми критическими высказываниями историка, академика Е. Е. Голубинского (кстати, он — костромич, выпускник нашей семинарии) о том, что, в силу обширности российских епархий, наши архиереи были не пастырями, а скорее, администраторами, недоступными для общения чиновниками, которые находились в губернских городах за двенадцатью стеклами.

Вместе с тем, чтобы избирать священника или епископа, в приходах необходимо иметь высокий духовный уровень, которого мы еще не достигли. Ведь даже в 1917 году выборы, как показала история, не всегда были оправданы. Наряду с удачным

Архиепископ Костромской и Галицкий Александр

опытом, как в Петрограде, где митрополитом был избран святитель Вениамин, был опыт неудачный — тверская паства отвергла выдающегося архипастыря, ныне причисленного к лику святых, митрополита Серафима (Чичагова).

Что касается очередного Поместного Собора, то он состоится в 2000 году и будет приурочен к юбилею христианства.

— *Один мой знакомый случайно встретился с Вами в самолете и удивился, насколько в общении Вы простой и, как он выразился, «демократичный».*

— Еще в юношестве Господь свел меня с выдающимся старцем-архиереем, архиепископом Тихвинским Мелитоном (Соловьевым), который был удивительным человеком — добрым, открытым, благостным. К нему можно было попасть на прием в любое время дня и даже ночью. Очень бы хотел быть похожим на него. Боюсь превратиться в одного из тех администраторов, о которых писал Голубинский!

Нужно стремиться не только к тесному общению епископов с духовенством, но и к тому, чтобы священники имели хороший контакт с мирянами. Для этого необходимо больше привлекать прихожан к просветительской, миссионерской, благотворительной деятельности, словом, к тому, что сейчас иногда называют «литургией после литургии», на приходах вводить регулярные воскресные собрания и так далее...

— *В XX веке Русской Православной Церкви пришлось вынести много испытаний. Почему Церковь никогда открыто, гневно не осудит коммунистическую идеологию?*

— Замечу, что от лица Русской Православной Церкви может выступать только Собор или Святейший Патриарх, а мои рассуждения — это лишь мнение одного из епископов. Что касается существа Вашего вопроса, то, на мой взгляд, не в характере Церкви делать громкие политические заявления, которые разжигают ненависть. Христианство свидетельствует о своей правоте жизнью святых подвижников. Этим же и познается неправота его гонителей и мучителей. Я бы хотел обратить Ваше внимание только на один аспект церковной жизни последних

лет. Это — дело канонизации новомучеников и исповедников Российских. Уже в 1989 году к лику святых был причислен Святейший Патриарх Тихон. Позже — убиенные большевиками митрополит Киевский Владимир, митрополит Петроградский Вениамин, великая княгиня Елизавета Федоровна и другие. В Костромской епархии торжественно прославлен архиепископ Никодим (Кротов), много лет проведенный в лагерях и ссылках, умерший во время допроса в Ярославской тюрьме 21 августа 1938 года. Надеюсь, что в скором времени выйдет моя книга о жизненном подвиге святителя Никодима. Мы готовим материалы для канонизации новомучеников города Солигалича.

Канонизация святых, как известно, происходит ради тех, кто живет на земле и проходит здесь свой жизненный путь. Это — акт воспитательного значения. Она учит не ненависти к идеологическому противнику, а верности и преданности евангельскому идеалу любви. Вспомним пророчество Патриарха Тихона, сделанное им в январе 1918 года: «А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою словами святого апостола: “Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?”» (Рим. 8:35). В этом — завет наших новомучеников, которые составляют славу и украшение Российской Церкви.

— С другой стороны, правая печать упрекает многих архиереев в излишнем либерализме, в экуменизме.

— Твердо отстаивать истину Христову, не сообразуясь с духом времени, не поддаваясь искушениям и соблазнам «мира сего» — величайшая человеческая добродетель. Во все времена отцы и учителя Церкви не только отстаивали истину в горячей полемике, но, если это было нужно, отправлялись в изгнание, сознательно шли на мучения, пытки, на смерть.

Хотел бы засвидетельствовать, что для меня, человека, который с раннего детства проникся любовью к Православию и никогда не мыслил себя и свою жизнь вне ограды Церкви, вопрос о твердости исповедания Истины чрезвычайно важен. Наша вера — драгоценное достояние, сокровище, переданное от апостолов и сохраненное отцами. Россия выстрадала православ-

ную веру, наш народ веками хранил и, проливая кровь, защищал ее, и, уверен, никакие козни сектантов и усилия лжемиссионеров не смогут поколебать Православия. Безусловно, забота о том, чтобы истина сохранялась в чистоте и неповрежденности, является важнейшей задачей епископа.

Но, на мой взгляд, очень важно, чтобы наша вера согревалась живой сердечной любовью к Богу и ближнему, тогда не будет места озлобленности, нетерпимости по отношению к инаковерующим. Православный человек должен научиться, не соглашаясь с заблуждением собеседника, любить его подлинной христианской любовью. Отцам Церкви всегда была свойственна величайшая осторожность и, я бы сказал, тактичность в вопросах уврачевания нестроений духовной жизни, когда речь шла о спасении людских душ. Вспомните, как мудро вел себя святитель Василий Великий в полемике с арианствующими еретиками или св. Патриарх Тарасий по отношению к иконоборцам.

Сегодня следует отличать стояние за истину от любопытства, то есть склонности к пустым и бесполезным спорам, горячую убежденность в своей правоте от простого хамства, проповедь Православия от политической страсти.

Но важнейшей причиной смятения некоторых умов, на мой взгляд, остается недостаточный уровень богословского образования.

Недавно в одном селе пожилой и очень серьезный бородастый человек сурово спросил меня, почему я не выступаю со страстными обличениями экуменизма. Я его спросил, что он понимает под этим понятием? Он ответил, что экуменизм — это грех сотрудничества с коммунистами.

Я убежден, что есть возможность сотрудничать с инославными вероисповеданиями, скажем, в области социального служения. Костромская епархия благодарна Евангелическо-Лютеранской Церкви Баварии за помощь в обустройстве медицинского центра.

Что касается вопроса о выходе Русской Православной Церкви из Всемирного Совета Церквей, деятельность которого, действительно, весьма сомнительна, то решать его, по-моему, должно Всеправославное совещание. Представители Поместных Православных Церквей должны собираться и определяться в той непростой обстановке, в которой находится наш общий корабль, совершающий свое путешествие по волнам житейского моря.

«Молиться, трудиться и делать добро людям»

Нужно взглянуть на небо, где ярко светит Солнце Правды-Христос и звездами отмечены святые угодники, опыт жизни и образ мыслей которых также дорог Церкви, посмотреть, какие тучи собираются на горизонте и скрывают от нас их свет, и правильным маневром предупредить бурю, которая может завалить корабль — без разницы, на какой — на правый или на левый борт.

— Ваше Высокопреосвященство, мы почти стоим на пороге 2000-летия Рождества Христова. С каким настроением Вы смотрите в будущее? Что, по Вашему мнению, ожидает Православную Церковь?

— Сам Господь сказал нам: «Я создам Церковь Мою, и врата (то есть, силы) ада не одолеют ее» (Мф. 16:18). Это не значит, что Христианская Церковь должна всегда торжествовать над своими противниками в политическом смысле. Наоборот, много завоевателей и победителей будет в мире, но в конечном итоге всех победителей победит Христос. Времена и сроки этих последних событий, о которых рассказано в Апокалипсисе, никому знать не дано. А нам надлежит работать не покладая рук. Святейший Патриарх Алексий II неоднократно повторяет, что Господь и история строго спросят с нас, как мы воспользовались настоящим моментом в деле устроения церковной жизни. Думаю, что каждый должен начертать на скрижалях сердца слова преподобного Пимена Великого о смысле жизни: «Молиться, трудиться и делать добро людям».

— Разрешите, Ваше Высокопреосвященство, пожелать Вам успехов в ответственном церковном служении.

— Спасибо. Всем читателям журнала желаю добра, счастья и помощи Божией во всех благих начинаниях.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ДОКУМЕНТАХ

От редакции

Журнал «Церковь и время» продолжает публиковать систематизированный свод официальных документов Русской Православной Церкви по актуальным проблемам внутрицерковной жизни и по вопросам церковно-общественных отношений.

Ныне вниманию читателей предлагается небольшая, но в высшей степени значимая для судеб Православия в современной России подборка документов Архиерейского Собора нашей Церкви, проходившего в Москве с 29 ноября по 4 декабря 1994 года.

Важность публикуемых здесь документов определяется прежде всего тем, что в них с исчерпывающей полнотой сформулированы принципы, которыми руководствуется Русская Православная Церковь в своих взаимоотношениях с государством и светским обществом.

Так, Церковь твердо заявляет о принципиальной непригодности для нее «какого-либо государственного строя, какой-либо из существующих политических доктрин, каких-либо общественных сил и их деятелей, в том числе находящихся у власти».

Вместе с тем, будучи неотъемлемой и органичной частью российского общества, Церковь полагает «весьма полезным взаимодействие церковных институций с центральными и местными органами государственной власти, при невмешательстве их во внутренние дела друг друга, в сферах духовного просвещения, благотворительности, миротворчества, науки, культуры, охраны и восстановления исторических памятников, заботы об общественной нравственности и других областях».

Подтвердив ранее бывшее Определение Священного Синода, предписывающее священнослужителям воздерживаться от участия в выборах в Федеральное Собрание России в качестве кандидатов в депутаты, Архиерейский Собор распространил действие указанного Определения и на неучастие священнослужите-

лей в выборах любых органов представительной власти всех уровней, а также счел «крайне нежелательным членство священнослужителей в политических партиях, движениях, союзах, блоках и иных подобных организациях, в первую очередь ведущих предвыборную борьбу». Существенно, что при этом «участие священнослужителей, в том числе представляющих канонические церковные структуры и церковное Священноначалие, в отдельных мероприятиях политических организаций, а также церковное сотрудничество с ними в делах, полезных для Церкви и общества», полагается не только возможным, но и служащим «созиданию мира и согласия в народе и церковной среде».

Сугубое внимание Полноты церковной к проблемам современного общества и роли Православия в их разрешении нашло свое практическое проявление в решении Архиерейского Собора поручить Священному Синоду создать рабочую группу по выработке всеобъемлющей концепции, отражающей общецерковный взгляд на вопросы церковно-государственных и церковно-общественных отношений.

Ниже публикуется также «Обращение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви в связи с началом воссоздания Храма Христа Спасителя».

Ныне этот храм, созидавшийся по благословению Церкви трудом и молитвой православной России, мы по милости Божией зрим вознесшимся над Москвой. Посреди смут, нестроений и скорбей, претерпеваемых возлюбленным нашим Отечеством, возрожденная святыня зримо свидетельствует о неизбежности торжества добра и веры над злодеянием и кощунством.

*Митрополит Смоленский и Калининградский
КИРИЛЛ*

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
«О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЦЕРКВИ С
ГОСУДАРСТВОМ И СВЕТСКИМ ОБЩЕСТВОМ
НА КАНОНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА
В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ»**

Будучи движим богозаповеданным призванием Церкви свидетельствовать словом и делом Истину Христову перед лицом светского государства и общества, преобразовать их жизнь и деятельность, Освященный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви определяет:

1. Всецело одобрить позицию по церковно-государственным и церковно-общественным вопросам, высказанную за период, прошедший с последнего Архиерейского Собора, Патриархом Московским и всея Руси Алексием II и Священным Синодом, а также действия, предпринятые ими в данной области церковного служения.

2. Особо подчеркнуть правильность того, что в нынешних сложных общественных условиях Патриарх и Священный Синод твердо говорят о неприемлемости для Церкви какого-либо государственного строя, какой-либо из существующих политических доктрин, каких-либо конкретных общественных сил и их деятелей, в том числе находящихся у власти.

Одновременно считать весьма полезным взаимодействие церковных институций с центральными и местными органами государственной власти, при невмешательстве их во внутренние дела друг друга, в сферах духовного просвещения, благотворительности, миротворчества, науки, культуры, охраны и восстановления исторических памятников, заботы об общественной нравственности и других областях.

3. Подтвердить невозможность для церковной Полноты поддержки каких-либо из действующих в странах СНГ и Балтии политических партий, движений, союзов, блоков и тому подоб-

Новейшая история Русской Церкви в документах

ных организаций, а также отдельных их деятелей, в первую очередь в ходе предвыборных кампаний.

Одобрить, как весьма своевременное и мудрое, Определение расширенного заседания Священного Синода от 8 октября 1993 года, предписывающее священнослужителям воздержаться от участия в выборах в Федеральное Собрание Российской Федерации в качестве кандидатов в депутаты. Распространить действие этого Определения на участие в будущем священнослужителей Русской Православной Церкви в выборах любых органов представительной власти стран СНГ и Балтии как на общегосударственном, так и на местном уровне. Считать также крайне нежелательным членство священнослужителей в политических партиях, движениях, союзах, блоках и иных подобных организациях, в первую очередь ведущих предвыборную борьбу.

Полагать допустимым членство в вышеупомянутых организациях мирян и создание ими самими таких организаций, которые, в случае наименования себя христианскими и православными, призываются к большему взаимодействию с церковным Священноначалием.

Считать также возможным участие священнослужителей, в том числе представляющих канонические церковные структуры и церковное Священноначалие, в отдельных мероприятиях политических организаций, а также церковное сотрудничество с ними в делах, полезных для Церкви и общества, в случае, если таковое участие и сотрудничество не носит характера поддержки политических организаций, служит созиданию мира и согласия в народе и церковной среде.

4. Призвать органы законодательной и исполнительной власти разработать и принять законы и подзаконные акты, которые разрешили бы следующие проблемы, остро волнующие клир и паству нашей Церкви:

— возвращение каноническим церковным структурам несправедливо отнятого в послереволюционный период имущества, находившегося до 1917 года в обращении верующих, а именно всех святынь, храмовых зданий и других предметов, предназначенных для богослужебного употребления, а также той части так называемого некультового имущества, которая жизненно необходима для нормальной деятельности епархий, монастырей, приходов и других церковных учреждений, для ведения ими бла-

готворительной, просветительной и иной общественно полезной деятельности;

— обеспечение верующим возможности богослужебного употребления святынь и реликвий, являющихся историческими памятниками, требующими особого ухода, без ущерба для их сохранности, поддерживаемой соответствующими специалистами;

— освобождение канонических церковных учреждений, созданных ими предприятий и организаций от всех видов налогов; введение налоговых льгот для предприятий и организаций, оказывающих благотворительную помощь каноническим церковным структурам, на основе соразмерности гарантируемых льгот оказываемой помощи;

— предоставление льгот в таможенных пошлинах, которыми облагаются ввозимые из-за рубежа каноническими церковными структурами материальные ценности; обеспечение церковных учреждений коммунальными услугами по льготным тарифам;

— устранение правового вакуума в области регламентации профессиональной религиозной деятельности иностранных граждан в России и ряде других стран;

— защита наших сограждан от деятельности псевдорелигиозных групп, наносящих ущерб жизни, здоровью, правам, свободам и достоинству личности, семье и обществу, а также проповедующих межнациональную, социальную, межрелигиозную и иную рознь.

Предлагаемые государственными структурами России новые тексты охранных договоров, которыми регламентируется использование Церковью передаваемых ей храмов, монастырей и других зданий, по точному определению Святейшего Патриарха, «похожи на документы времен антицерковного законодательства и существенно ограничивают возможности реконструкции и реставрации» (из доклада Святейшего Патриарха на Архиерейском Соборе, с. 10).

Собор считает необходимым в срочном порядке предпринять усилия по пересмотру этих документов.

5. Высказать глубокую обеспокоенность проблемами, существующими в церковно-государственных отношениях на Украине, где до сих пор не преодолены последствия пагубных действий государственной власти, поддержавшей раскольнические образования и ущемившей права верующих Украинской Право-

Новейшая история Русской Церкви в документах

славной Церкви. Свидетельствовать, что до сих пор на Украине во многих случаях имеют место грубые нарушения прав человека и религиозной свободы, в результате которых граждане Украины страдают только за то, что принадлежат к единственной канонической Православной Церкви на Украине — Украинской Православной Церкви.

Средства массовой информации на Украине по-прежнему односторонне освещают церковную жизнь, подвергая грубым нападкам и клевете Украинскую Православную Церковь и провоцируя неприязнь к ней ввиду ее канонической связи с Московским Патриархатом.

Собор с прискорбием констатирует, что, несмотря на многократные заверения руководства Римско-Католической Церкви и Украинской Греко-Католической Церкви относительно якобы улучшения отношений между православными и католиками, православные на Западной Украине продолжают страдать от грубого попрания их прав в результате действий местных властей, инспирируемых и вдохновляемых греко-католиками. Особенно же беспокоит Собор положение в Эстонии, где власти поставили каноническую Эстонскую Апостольскую Православную Церковь вне закона, взяв курс на ее полное уничтожение и замену неканонической группировкой, не имеющей никаких прав на окормление эстонской православной паствы и обладание церковным имуществом.

6. Выразить удовлетворение деятельностью Патриарха и Священного Синода по умиротворению вооруженного гражданского конфликта в Москве в сентябре-октябре 1993 года, а также их труды по созиданию мира и согласия. Считать полезным продолжение такой деятельности в дальнейшем, особенно в случае возникновения в обществе опасных противостояний.

Отметить миротворческие усилия Святейшего Патриарха и Священного Синода в связи с армяно-азербайджанским и грузино-абхазским вооруженными конфликтами, кровопролитными бранями в Молдове, бывшей Югославии и ряде других мест. Поскольку некоторые из этих конфликтов не угасают, а иногда и разгораются с новой силой, вызывая скорбь и озабоченность клира и паствы нашей, поручить Патриарху и Священному Синоду продолжать и расширять эту миротворческую деятельность, придерживаясь определенных ранее принципов осуждения насилия, от кого бы оно ни исходило, приверженности мир-

ным способам разрешения споров, непредвзятого отношения ко всем сторонам конфликта, заботы о справедливом мире и благоденствии для всех страдающих от конфликтов людей, независимо от их национальной и вероисповедной принадлежности.

Поскольку в ряде мест, где сегодня нет сопровождающихся насилием конфликтов, межнациональная, социальная, политическая, межрелигиозная и межконфессиональная вражда достигла крайне опасного уровня, — считать исключительно необходимыми усилия Церкви по преодолению этой вражды и предупреждению братоубийственных распрей. В этой связи уделять особое внимание проблеме русскоязычного населения в странах СНГ и Балтии и проблеме национальных меньшинств.

Расценивать как положительное явление восстановление сотрудничества в миротворческих и иных религиозно-общественных трудах между христианами СНГ и Балтии, а также общинами нехристианских религий.

7. В период, когда большинство стран СНГ и Балтии проходит через сложные экономические и социальные преобразования, надобно помнить, что эти преобразования не должны совершаться ценой непоправимого ущерба жизни, здоровью и достоинству наших соотечественников, в первую очередь тех, кто не может обеспечить себя сам, — пожилых людей, инвалидов, сирот, беженцев и вынужденных переселенцев. Нельзя также приносить в жертву научный и культурный потенциал наших народов, их достижения в области образования, здравоохранения, защиты Отечества. Имея в виду вышесказанное, расценивать постановку данных проблем перед государством и обществом как важнейшую сторону церковно-общественного служения.

8. Считать приоритетом пастырской, просветительной и церковно-общественной деятельности Церкви духовное попечение о православных воинах и взаимодействие с различными структурами Вооруженных Сил в области возрождения исторических традиций служения Отечеству, воспитания военнослужащих и всех наших сограждан в духе исконной преданности делу защиты мира, благоденствия и достоинства наших ближних от внешних и внутренних опасностей.

Одобрить создание Церковью и Вооруженными Силами совместного Координационного комитета, который является органом, координирующим взаимодействие духовенства с воинскими

Новейшая история Русской Церкви в документах

подразделениями. Одновременно просить руководство Вооруженных Сил исключить из практики призыв священнослужителей на срочную службу, где они обязаны нести несовместимые с их саном и противоречащие каноническим нормам обязанности.

Обратить особое внимание на участие Церкви в преодолении и профилактике преступности, ставшей одной из самых острых проблем нашего общества, соответствующее взаимодействие с органами охраны правопорядка, душепопечение о лицах, склонных к правонарушениям, находящихся под следствием и отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Выразить удовлетворение усилиями, предпринятыми в этих областях Патриархом, Священным Синодом, епархиями, монастырями, приходами, духовными школами и иными церковными учреждениями. Считать полезным создание в ближайшее время специального синодального учреждения, занятого взаимодействием Церкви с Вооруженными Силами и правоохранительными структурами, в том числе соответствующим пастырским и духовно-просветительным служением. Поручить Священному Синоду разработать концепцию и устав такого учреждения.

9. Продолжать приносящие пользу Церкви и обществу контакты Священноначалия и канонических церковных структур с учреждениями светской культуры, научными, творческими, общественными, благотворительными, производственными, предпринимательскими и иными организациями, действующими в странах СНГ и Балтии и за их пределами.

10. Полагая первоочередной задачей развитие Церковью собственных средств массовой информации, одновременно считать полезным активизацию сотрудничества всех церковных структур со светскими прессой, радио и телевидением с целью предоставления их сотрудникам необходимой информации, самостоятельного участия в деятельности СМИ, побуждения журналистов к объективному, правдивому, полному и благожелательному освещению в средствах информации учения, духовно-исторического наследия и жизни Православной Церкви.

С чувством глубокой озабоченности и тревоги отметить растущую проблему распространения через печатную, кино- и видеопродукцию, а также, в особенности, через электронные средства массовой информации культа насилия, вражды и ненависти, пропаганды нечестного и преступного образа жизни, откровенной безнравственности. Особо подчеркнуть разрушительную

для личности, семьи и общества эксплуатацию псевдокультурой полового инстинкта. Поручить довести эту точку зрения Собора Священному Синоду — до руководителей ведущих телерадиокомпаний России, а архипастырям из стран СНГ и Балтии — до руководства телерадиокомпаний этих стран.

11. Имея в виду предстоящий созыв Поместного Собора Русской Православной Церкви, а также растущую потребность клира и паствы во всеобъемлющей концепции, отражающей общецерковный взгляд на вопросы церковно-государственных отношений и проблемы современного общества в целом, поручить Священному Синоду создать рабочую группу для выработки проекта такого документа с последующим представлением его на обсуждение Поместного Собора. В состав рабочей группы включить представителей синодальных учреждений, духовных школ, церковно-общественных организаций, а также отдельных богословов и специалистов в области церковно-общественных вопросов.

**ПОСЛАНИЕ АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
БОГОЛЮБИВЫМ ПАСТЫРЯМ, ЧЕСТНОМУ
ИНОЧЕСТВУ И ВСЕМ ВЕРНЫМ ЧАДАМ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Возлюбленные о Господе всечестные пастыри, боголюбивые иноки и инокини и все верные чада Церкви нашей!

«Да будет с вами благодать, милость, мир от Бога Отца и от Господа Иисуса Христа, Сына Отчего, в истине и любви» (2 Ин. 1:3).

Этими словами апостольского приветствия мы, участники Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви, состоявшегося 29 ноября — 4 декабря 1994 года в московском Свято-Даниловом монастыре, обращаемся ко всей Полноте нашей Святой Церкви, вознося благодарственные молитвы ко Господу нашему Иисусу Христу, по благоволению Которого мы завершили свои труды, и испрашиваем Его всеблагой помощи в исполнении решений, принятых нашим Архиерейским Собором.

Мы призываем пастырей и паству посвятить себя делу возрождения церковной жизни. «Будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом» (1 Кор. 15:58).

Помните, возлюбленные отцы, братья и сестры, что в исполнении нашего служения нас укрепляет сила Божия, явленная Православной Руси в Его святых угодниках, прославленных ныне нашей Церковью. Архиерейский Собор рассмотрел представленные Синодальной комиссией по канонизации святых материалы и принял решение о причислении к лику святых выдающегося иерарха и богослова Русской Церкви митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова; 1782—1867), а также принявших мученическую кончину в эпоху гонений на Церковь православных миссионеров протопресвитера Александра Хотовицкого (1872—1937) и протоиерея Иоанна Кочурова (1871—1917). Мы верим, что ходатайство новопрославленных

святых будет вдохновлять нас и помогать в нелегких ныне трудах на благо Церкви и Отечества. Да дарует всем нам Господь их мудрость и кротость, их бесстрашие и горение духа.

Подвиги прославленных Собором святых были связаны с духовным образованием и православной миссией. Это важнейшие проблемы, стоящие и сегодня перед Русской Православной Церковью после десятилетий вынужденной изоляции от общества. Вопросы духовного и религиозного образования, возрождения православного христианского образа жизни нашего народа стали главной темой Собора.

Сегодня в наших странах идут весьма противоречивые процессы. С одной стороны, началось духовное возрождение народа. С другой — налицо рост социальной напряженности, межнациональной и гражданской вражды, преступности, пьянства, наркомании. Личность, семья и общество разрушаются безнравственностью. Наши страны держат трагическое первенство по числу разводов и аборт. Эти страшные процессы цинично провоцируются средствами массовой информации, и жертвами падения нравственности становятся прежде всего дети и молодежь. Следствием духовного оскудения и социальной безысходности стал катастрофический рост самоубийств.

Этим тяжелым положением общества пользуются корыстолюбивые проповедники, а порой и пропагандисты богоборческих и человеконенавистнических псевдорелигий. В этих условиях обществу как никогда необходим спокойный, чистый голос Православия. Этот голос призван нести свет Евангельского благовестия в каждый дом, в каждую душу, в каждое сердце. Это должен быть голос православной миссии, исполняющей завет Господа нашего Иисуса Христа: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф. 28:19).

Мы не должны забывать, что поле миссии каждого из нас сегодня — рядом, близко. Это наши братья и сестры, живущие во тьме неведения, скептического безверия или покорного следования всевозможным лжеучителям. Мы должны понять, что Церковь наша есть подлинно живое Тело Христово (1 Кор. 12:27), а то, что живо — не может не расти, не расширяться. «Ибо слово Божие живо и действенно» (Евр. 4:12).

Миссионерская деятельность только тогда достигает успеха, когда она активно и многообразна по форме. «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор.

9:22), — говорит нам святой апостол Павел, величайший миссионер христианского мира. Формами миссии могут быть и проповедь, и катехизация, и издательская деятельность, и искреннее служение страждущим и обездоленным, и литургическая жизнь, если веяние Духа Святого и огромное богатство богословия, в ней содержащееся, будет воспринято людьми в полном объеме, с открытым сердцем и умом. При этом не нужно забывать, что нынешнее общество далеко не однородно: к каждому человеку, как бы ни отличался он от других, православный миссионер должен найти свой подход. Особенно это касается молодежи и детей.

Мы призываем пастырей, монашествующих, всех верных чад Русской Православной Церкви поддержать своими трудами и молитвами дело возрождения православной миссии, равно как и работу вновь создаваемых миссионерских общецерковных структур.

Значительная часть работы настоящего Собора была посвящена рассмотрению вопросов, связанных с состоянием религиозного и богословского образования. Подготовка образованных, ревностных и преданных своему делу священнослужителей, призванных стать «образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» (1 Тим. 4:12), остается главной задачей богословского образования. Просвещение мирян, возрождение которого идет в Церкви нашей уже не первый год, также нуждается сегодня в особом внимании и развитии.

Освященный Собор обращается к пастырям и чадам Русской Православной Церкви, ко всем христианам мира с просьбой умножить молитвы о воссоздании Храма Христа Спасителя и призывает всех, кого заботит возрождение веры Христовой на Руси, культуры и наследия наших народов, всех, кому дорога память о ратниках, павших на поле брани, — помочь всенародному делу воссоздания этой великой святыни.

Помня долг молитвы о воинах и людях, погибших в Великую Отечественную войну, Собор установил день Победы — 9 мая — днем ежегодного поминовения усопших в Великой Отечественной войне.

Со тщанием и вниманием Освященный Собор рассмотрел вопросы внутрицерковного строительства и отметил необходимость укрепления соборного начала на всех уровнях церковной жизни — в приходах, благочиниях, епархиях и общецерковном

организме. Было признано целесообразным создание внутри-епархиальных структур, координирующих религиозное образование и катехизацию, восстановление храмов и монастырей, работу с детьми, молодежью и группами мирян, социальное служение и благотворительность. Архиерейский Собор особо отметил, что основа многообразных форм церковного служения есть укрепление внутрицерковной дисциплины, в особенности среди священнослужителей. Вместе с тем мы просим и пастырей, и пасомых: «Подчиняясь друг другу, облекитесь смиренномудрием, потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Пет. 5:5).

Архиерейский Собор принял также ряд важных решений, касающихся духовных школ, издательской деятельности, пастырской работы в Вооруженных Силах, устройства материальной стороны церковной жизни и других насущных церковных вопросов.

Освященный Собор заслушал доклад Председателя Богословской Комиссии при Священном Синоде об отношении Русской Православной Церкви к инославному миру и межхристианскому сотрудничеству в поисках единства. Отметив полезность многолетнего свидетельства Православных Церквей перед лицом инославия, Собор признал необходимым произвести богословское исследование оснований участия Русской Православной Церкви в межхристианских организациях, а также тщательное рассмотрение всех вопросов, связанных с вовлеченностью нашей Церкви в движение за восстановление христианского единства, дабы разъяснить верующим все недоумения, возникающие в этой связи. В то же время Освященный Собор решительно осудил практику прозелитизма со стороны иностранных миссионеров, которая наносит ущерб самой идее межхристианского сотрудничества и поисков христианского единства.

Настоящий Собор рассмотрел вопросы взаимоотношений Церкви с государством и светским обществом, одобрив позицию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода по церковно-государственным и церковно-общественным вопросам, выраженную в межсоборный период. Собор также одобрил уровень взаимодействия Священноначалия нашей Церкви с государственными структурами власти и общественными организациями в сферах духовного просвещения, благотворительности, миротворчества, науки, культуры, охраны

Новейшая история Русской Церкви в документах

и восстановления исторических памятников, заботы о нравственном воспитании общества и в других областях. Была констатирована недопустимость для священнослужителей участия в качестве кандидатов в депутаты в выборах любых органов представительной власти в каких бы то ни было странах как на общегосударственном, так и на местном уровне. Было также признано крайне нежелательным членство клириков в политических партиях, союзах, блоках и подобных им организациях, особенно ведущих предвыборную борьбу. Участие священнослужителей в политических мероприятиях и сотрудничество с политическими организациями возможно только в делах, полезных для Церкви и общества, служащих для созидания мира и согласия в народе и в церковной среде. Такое участие ни в коем случае не должно вызывать соблазна у верующих и у тех, кто пока стоит вне Церкви.

Освященный Архиерейский Собор призвал органы законодательной и исполнительной власти содействовать разрешению существующих ныне проблем во взаимоотношениях Церкви и государства. Прежде всего это касается вопроса о возвращении несправедливо отчужденного в послереволюционный период церковного имущества, налоговой политики, проблемы богослужебного использования исторических памятников и святынь, находящихся в государственном ведении, юридической регламентации профессиональной деятельности иностранцев в области религии, а также правовой защиты личности и общества от деятельности тоталитарных псевдорелигиозных движений. Были затронуты и многие другие вопросы, требующие более четкого правового регулирования.

Собор с одобрением отметил важную роль Церкви в служении примирения в современном обществе, раздираемом многообразными политическими, национальными, социальными и прочими конфликтами.

Святая Церковь Русская, как Богочеловеческий организм, живет по законам, данным ее Божественным Основателем — Господом Иисусом Христом. Верная святым Его заповедям, она несет слово Истины Христовой ближним и дальним, несет людям мир, согласие, радость и вечное спасение. Идя туда, где бушует рознь мира сего Церковь преображает, оживотворяет и просвещает человеческое общество. Будем же все, восходя от силы в силу, достойны великого имени православного христианина. Будем воистину «солью земли» и «светом миру» (Мф.

дем воистину «солью земли» и «светом миру» (Мф. 5:13—14), дабы не посрамиться пред лицом Страшного Суда Божия и услышать в будущем веке Его голос: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф. 25:34). Аминь.

**ОБРАЩЕНИЕ АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В СВЯЗИ С НАЧАЛОМ ВОССОЗДАНИЯ
ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ**

Освященный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, проходящий в Москве с 29 ноября по 4 декабря 1994 года, с радостью о Господе, тако о нас благоволившем, воспринял весть о начале трудов по возрождению величайшей святыни Православной Руси — Храма Христа Спасителя.

Этот святой храм, ставший знаменем глубокой веры нашего народа и его памяти о воинах, жизнь свою за веру и Отечество положивших, был варварски разрушен в годы тоталитарного безвременья.

Сегодня нам вместе надобно искупить этот грех. Восстановление Храма Христа Спасителя должно стать делом Церкви, государства и всего народа. И оно уже становится таковым — церковное Священноначалие благословило работу по воссозданию храма, и ныне в ней участвуют многие пастыри и чада Церкви Русской. Государственное руководство России, городские власти Москвы, предприниматели и простые труженики, люди богатые и бедные, живущие в России и за ее пределами — жертвуют сегодня на возрождение храма, бывшего общенациональным достоянием, одним из символов России.

Да продолжатся и далее эти благородные труды. Собор призывает и просит каждого, кто заботится о возрождении на Руси веры Христовой, каждого, кто чтит память ратников наших, павших на поле брани, каждого, кому дорога Россия, ее культура и ее наследие, — помочь воссозданию Храма Христа Спасителя. Пусть к этому святому делу приложат свое умение и свои лепты все, кто может это сделать, — епархии, монастыри и приходы Русской Церкви, православные и инославные христиане всего мира, органы государственной власти, коллективы предприятий, новое купечество, все наши братья и сестры, Не смущайтесь и малой жертвой — помните, что Господь ожидает от

дающего не только злата и серебра, но доброго намерения сердца, готового помочь трудам во славу Имени Христова.

Известно, что у воссоздания храма есть немало противников. Их позиция обычно обосновывается отсутствием в стране средств, потребных на восстановительные работы. Но те средства, что будут даны и уже даются на храм, поступают от жертвователей именно в силу величайшего значения начатого дела, и не стоит думать, что эти вклады с легкостью были бы даны на что-либо иное. Средства же, которые планирует выделить государство, ни в коем случае не будут изъяты из статей бюджета, предназначенных для помощи малоимущим, обездоленным, страждущим людям, для обустройства культуры, образования, науки, здравоохранения. Если это произойдет — Церковь сама не согласится с таким решением.

Каждый, кто жертвует на храм, должен знать, что совершает дело, угодное Богу, и тем самым встает на путь покаяния и духовного возрождения, которые могут очистить и просветить его. Будем же помнить слова апостола Павла: «...не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога» (1 Кор. 4:5).

В прошлом столетии Храм Христа Спасителя был создан в память о победе в Отечественной войне 1812 года и о воинах, павших в этой войне. С тех пор на земле нашей пролилось много крови. И ныне возрождаемый храм станет местом молитвенного поминовения не только героев 1812 года, но также воинов и всех наших соотечественников, погибших в войнах и лихолетьях XIX и XX веков.

Собор просит пастырей и чад Русской Православной Церкви, всех христиан мира умножить молитву о воссоздании Храма Христа Спасителя. Да приблизит Господь время, когда мы, милостью Божией, молитвами и трудами Церкви и всех, кто оказывает ей помощь в воскрешении великой российской святыни, вновь увидим этот храм в былом благолепии, вознесем под его величественными сводами песнь благодарения и будем пребывать в нем, подобно апостолам, «прославляя и благословляя Бога» (Лк. 24:53).

Пожертвования в Фонд воссоздания Храма Христа Спасителя следует направлять на счет № 701415 в Ленинском отделении МББ МФО 201188, код 24, кор. счет № 42816100.

**ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
БОРИСУ НИКОЛАЕВИЧУ ЕЛЬЦИНУ
ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ваше Превосходительство, глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, проходящий в Москве 29 ноября — 4 декабря 1994 года, свидетельствует Вам свое уважение и шлет пожелания помощи Божией в трудах на благо Отечества.

Обратиться к Вам Собор побуждают некоторые насущные потребности церковной жизни, требующие участия в их удовлетворении высшей исполнительной власти Российской Федерации. Согласно определениям Собора, это:

— возвращение каноническим церковным структурам несправедливо изъятого в послереволюционный период имущества, находившегося до 1917 года в обращении верующих, а именно всех зданий, святынь и других предметов, предназначенных для богослужебного употребления, а также той части так называемого некультового имущества, которая жизненно необходима для нормальной деятельности епархий, монастырей, приходов и других церковных институций, для ведения ими благотворительной, просветительной и иной общественно полезной деятельности;

— обеспечение верующим возможности богослужебного употребления святынь и реликвий, являющихся историческими памятниками, требующими особого ухода, без ущерба для их сохранности, поддерживаемой соответствующими специалистами;

— освобождение канонических церковных институций, созданных ими предприятий и организаций от всех видов налогов; введение налоговых льгот для предприятий и организаций, оказывающих благотворительную помощь каноническим церковным структурам, на основе соразмерности гарантируемых льгот оказываемой помощи;

— предоставление льгот в таможенных пошлинах, которыми облагаются ввозимые из-за рубежа каноническими церковными структурами материальные ценности, используемые ими для удовлетворения своих уставных потребностей; обеспечение церковных институций коммунальными услугами по установленным для бюджетных организаций тарифам;

— устранение правового вакуума в области регламентации профессиональной религиозной деятельности иностранных граждан в России и ряде других стран;

— защита наших сограждан от деятельности псевдорелигиозных групп, наносящих ущерб жизни, здоровью, правам, свободам и достоинству личности, семье и обществу, а также проповедующих межнациональную, социальную, межрелигиозную и иную рознь;

— обеспечение права родителей и детей — верующих нашей Церкви — на создание негосударственных православных общеобразовательных школ. Эти школы, обеспечивающие религиозное воспитание, в то же время будут отвечать государственному стандарту для общеобразовательных школ и исполнять работу, аналогичную работе подобных государственных школ. В силу этого вышеуказанные школы должны пользоваться финансовой и иной поддержкой со стороны государства в общеобразовательной части их деятельности. Справедливой была бы и государственная помощь высшим православным учебным заведениям, готовящим специалистов в разных областях знаний, которые будут трудиться для страны и общества.

Позвольте также поставить Вас в известность, что предлагаемые государственными структурами России новые тексты охранных договоров, которыми регламентируется использование Церковью передаваемых ей храмов, монастырей и других зданий, подобны документам времен антицерковного законодательства и существенно ограничивают возможности реконструкции и реставрации.

Также просим Вас, как Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами России, исключить из практики призыв священнослужителей на срочную службу, где они обязаны нести несовместимые с их саном и противоречащие каноническим нормам обязанности.

Перечисленные выше церковные нужды заботят практически всех пастырей и многомиллионную паству Русской Православ-

ной Церкви, с великим трудом возрождающей ныне свою жизнь после семидесятилетних гонений. И мы — архипастыри, духовно окормляющие Полноту Церкви Русской, просим приложить для удовлетворения этих нужд все возможные усилия в рамках полномочий и обязанностей исполнительной власти России.

Говоря о необходимости возвращения церковной собственности, Собор признает, что безусловное немедленное возвращение всего так называемого «некультового» имущества может привести к социальным осложнениям и конфликтам. Будучи провозвестницей мира и согласия в обществе, Церковь добровольно отказывается от той части этого имущества, которая не является жизненно необходимой для церковного организма.

В то же время участники Собора подчеркивают, что Распоряжение Вашего Превосходительства от 23 апреля 1993 года о передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества, как правило, практически не выполняется из-за препятствий, чинимых местными органами власти некоторых регионов, а также предприятиями и учреждениями, пользующимися церковной собственностью.

Внимание к интересам Церкви представляется особенно необходимым в ходе выработки исполнительной властью подзаконных актов и решений, затрагивающих различные стороны церковной жизни, а также при формировании структур, занятых взаимоотношениями с религиозными организациями и решением специфических вопросов, связанных с их деятельностью.

Вместе с клиром и паствой Церкви нашей надеемся на благосклонное внимание российской исполнительной власти всех уровней к поставленным Архиерейским Собором вопросам.

Молим Господа, да дарует Он Вашему Превосходительству, Правительству и всему народу России мир, благоденствие и преуспеяние во всем.

МИССИЯ ПРАВОСЛАВИЯ

Священник Дионисий ПОЗДНЯЕВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ МИССИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

1. История Православной общины во внешней Монголии

Начало формирования русской этнокультурной общины в Монголии связано с появлением на ее территории русских торговых факторий и последовавшим в 1860 году открытием в столице Монголии — Урге — русского консульства. Входившая в состав Цинской Империи Монголия, хотя и обладала некоторой самостоятельностью, все-таки была всецело зависима от Пекина и Императорского двора.

В 1865 году начинается окормление православных на территории Монголии силами Российской Духовной Миссии в Пекине. Так, 28 сентября 1865 года один из ее членов, иеромонах Сергей, на один год прибывает в Ургу из Пекина. С 1866 по 1868 год в Урге трудится член Миссии иеромонах Геронтий. В 1872 году, во время дунганского восстания, для охраны русского консульства были сформированы казачьи отряды, для духовного окормления которых и была построена первая Ургинская церковь, непосредственно примыкавшая к зданию русского консульства.

Начальный период жизни православной общины в Урге освещается в журналах Российской Духовной Миссии в Китае «Китайский Благовестник» и в отчетах командированных из Миссии иеромонахов начальникам Миссии. Важнейшей задачей существования общины в тот период было окормление православных русских граждан на территории Монголии, которые по-немногу формировали русское этническое меньшинство в этой стране.

Несмотря на формальное подчинение Пекину, в своей практической деятельности православная община в Урге в большей степени была связана с Иркутской епархией и Забайкальской

Духовной Миссией, духовный опыт которой впоследствии оказал поддержку в проповеди слова Божия среди монголов. Часто помимо священников из Пекина Ургу навещали и забайкальские пастыри. Так, первая Божественная литургия была отслужена в Урге верхнеудинским священником Иоанном Никольским 22 марта 1864 года. Первый Антиминс для совершения Литургии в Урге был подписан и выдан Преосвященным Парфением, архиепископом Иркутским и Нерчинским, в 1872 году. По благословению Начальника Забайкальской Миссии, преосвященного Вениамина, епископа Селенгинского, отец Иоанн Никольский должен был собрать необходимые сведения для рассмотрения возможности устройства православной Миссии по примеру Забайкальской на территории Монголии.

Миссионерство среди монголов поначалу не имело успеха из-за глубоко укоренившегося ламаизма и шаманизма. Командированному из Пекина в Ургу иеромонаху Геронтию в конце 60-х годов XIX века удалось крестить около 40 монголов, однако крещенные не только часто вместе с иконами держали в своих домах ламаистские бурханы, но часто и отрекались от принятой веры, испытывая притеснения со стороны лам и родственников-язычников. Лишь некоторые монголы, покидая страну и направляясь в Россию в поисках заработка, хранили верность Христу. Более того, православные пастыри часто свидетельствовали о том, что и русские православные обращаются к врачам-ламам или к шаманам-гадателям, чем дискредитируют в глазах монголов Православие.

В декабре 1892 года иркутский архиепископ Тихон основал Комиссию по переводу богослужебных книг и духовно-нравственной литературы на монгольский и бурятский языки. Традиционным для Монголии уйгурским письмом, понятным также бурятам и маньчжурам, удалось отпечатать в Синодальной типографии Санкт-Петербурга, а также в Селенгинске и Иркутске около 25 православных изданий. Еще ранее стараниями святителя Иннокентия Иркутского, «проповедника веры в языках монгольских», в семинарии Иркутска введено было преподавание монгольского и бурятского языков, что предполагало развитие миссионерского служения в Восточной Сибири.

1893 год ознаменовался началом постоянных богослужений в Урге: 4 сентября решением Священного Синода в консульскую Церковь Живоначальной Троицы был назначен настоя-

телем иерей Николай Шастин, бывший миссионер Цакирского стана Забайкальской Духовной Миссии.

После обретения в 1911 году Внешней Монголией автономии под протекторатом России усилилось и русское влияние в этой стране. Свято-Троицкий приход в Урге был переподчинен правящему архиерею Иркутской епархии.

На границе с Россией, в Алтан-Булаке, была построена деревянная часовня и основан миссионерский стан. Поднимался вопрос о необходимости строительства часовен и молитвенных домов в Кобдо, Улясутае и других местах проживания русских. В районе озера Хубсугул был открыт миссионерский стан, имевший постоянные связи с Ниловой пустыней — миссионерским монастырем Иркутской епархии, расположенной в Тункинской долине.

Летом 1914 года настоятелем Ургинского Свято-Троицкого прихода был назначен иркутский священник Феодор Парняков. По его инициативе в том же году было создано Ургинское приходское попечительство в Монголии, основной целью которого была организация приходской жизни. В его устав входили задачи религиозно-нравственного характера, устройство школ, распространение литературы и открытие библиотек, организация литературных вечеров и концертов. Несмотря на тяжелое для России время первой мировой войны, деятельность приходского попечительства была весьма активной. Заслугой отца Феодора Парнякова было открытие в Урге первого среднего специального учебного учреждения — коммерческого училища. Позднее по инициативе о. Феодора в Монголии было издано несколько номеров русской газеты.

Деятельность отца Феодора Парнякова не ограничивалась Ургой. Он часто совершал поездки в самые отдаленные районы Монголии, преодолевая верхом по 1,5 тысячи верст. Записки о своих миссионерских путешествиях о. Феодор публиковал в «Забайкальских епархиальных ведомостях». О. Феодор подробно описал как жизнь русских колонистов в Монголии, так и жизнь местного населения. Его труды являются ценным источником по истории российско-монгольских отношений начала XX века.

Революция 1917 года, внесшая неопределенность и сумятицу во внутреннюю жизнь России, способствовала росту нестабильности в жизни русской колонии в Монголии. Само общество

колонистов неоднозначно отнеслось к революционным событиям 1917 года. После образования в Сибири Омского правительства Колчака в 1918 году многие забайкальские революционеры нашли укрытие в Монголии, пытаясь использовать этот тыл для ведения революционной деятельности в Забайкалье и Восточной Сибири.

В октябре 1920 года войска белого барона Унгерна фон Штернберга захватили Ургу и завладели всей территорией Монголии. Сам Унгерн, приняв ламаизм, надеялся на реставрацию монархии в России и вел ожесточенную борьбу с забайкальскими коммунистами. Его политической целью было создание огромного буддийского государства в пределах Азии, которое способно было бы уничтожить европейскую цивилизацию. Место форпоста ламаизма отводилось Монголии. После взятия войсками Унгерна Урги в столице Монголии начались еврейские погромы и бесчинства солдат. 25 января 1921 года священник Феодор Парняков был арестован военным комендантом Урги по обвинению в антимонархизме и связи с революционерами (обвинения эти были справедливыми). Через три дня, после многих пыток, последний настоятель ургинского прихода был убит бароном Унгерном. С его гибелью более чем на семьдесят лет замирает жизнь православной общины в Монголии.

Революционные события и падение правительства Колчака, а также установление в Монголии народно-революционной власти, способствовали тому, что многочисленное русское торговое население (около 5 тысяч человек), проживавшее в Урге, Кобдо, Хатхыле, Ван-Хурэ, Улясутае и других районах Монголии, в начале 20-х годов выехало в Китай, США и, частично, в Россию. В Монголии остались лишь крестьянские поселения в долине р. Иро. Часть бывших белогвардейских отрядов под видом крестьян осела в лесах на западе и севере Монголии. По свидетельствам улан-баторских старожилов, в Свято-Троицком храме требы в последний раз совершались в 1928 году проезжим священником, а в начале 30-х годов храм был закрыт.

Вторая волна переселенцев связана с развитием советско-монгольских золотодобывающих концессий. Коллективизация начала 30-х годов и голод в Сибири стали причиной переселения в Монголию третьей волны эмигрантов — крестьян, русских, украинцев и бурятов (до 1934 г. советско-монгольская граница фактически оставалась открытой).

Потомки этих выходцев из России составляют т. н. «местнорусское» население Монголии — полиэтническую общность, которую сформировали большей частью дети от смешанных русско-китайских и русско-монгольских браков. «Местнорусские» сохранили русский язык (хотя часто распространено двуязычие) и православную веру. Постоянное русское население Монголии обратилось к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II с просьбой возобновить деятельность Свято-Троицкого прихода и назначить в Улан-Батор постоянного священника. В 1997 году православная община Улан-Батора окормлялась клириками Бурятского Благодия Читинской и Забайкальской епархии. 19 января 1998 года в Улан-Батор прибыл новоназначенный настоятель Свято-Троицкого прихода протоиерей Анатолий Фесечко.

Сегодня Свято-Троицкий приход Улан-Батора имеет широкие перспективы роста, связанные с восприимчивостью населения Монголии к Православию, с широким распространением русского языка и культуры России в Монголии. Особая задача православного прихода в Монголии — проблема взаимоотношения с ламаизмом. В последнее время ламаизм, являясь хранителем мощных традиций миссионерства среди центральноазиатских народов, особое внимание обращает на Россию. Так, уже сегодня около двух десятков русских студентов обучаются в дацанах Бурятии, готовясь принять посвящение в лам. Есть студенты из русских и в ламаистских школах Улан-Батора.

Одной из важнейших задач русской эмиграции, наряду с сохранением Православия в своей среде, было и остается миссионерство. Монголия, в которой русская эмиграция преобразовалась в полиэтническую общность, представляет сегодня благоприятнейшее место для развития внешней миссии Русской Православной Церкви. Еще в XIII веке ее земля была освящена исповедническим подвигом святого благоверного князя Александра Невского, а позднее — трудами святителя Иннокентия Иркутского — небесных покровителей этой страны, расположенной в центре Азии.

2. Митрополит Токийский Сергей (1871—1945) и Православная Церковь в Японии в годы II мировой войны

Вскоре после ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки 10 августа 1945 года в Токио скончался митрополит Сергей (Тихомиров). Никто не прислал телеграмм соболезнования по случаю смерти архиерея, в течение 33 лет возглавлявшего Русскую Духовную Миссию в Японии. Его кончина прошла очень тихо и почти никем не была замечена. Если первая половина жизни владыки Сергея была ярким примером быстрого восхождения по ступеням церковной иерархии, то ее вторая половина оказалась исполненной страданиями и горем.

Выпускник Санкт-Петербургской Духовной Академии, магистр богословия, инспектор, а впоследствии — ректор Петербургской семинарии, возведенный 19 ноября 1905 года в сан епископа Ямбургского, 3-го викария Петербургской епархии, владыка Сергей 31 марта 1908 г. был назначен в Русскую Духовную Миссию в Японию помощником равноапостольного Николая (Касаткина). По преставлении Апостола Японии в 1912 г. владыка Сергей возглавил Миссию с титулом епископа Токийского и Японского. После образования Зарубежной Церкви владыка Сергей сохранил верность священноначалию Московского Патриархата и указами митрополита Сергея (Страгородского) в 1921 г. был удостоен сана архиепископа, с 1931 г. — митрополита Японского.

В 1939 г. парламент Японии принял закон, по которому всем религиозным организациям страны предписывалось пройти регистрацию для оформления статуса юридического лица. Правила регистрации требовали возглавления всех религиозных организаций гражданами Японии. Новый закон вступал в действие с осени 1940 года. Все религиозные организации должны были до апреля 1941 года пройти регистрацию в Министерстве Народного Просвещения.

4 сентября 1940 года представители православных общин Японии просили митрополита Токийского Сергея (Тихомирова)

«ради будущего Церкви» благословить управление Японской Церковью через японца. Владыка Сергей не мог не согласиться. Оставив Токийскую кафедру, владыка, однако, до конца жизни так и не отказался от обязанностей Начальника Русской Духовной Миссии.

В июле 1940 года в Токио состоялся Собор, на котором обсуждался вопрос о поставлении двух епископов из японцев. Временное управление Церковью митрополит Сергей передал одному из кандидатов в епископы, Арсению Яковлевичу Ивасава.

Уже с ноября 1940 года Церковь начала проявлять недовольство его управлением. В декабре же православные общины стали требовать созыва Собора духовенства и мирян. Управлявший Церковью Арсений Ивасава не давал своего согласия на проведение Собора, и тогда 11 января 1941 года православные общины сами стихийно собрались на Собор и отстранили от управления Церковью Арсения Ивасава и его окружение, пойдя наперекор воле митрополита Сергея (Тихомирова). Управляющим Церковью был избран протоиерей Иаков Тоохей. При нем была образована консистория. Таким образом, в Японской Церкви к началу 1941 года образовались две противостоящие группировки, возглавляемые Арсением Ивасавой и протоиереем Иаковом Тоохеем.

Владыка Сергей с сентября 1940 по январь 1941 года по-прежнему продолжал жить в архиерейском доме. Японские православные христиане просили его быть «советником» в церковных делах. После начавшегося разделения в клире Церкви и растущей вражды владыка Сергей был вынужден переехать из архиерейского дома в бывший миссионерский дом одной из протестантских общин в Токио.

Между тем по требованию Министерства Народного Просвещения 38 различных протестантских деноминаций Японии объединились в религиозное движение, назвавшее себя Церковью Христа в Японии. Англичанам было предложено присоединиться к протестантам. Англичане отказались от объединения, и тогда Министерство Народного Просвещения отказало их общине в регистрации.

Православным было предложено объединиться с католиками, на что православные ответили: «С удовольствием, если католики единым сердцем с нами исповедуют наше Православие». Министерство Просвещения, указав на славную историю Право-

славной Церкви в прошлом, отметило ее «слабость» в настоящем (всего 25 священников, 15 катехизаторов, ни одного монастыря) и отказало Православной Церкви в регистрации в качестве религиозного объединения. Православным было предложено зарегистрироваться в Министерстве внутренних дел в качестве религиозной группы — Японская Церковь не получила статуса юридического лица.

Исчезнувший из пределов Русской Духовной Миссии в Японии Арсений Ивасава каким-то образом связался с Первоиерархом Зарубежной Церкви митрополитом Анастасием, в результате чего тайно от Церкви во епископы был избран протоиерей Иоанн Оно (единственный, не принимавший участия в Соборе 11 января 1941 г.). Протоиерей Иоанн Оно, в отличие от других японских священников, получил образование в Японии и по своим взглядам в большей степени, нежели другие кандидаты, устраивал Японскую ставку верховного Главнокомандования. Отец Иоанн Оно предполагал, что сможет дать японскому правительству то сотрудничество, которого оно хотело от Православной Церкви — необходимо было выразить «сочувствие» православных политике расширения влияния Японии на Дальнем Востоке, в том числе в Китае, России и Корее. Было решено отправить протоиерея Иоанна Оно в Харбин, где он принял монашеский постриг с наречением Николаем и 7 апреля 1941 года был возведен во епископа Японского и Токийского. Хиротонию возглавил митрополит Харбинский и Маньчжурский Мелетий, архиепископ Камчатский и Петропавловский Нестор (ученик владыки Сергия (Тихомирова), который возвел его в епископский чин), архиепископ Пекинский Виктор, епископ Хайларский Димитрий и епископ Цицикарский Ювеналий.

По возвращении в Японию епископ Николай (Оно) в Лазареву субботу близ Токио был встречен группой православных христиан, просивших епископа не въезжать в столицу. В Великую субботу Арсений Ивасава привез епископа Николая (Оно) к воротам Миссии в Токио. Лишь через 2 часа епископа Николая впустили на территорию Миссии, но собор так и не открыли. В 1941 году в Токио так и не состоялась Пасхальное богослужение — ни ночью, ни утром...

За неделю до Троицы диакон из сторонников епископа Николая Оно, забравшись через окно в кафедральный собор, из-

нутри открыл двери епископу Николаю — собор был захвачен. За Литургией тут же диакон был рукоположен в сан иерея. После этого сторонники епископа Николая молились в соборе, а большая часть паствы с протоиереем Иаковом Тоохеем собиралась на службу в Свято-Николаевском храме Токио.

Вскоре при поддержке властей епископ Николай полностью захватил церковную власть. В конце июня 1941 г., не допуская ни возражений, ни обсуждений, чиновники полицейского управления и Министерства Народного Просвещения огласили свой меморандум, в котором обязывали Православную Церковь Японии признать своим главой епископа Николая (Оно). В качестве попытки прекратить конфликт между противостоящими группами внутри Японской Церкви власти предложили возвести в сан епископа протоиерея Иакова Тоохея, а церковное управление осуществлять поочередно, раз в год передавая его от епископа Николая другому епископу. К декабрю 1941 года харбинские архиереи дали свое согласие на хиротонию протоиерея Иакова Тоохея в сан епископа. В харбинских газетах были опубликованы статьи о втором епископе для Японской Церкви. Однако неожиданно военные власти Харбина заявили, что до окончания войны не допустят никаких архиерейских хиротоний.

Епископ Николай (Оно) между тем допускал неоднократные растраты церковного имущества. Сдав в аренду зимний храм Миссии, епископ Николай открыл в нем английскую школу, формально возглавив ее, за что получал отнюдь не символическое жалование от англичан. Разрешение епископа Николая курить и петь в здании зимнего храма вызвало возмущение православных христиан — большая их часть перестала ходить в храм. Против епископа Николая было возбуждено дело о растрате церковного имущества. Все банковские счета Церкви были заморожены. Суд запретил епископу Николаю вести церковные дела. Им также были совершены тайные хиротонии. Последующие 5 лет были самым мрачным временем для Православной Церкви в Японии.

Митрополит Сергей (Тихомиров) с 8 октября 1941 года устроил в своем доме молитвенное помещение, где служил на церковнославянском для русских, проживавших в Японии. С марта 1942 г. его молитвенное помещение было несколько расширено. Владыка духовно окормлял более 4000 человек, совершая богослужения (в том числе и все требы) без священника и диакона.

Сообщая в 1944 г. в Москву о положении церковных дел в Японии, владыка писал: «...закончив свой доклад о состоянии Японской Православной Церкви, я прошу... как честно прослуживший ей 32 года и полюбивший ее, — по крайней мере до окончания войны не принимать по отношению к ней никаких мер прещения: мы сами здесь часто не знаем — кто, как, почему, для чего...».

Поддерживаемый военными властями, до 1945 года владыка Николай (Оно) не встречал никакого сопротивления со стороны японской паствы и клира. По его навету владыка Сергей был обвинен в шпионаже в пользу СССР и арестован. Во время 40-дневного заключения 74-летний архиерей подвергся пыткам, окончательно слоившим его здоровье. После освобождения из тюрьмы митрополит Сергей, не прожив и месяца, скончался в своей маленькой квартире на окраине японской столицы.

3. К истории Российской духовной миссии в Корее (1917—1949)

Русская Духовная Миссия в Корее была учрежденная Указом Святейшего Правительствующего Синода за 2195 от 24 июля 1897 года. Со дня своего основания до 1908 года Корейская Миссия находилась в ведении Петербургского митрополита, а с 1908 по 1922 гг. — в ведении Владивостокского архиепископа.

С 1917 г. Сеульская Миссия возглавлялась иеромонахом Феодосием (Переваловым). В результате русской революции Корейская Миссия лишилась средств, посылаемых Синодом на ее содержание. Ко второй половине 1918 г. в составе Миссии оставались только 3 человека — иеромонах Феодосий, диакон Лука Ким и псаломщик А. Ким. Не имея никаких статей дохода, Миссия была обречена на всякого рода лишения и испытания. Владивостокский архиепископ Евсевий разрешил сдать в аренду главное миссийское здание в Сеуле со всеми второстепенными постройками с тем, чтобы служащие Миссии переехали в пустовавшее здание школы, куда надлежало перенести также и миссийскую церковь. Несмотря на указ правящего архиерея, ни основное здание, ни пристройки к нему не были сданы в аренду по причине отсутствия заинтересованных арендаторов (привыкшие к традиционным домам корейцы и японцы избегали жить в домах европейской постройки, жившие же в Сеуле европейцы имели собственные роскошные особняки). По этой причине Миссия была вынуждена начать продажу принадлежавших ей земельных участков, прежде всего, пустовавших школьных домов в провинции.

Викарий Владивостокского архиепископа, преосвященный Павел, прежде сам возглавлявший Сеульскую Миссию, писал архимандриту Феодосию из Москвы 17 апреля 1918 г.: «Сообщаю Вам, что я докладывал о бедственном положении Сеульской Миссии Собору и писал доклады спешные, но практической пользы добьемся едва ли скоро, ибо Церковь наша не только бедна, но и нища, а сборы церковные теперь тащут во все стороны, чтобы заткнуть вопиющие нужды на местах. Притом

40 миллионов церковных денег конфискованы. Ввиду этого я уже писал Вам, чтобы Вы продавали ненужные церковные здания, а затем и дачу за северными воротами. Бывшую женскую школу сдайте в аренду, если нельзя сдать главного миссийского здания... Бедствуют все Миссии: Пекинская тоже приступила к распродаже кое-какого имущества» (см. РДМ в Корее, с. 123). Покупателей на здания Миссии не находилось. Несмотря на все трудности, Владивостокский архиепископ Евсевий просил отца Феодосия не покидать Сеул. Миссия фактически была предоставлена самой себе. Позднее иеромонах Феодосий писал, что закрытия Миссии не произошло лишь «только по нравственной поддержке архипастырей владивостокских, отечески советовавших... держаться до последней крайности» (там же, с. 129).

Неожиданная поддержка пришла Миссии со стороны инославных и иноверных. Так, начальник англиканской миссии в Сеуле епископ Троллон поддерживал Миссию в течение 19 месяцев денежными субсидиями. Также и проживавший в Токио иудей М. Гинсбург пожертвовал Сеульской Миссии крупную денежную сумму без каких-либо обязательств со стороны Миссии. Корейской Миссии также оказало помощь и Российское Императорское Посольство в Токио. Несмотря на оказанную помощь, Начальник Миссии должен был сдать в аренду под огороды значительную часть земель, кроме того все свободные помещения были сданы русским эмигрантам под квартиры. Бедная корейская паства не в состоянии была материально поддержать Миссии (к тому времени в Приморье, Корее и Японии проживало около 6000 православных корейцев, в самой Корее — около 600 человек).

В 1920 году иеромонах Феодосий (Перевалов) был утвержден в должности Начальника Корейской Миссии (указ Владивостокского епархиального совета от 2 ноября за 8079).

С поражением белого движения в Приморье стали невозможными церковные связи между Владивостоком и Сеулом. Миссия бедствовала. Начальник Миссии, иеромонах Феодосий, обратился с письмом к архиепископу Евсевию, все еще находившемуся в Москве. Владыка Евсевий представил письмо начальника Миссии Святейшему Патриарху Тихону, решением которого Миссия была изъята из подчинения Владивостокскому епархиальному управлению (Указ Синода от 4 ноября 1921 г. за

1571). В соответствии с этим Указом Миссия с момента получения синодального решения (26 января 1922 г.) была подчинена архиепископу Токийскому Сергию (Тихомирову) — ближайшему русскому православному епископу, сохранившему верность Московскому Патриарху. Фактически Миссия отошла в ведение Владыки Сергия в 1923 году.

Сеульская Миссия оказалась перед необходимостью срочной регистрации своего недвижимого имущества, поскольку советские власти пытались претендовать на церковное имущество за границей на правах правопреемника Российской Империи. Существовала и опасность того, что на имущество Миссии станут претендовать живоцерковники. В случае соответствующего договора СССР с Японией, под чьей властью тогда находилась Корея, Сеульская Миссия могла лишиться всего своего имущества. Регистрация имущества на имя Русской Православной Церкви могла привести к потере собственности в будущем, регистрация на частное лицо повлекла бы за собой слишком высокое налогообложение, к тому же законность такой регистрации могла бы быть оспариваема разными частными лицами. Было принято решение включить церковное имущество в “Имущественное общество Японской Православной Церкви”, признаваемое правящими японскими властями за юридическое лицо. Вскоре все имущество было зарегистрировано должным образом, о чем начальник Сеульской Миссии сообщил архиепископу Токийскому Сергию в письме от 13 июля 1924 г. В Токио были направлены все соответствующие копии, оригиналы же хранились в архиве Сеульской Миссии (часть имущества была зарегистрирована на частное лицо — игумена Владимира (Скрижалина), заведовавшего Миссией с 1914 до 1917 г.).

После прекращения нормальной связи с Московским Патриархатом Корейская Миссия несколько раз подвергалась попыткам захвата (как имущества, так и церковной власти) со стороны разных лиц. Первая такая попытка была сделана в 1925 году при начальнике Миссии архимандрите Феодосии. Дело носило имущественный характер и предпринималось лишь в целях наживы. При этом на место архимандрита Феодосия предполагалось поставить корейского священника. Зачинщики этой акции были силой выведены с территории Миссии русскими эмигрантами, нашедшими приют в Корее в послереволюционные годы.

К истории духовной миссии в Корее

Русская революция разрушительно действовала не только в России, но и за ее пределами. Отцу Феодосию пришлось нести на себе тяжкое бремя управления Сеульской Миссией в сложные годы — в условиях, когда из России не приходилось ожидать поддержки. Самые разные силы пытались препятствовать деятельности Миссии.

Сеульская Миссия вынуждена была фактически прекратить свою миссионерскую деятельность с закрытием школ в середине 1917 г. и увольнением миссийских катехизаторов. Деятельность Миссии свелась к сохранению православной общины в Корее и пастырской деятельности среди русских эмигрантов. Члены Миссии продолжали совершать богослужение в праздничные и воскресные дни, проповедовать в храмах и вне храмов, совершать требы и поездки в миссионерские станы, находившиеся в провинции (в Кхе и Каругай их духовно окормлял священник Л. И. Ким, скончавшийся в 1930 г.), продолжали учить детей и оглашать взрослых. 5 марта 1923 года за труды по управлению Миссией архиепископ Токийский Сергей возвел отца Феодосия в сан архимандрита.

Необходимо было сохранить в целостности и неприкосновенности все ценности — как духовные, так и материальные, — которые благодаря русским миссионерам в годы перед разрушительной русской революцией были кропотливо собраны в Корее. Во многом благодаря самоотверженным трудам отца Феодосия Миссия продолжала существовать, хотя ограничивалась деятельностью церковно-приходской. За время его управления Миссией были крещены 75 человек. В 1930 г. архимандрит Феодосий обратился к архиепископу Сергию с просьбой освободить его от должности начальника Сеульской Миссии. С согласия Владыки он переехал в Токио, где скончался в 1933 году.

С 1930 года прямое управление Сеульской Миссией принял Токийский архиепископ Сергей (Тихомиров). Из клириков в Корее остался один лишь диакон Алексей Ким Ки-Хан (впоследствии именно он сыграл главную роль в деле захвата Сеульской Миссии раскольниками). Фактически Миссией управлял Приходской Совет, в основном состоявший из русских эмигрантов.

По благословению архиепископа Сергия в 1931 г. из Маньчжурии в Сеул прибыл священник А. Чистяков. Его деятельность в основном ограничивалась совершением треб и богослу-

жений. Он также должен был заведовать хозяйством Миссии. Около двух раз в году о. А. Чистяков посещал миссионерские станы в провинции.

Отцу А. Чистякову так же, как и архимандриту Феодосию, пришлось столкнуться с попыткой захвата Миссии — на этот раз попытка была предпринята со стороны раскольников Карловацкого Синода в 1933 г. Постановлением Зарубежного Синода титул проживавшего в эмиграции в Харбине Преосвященнейшего Нестора (Анисимова), епископа Камчатского, был изменен, и он стал возглашаться как епископ Камчатский и Сеульский. Владыка Нестор был возведен в епископский сан еще задолго до революции. Его епископскую хиротонию возглавлял тогда Владыка Сергей (Тихомиров). Впоследствии Владыка Нестор прекрасно чувствовал выразившееся в принятии нового титула своего рода предательство по отношению к Владыке Сергию. Последний всегда оставался верным московской церковной власти, а Владыка Нестор под давлением харбинских архиереев, подчинившихся Карловацкому Синоду, стал претендовать на управление Корейской Миссией. Владыка Нестор отправил несколько писем митрополиту Сергию, где пытался оправдаться и просил принять его извинения. В конечном итоге Владыка Нестор так и не был допущен в Корею, да и сама Сеульская Миссия пожелала остаться верной представителю законной церковной власти — митрополиту Сергию (Тихомирову).

В 1936 году архиепископ Сергей назначил Заведующим Сеульской Миссией архимандрита Поликарпа (Приймака), который прибыл в Корею из Токио в апреле 1936 г. К краткому периоду 1936—1940 гг. относятся попытки возрождения миссионерской деятельности на территории Кореи. Миссия в 1936 г. организовала строительство часовни-церкви в Омпо (Северная Корея). Впрочем, успех миссионерства не мог быть значительным — по-прежнему не хватало средств на открытие школ и на содержание катехизаторам. Деятельность Сеульской Миссии все-таки преимущественно была церковно-приходской. Паства архимандрита Поликарпа проживала в 17 населенных пунктах Кореи и насчитывала около 150 человек.

В июле 1940 г. собор православных японцев самочинно объявил о прекращении церковного общения с Русской Православной Церковью — митрополит Токийский Сергей был отстранен

от управления Японской Церковью. Однако, оставив кафедру, он не сложил с себя обязанностей начальника Русской Духовной Миссии в Японии. Не отказался он и от архипастырского окормления Русской Духовной Миссии в Корее. В ведении митрополита Сергия Корейская Миссия и ее начальник находились с 1936 года. Более того, митрополит Сергий, лишенный помощи со стороны православных японцев, при помощи Сеульской Миссии обустроил на окраине Токио домовый храм, в котором совершал богослужения до своей смерти 11 августа 1945 года. Под давлением японских властей по военным и политическим обстоятельствам владыка Сергий 8 октября 1941 года (резолюция 212) был вынужден отказаться от попечения о Корейской Духовной Миссии. Всю полноту власти и ответственность за сохранность имущества владыка Сергий передал архимандриту Поликарпу, назначив его начальником Духовной Миссии, подчеркнув собственноручно слово «Российской» в упомянутой выше резолюции.

Японские военные власти с начала войны строго ограничили деятельность Миссии духовным окормлением русских эмигрантов. Под предлогом усиления безопасности были запрещены поездки в миссионерские станы, и были предприняты попытки ограничить общение русских с корейцами. За время войны, впрочем, Миссия не подвергалась попыткам захвата имущества (если не считать просьб японцев пожертвовать на нужды войны колокола из миссионерских станов — их власти взяли без разрешения архимандрита Поликарпа. Колокола же в Сеуле удалось сохранить).

После окончания войны в соответствии с Указом Святейшего Патриарха Алексия I 31 от 27 декабря 1945 г. управляемая архимандритом Поликарпом Корейская Миссия, «временно самостоятельная», находилась все-таки в ведении Московского Патриарха.

В период американского управления Кореей Сеул переполнился беженцами с Севера Кореи. Именно нехватка квартир и стала причиной новых покушений на собственность Миссии. Прибывали русские эмигранты, покидавшие Северную Корею и Китай. Некоторые из них участвовали в попытке захвата Миссии в 1925 году. Среди них был и диакон Алексей Ким Ки-Хан. В 30-е годы он трудился в Миссии, но, по свидетельству архимандрита Поликарпа, по причине слабого образования и отсут-

ствия интереса к миссионерской работе он был мало полезен для Миссии. Митрополит Сергей терпел его присутствие в Миссии лишь постольку, поскольку он был, по словам владыки, «осколком от старой Миссии» (Ким учился в миссийской школе в 1907—1912 гг.)

Диакон Алексей был временно принят на службу в Миссию из жалости и из нежелания давать повод упрекнуть русских в безразличии к миссионерским трудам среди корейцев.

В то время, видя доброжелательное отношение к христианским миссионерам со стороны американских военных властей в Корее, архимандрит Поликарп предпринял попытку упорядочить деятельность Миссии и расширить помещения для ризницы, библиотеки, церковных собраний и т. д. Для этого необходимо было отказать в аренде миссийских зданий ряду лиц, проживавших в Миссии и даже незаконно сдававших в целях прибыли часть занимаемых квартир. Обиженные квартиранты старались оклеветать архимандрита Поликарпа перед властями. В частности, пользуясь националистическими чувствами корейцев, эти люди распространяли слухи о том, что имущество Миссии принадлежит ненавистной Японии (при этом вспоминалось о регистрации собственности Миссии в 1925 году, проведенной архимандритом Феодосием). Архимандрит Поликарп писал митрополиту Николаю (Ярушевичу) 21 июля 1946 г.: «В Корее у нашей Миссии находятся “доброжелатели” из русских беженцев, которые по некоторым соображениям (главным образом, кажется, потому, что хотят удержаться в миссийских удобных для них квартирах) наговаривают американцам, что наша Миссия, мол, была японским имуществом... и потому-де теперь имущество должно перейти американцам...» (Архив ОВЦС, дело № 18)

В середине 1947 года противники архимандрита Феодосия, рассчитывавшие на получение миссийского имущества, объединились и направили в Токио письмо раскольничьему архиепископу Вениамину (Басальге) (феофиловский раскол) с просьбой решить вопрос об их «духовном окормлении». Благодаря помощи западных миссионеров, знавших архимандрита Поликарпа долгие годы, удалось убедить власти воспрепятствовать приезду архиепископа Вениамина в Сеул. Конфликт, тем не менее, не был исчерпан.

В начале октября 1948 г. диакон Алексей Ким Ки-Хан неожиданно выехал в Токио, откуда он вернулся уже священником

(его рукоположил архиепископ Вениамин), утвержденным в должности начальника Корейской Миссии. 12 декабря 1948 года, после Божественной Литургии в храме Миссии, противники архимандрита Поликарпа зачитали письмо архиепископа Вениамина, требующего сдать все дела начальника Миссии Алексею Ким Ки-Хану. Разорвав русскую копию послания архиепископа Вениамина, отец Поликарп заявил, что не подчиняется требованиям незаконной церковной власти. Архимандрит Поликарп просил всех разойтись. Толпа недоброжелателей насильно вывела отца Поликарпа из храма, разорвав его рясу и разбив стекла в дверях храма. Отца Поликарпа пытались защитить горстка русских прихожанок, но лишь полиции удалось остановить потасовку. Вечером того же дня полиция арестовала архимандрита Поликарпа.

18 декабря в присутствии Ким Ки-Хана и еще нескольких его сторонников полицейский чиновник предложил «по просьбе верующих передать им церковь для возобновления богослужения». Чиновник спросил, согласен ли о. Поликарп с распоряжением церковной власти в лице архиепископа Вениамина. Архимандрит Поликарп дал отрицательный ответ. «Признаешь ты, или не признаешь, сдаешь ты или не сдаешь, — это нас не касается... Мы признаем и мы сдаем, в целях общественного спокойствия...» — таково было заключение полицейского чиновника. Тут же, без подписи о. Поликарпа, был составлен соответствующий протокол, закреплявший права на миссию за раскольниками.

Пребывание архимандрита Поликарпа в тюрьме Кемукван завершилось лишь 29 декабря 1948 г. благодаря защите адвоката, нанятого стараниями одной благочестивой русской прихожанки. Суд не нашел, естественно, никакой вины за отцом Поликарпом, однако о возвращении имущества Миссии можно было не думать — это было бы возможно лишь через суд, решение которого не было бы в пользу о. Поликарпа. 10 мая 1949 года архимандрит Поликарп писал в телеграмме на имя Святейшего Патриарха Алексия: «...меня всячески принуждают сдать Миссию и уйти из Миссии. Молюсь в своей келии» (Архив ОВЦС МП, дело 147). «Выйдя из тюрьмы, я не ходил в церковь и жил исключительно подаянием» (ЖМП, 1949, 8, с. 11).

18 июня 1949 г. о. Поликарп был вторично арестован и заключен в тюрьму. В своей автобиографии он позднее писал:

«...ко мне были применены азиатские пытки... (21 июня. — *Прим. авт.*) По истечении 11 дней меня вместе с матерью выслали из Южной Кореи в Северную, причем все наше личное имущество было конфисковано» (автобиография от 3 января 1951 г.). В Журнале Московской Патриархии архимандрит Поликарп писал: «29 июня в сопровождении агентов полиции нас (с матерью. — *Прим. авт.*) доставили к 38-й параллели и предложили идти. Через несколько часов мы достигли пограничного пункта Северной Кореи, где нас доставили к офицеру... 3 июля мы прибыли в Пхеньян» (ЖМП, 1948, 8, с. 12). Так закончилась история Российской Духовной Миссии.

4. Духовные школы Маньчжоу-го

*По материалам Архива ОВЦС
и журнала Харбинской епархии "Хлеб небесный"*

В настоящее время растет интерес к истории и судьбам русской эмиграции на Дальнем Востоке, в частности, в Маньчжурии. Одним из малоизученных и интересных вопросов в этой области является история духовных школ в Маньчжурии в период существования империи Маньчжоу-Го.

Вопрос о необходимости открытия в Харбине духовной семинарии неоднократно поднимался в правлении и среди администрации реального училища при Свято-Алексеевской церкви в Модягоу. Лишь подготовка в 1937 году правительством Маньчжоу-Го реформы русских школ (предполагалось разделить школы на три ступени: народную, повышенную и высшую народную. Такая реформа в корне подрывала традиции русской школы и вызвала критику в харбинских русскоязычных периодических изданиях) представила возможность серьезно заявить о необходимости открытия православной семинарии. С начала 1938 года в средних учебных заведениях Маньчжурии были закрыты 1-й подготовительный, 2-й и 4-й классы и вышло распоряжение об окончании учебного года к марту с тем, чтобы установить новый учебный год с 1 января по 31 декабря. Таким образом, прежние средние учебные заведения постепенно закрывались, и русские школы в Маньчжурии вступали в новый период своего существования. Согласно новым правилам, реальное училище при Алексеевской церкви было поставлено перед необходимостью закрытия. Для сохранения реального училища как учебного заведения было решено преобразовать его народную и повышенную школу при Свято-Алексеевской церкви. Митрополит Мелетий, Епархиальный Совет и родители воспитанников училища 20 декабря 1937 г. возбудили перед властями соответствующее ходатайство о сохранении училища. Приказом Харбинского городского управления за № 536 ходатайство было отклонено. Вскоре после этого собрание администрации училища, правле-

ния и представителей духовенства во главе с владыкой Мелетием приняло решение обратиться от имени правящего архиерея Харбинской епархии к министру народного благополучия в столицу Маньчжоу-Го, Синьцзин (Чанчунь).

В день памяти небесного покровителя Китая, святителя Иннокентия Иркутского, архиепископ Мелетий получил разрешение на открытие частной Харбинской Духовной Семинарии на следующих условиях: срок обучения должен составлять 4 года, принимаются только лица, окончившие народную повышенную школу, общее количество учащихся не превышает 60 человек, помещением должно служить церковно-общественное здание. С этого момента 1-й класс духовной семинарии существовал при Алексеевском реальном училище. В 1 пункте устава Харбинской духовной семинарии было записано: «...Семинария существует с разрешения Министерства Народного Благополучия от 2 августа 5 года Кан-Дэ, за № 361/115 (1938 год)». В первый подготовительный класс семинарии принимались православные мальчики в возрасте от 11 до 13 лет. В общегосударственном порядке семинария подчинялась Министерству Народного Просвещения через Учебный Отдел Департамента Народного Благополучия Биньцзянской провинции. В Уставе также было записано, что «главным руководителем как по учебно-воспитательной, так и по хозяйственной части является правящий архиерей Харбинской Епархии» (п. 9).

К концу 1938 года власти настоятельно стали требовать закрыть Алексеевское реальное училище. Для того, чтобы сделать возможным самостоятельное существование духовной семинарии, указом архиепископа Мелетия 23 декабря 1938 года ректором Алексеевской семинарии был назначен протоиерей Аристарх Пономарев, которому было поручено заняться устройством семинарии. Вскоре от властей было получено официальное разрешение открыть еще два подготовительных класса и увеличить число учащихся.

Первоначально семинария, не имея достаточных материальных средств, вынуждена была опираться на силы временных преподавателей, однако в скором времени благодаря поддержке настоятелей харбинских приходов и общественных деятелей появилась возможность формирования постоянного преподавательского состава. Средства семинарии, помимо пожертвований,

составлялись из платы за обучение, ежегодных отчислений Епархиальных Собраний (300 гоби на 1939 год), из доходов печатных изданий, проведения лекций и концертов и церковных кружечных сборов.

Помимо общеобразовательных предметов в программу семинарии входили и такие специальные дисциплины, как догматическое, нравственное, пастырское богословие, катехизис, история христианской Церкви, Священное Писание Ветхого и Нового Заветов, гомилетика, церковный устав, греческий, латинский и церковнославянский языки. Свято-Алексеевская духовная семинария, образовавшаяся из средней школы, предоставляла возможность окончившим ее поступать как во все высшие светские, так и духовные учебные заведения. Выпускники семинарии могли без сдачи вступительных экзаменов поступать в единственное в Харбине и на всем Дальнем Востоке высшее духовное учебное заведение — богословский факультет Института Святого Владимира, иногда именовавшийся Высшей Богословской школой.

В 1934 году несколько лиц светского и духовного звания обратились к властям Харбина с просьбой открыть в Харбине высшее учебное заведение для русского юношества. По их ходатайству в Харбине в октябре 1934 года был открыт Институт Святого Владимира с тремя факультетами: богословским, политехническим и восточно-экономическим. Впоследствии по распоряжению властей Маньжоу-Го в 1938 году был закрыт политехнический факультет, а в 1940 — восточно-экономический. Политехнический факультет и 1-й курс восточно-экономического факультета вошли в состав Северо-Маньчжурского Университета. Тем не менее богословский факультет продолжал существовать, и учебное заведение в начале 1938 г. было переименовано в Свято-Владимирский Богословский Институт.

Свято-Владимирский Богословский Институт более 10 лет готовил будущих пастырей для служения в Харбинской епархии. Ректором Института, согласно его уставу, являлся правящий архиерей Харбинской епархии — митрополит Харбинский и Маньчжурский Мелетий. Ближайшим помощником ректора назначался декан богословского факультета (с октября 1934 по октябрь 1938 г. — архимандрит Василий (Павловский), впоследствии епископ Венский, а с января 1939 г. — настоятель кафедр

рального Свято-Николаевского собора Харбина прот. В. Гурьев). Согласно правилам приема, на богословский факультет могли поступать лишь лица с законченным средним образованием, остальные же могли присутствовать на лекциях как вольнослушатели. Существовала и заочная форма обучения. Поступали в основном после окончания реальных и коммерческих училищ или Харбинской Духовной Семинарии (последняя с 1943 по 1945 год в силу малочисленности своих воспитанников дала Институту не более 18 студентов). Окончившие факультет получали ученую степень кандидата богословия.

Обучение на богословском факультете со дня его основания было платным, что и позволяло окупать расходы по выплате жалования преподавателям, а также содержать институт. Плата составляла в 1934 г. около 50 гоби, а к 1945 возросла до 150. Как и во всех учебных заведениях, в Свято-Владимирском Институте обучались и стипендиаты, не имевшие возможности оплачивать свое обучение. Они составляли около 15 % от общего числа студентов.

Небольшое пособие на содержание богословского факультета ежегодно выделял Харбинский Епархиальный Совет. Кроме того, в вечернее время Епархиальный Совет предоставлял богословскому факультету в бесплатное пользование свое помещение. В первые годы существования Институту приходилось испытывать серьезные финансовые трудности, в связи с чем плата преподавателям за чтение лекций была установлена в размере 0,5 гоби за 1 час. Лишь с 1942 года в связи с появившейся субсидией для Института по завещанию В. Н. Семенова (2000 гоби в год) появилась возможность повысить почасовую оплату до 3 гоби в час.

С самого основания Института количество преподавателей не превышало 10—12 человек. Около половины преподавателей были священнослужителями Харбинской епархии.

Учебный год начинался 1 сентября и заканчивался 15 июня, с 15 по 30 июня проходила зачетная сессия для всех 4 курсов. Летние каникулы продолжались с 1 июля по 15 августа, а с 15 августа до начала собственно учебного года студенты сдавали еще одну зачетную сессию.

С 1943 года по особому распоряжению японских властей учебный год в Свято-Владимирском Институте, как и во всех

учебных заведениях Маньчжоу-Го, начинался с 1 января и заканчивался декабрем. Лекции в институте читались вечером — с 6 до 9 часов (4 лекции по 45 минут). По субботам, воскресеньям и в дни церковных праздников лекции не читались — как преподаватели, так и студенты в эти дни молились в харбинских храмах.

Учебный день богословского факультета начинался с молитвы, которую совершал декан или кто-либо из преподавателей в священном сане. В течение трех первых лет со дня основания Института чтение лекций проходило на всех 4 курсах одновременно, но с 1937/38 учебного года в связи с недостатком свободных комнат для 4-х отдельных аудиторий, а также по причине недостаточности денежных средств для оплаты лекторов на 2, 3 и 4 курсах Института было введено совместное и одновременное чтение лекций.

На первом курсе читались лекции по Священному Писанию Ветхого и Нового Заветов, основному богословию, гомилетике, общей церковной истории, психологии, Библейской истории и археологии, церковнославянскому и греческому языкам. На втором курсе преподавали Священное Писание Ветхого Завета, церковную историю, историю и обличение раскола, литургику, философию, логику, языковедение, греческий и китайский. В программу третьего курса входили догматическое богословие, Священное Писание Ветхого Завета, нравственное богословие, история религий, история философии, русская церковная история, история и обличение сектантства, востоковедение и греческий язык. Четвертый курс посвящался изучению Священного Писания Нового Завета, пастырскому богословию, патрологии, истории западных вероучений, церковной архитектуре, церковному праву, истории философии и литературы, педагогике и русскому языку.

В первые 3—4 года существования Института число студентов на всех курсах не превышало 50 человек, однако к 1944 году в Институте обучались уже 100 студентов. И лишь в 1945 году количество учащихся стало сокращаться, снизившись до 40 человек. С 1934 по 1945 г. богословский факультет произвел 4 выпуска студентов. Всего за эти годы факультет окончили 13 человек, большая часть из них стала харбинскими священниками. На службе в Харбинском Епархиальном управлении трудились до 30 человек, их числа которых большая часть не закончила богословский факультет по разным причинам.

Преподаватели Института жаловались на слабую посещаемость лекций студентами, особенно с 1942 года. Одной из главных причин этого была полная материальная необеспеченность большинства студентов, которая заставляла их где-либо работать, подрабатывать или искать работу, чтобы найти источник существования для себя и своих родственников. Администрация богословского факультета вела постоянную борьбу с низкой посещаемостью, принимая порой даже крайние меры — так, в 1944 году 20 студентов Института были отчислены за многочисленные пропуски лекций. С начала сентября 1945 года в связи с военными событиями в Харбине посещаемость лекций резко упала — на занятиях временами присутствовали 3—4 студента, имевшие возможность добраться от своего места жительства до Института. Кроме того, вечерами в то время небезопасно было возвращаться домой по неосвещенным улицам Харбина.

Годовым праздником богословского факультета был день Святого Архистратига Михаила и прочих бесплотных сил (21 ноября). По обыкновению, накануне этого праздника в Свято-Иверской часовне совершалось торжественное Всенощное бдение, возглавляемое митрополитом Мелетием или архиепископом Димитрием (Вознесенским). Все студенты и преподаватели принимали участие в этом торжественном богослужении. На одном из клиросов храма пел студенческий хор. По окончании Всенощного бдения совершался молебен Архистратигу Михаилу, а затем все профессора и студенты принимали участие в чаепитии, проходившем неподалеку — в Свято-Серафимовской столовой. Во время чаепития зачитывались приветственные речи. Так например, на выпускном акте 1936 года доцент Н. В. Никифоров произнес речь «Философия архитектуры». Оригинальность тем актовых речей свидетельствует о высоком образовательном уровне Харбинского Богословского Института.

В самый день годового праздника все преподаватели и студенты молились за Божественной литургией, которую обыкновенно совершал правящий архиерей епархии в сослужении со своими викариями и другими епископами. Этот день был важным событием в городской жизни Харбина.

В 1935 году при богословском факультете Института Св. Владимира по инициативе кружка студентов было основано Братство Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Его

первым председателем стал декан факультета, архимандрит Василий (Павловский). После назначения его епископом на Венскую кафедру председателем Братства был избран новый декан богословского факультета, протоиерей Виктор Гурьев. Почетным председателем Братства просили быть vikария Харбинской епархии, архиепископа Хайларского Димитрия (Вознесенского). По Уставу правящий совет Братства состоял из почетного председателя (имел право двух голосов при обсуждении вопросов), председателя (им, по должности, являлся декан богословского факультета), директора-распорядителя Издательского Комитета, старшины и старшего секретаря. Также существовала должность духовника Братства. Братство насчитывало около 120 действительных, почетных членов и членов-соревнователей.

Вскоре после образования Братства по благословению правящего архиерея, митрополита Мелетия, при Братстве был учрежден Издательский Комитет. Согласно Уставу Братства, кроме издательской деятельности и обслуживания церковных нужд епархии предметами церковного обихода (для этих целей был создан соответствующий отдел по приему заказов на изготовление церковный утвари), в цели деятельности Братства входило религиозное просвещение и нравственное совершенствование паствы Харбинской епархии.

Главной задачей Братства, однако, было определено распространение Слова Божия через издание книг и брошюр религиозно-нравственного содержания. Долгое время директором-распорядителем Издательского Комитета являлся Е. Н. Сумароков. Во многом благодаря его усилиям Братством были изданы несколько томов Житий святых свт. Димитрия Ростовского, Часослов, Служебник и до 18 наименований отдельных книг религиозного содержания (например, издания, посвященные Оптиным старцам прпп. Амвросию и Макарию). Братство издало несколько номеров журнала «Вестник Братства», на страницах которого подробно отображалась его деятельность.

Внешняя деятельность Братства заключалась в установлении связей с одноименными религиозными сообществами. Так например, Братство вело переписку с Сербией, Грецией, Афон, Синаем, Румынией, Польшей, Бельгией, Британией и с культурными организациями других стран.

После воссоединения Харбинской епархии с Русской Православной Церковью Братство в число целей своей деятельности

включило установление культурных связей между Россией и Китаем, которые могли бы способствовать восприятию Православия в Китае посредством культуры. Через установление прочных культурных связей Братство предполагало оказать содействие развитию миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Маньчжурii.

Материальные средства Братства составлялись из членских взносов и пожертвований, а также от распространения книг и церковный утвари.

Ежегодно 21 мая, в день небесного покровителя Братства — Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова — устраивалось торжественное годовое собрание, на котором обсуждались итоги деятельности Братства и его планы.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что русская эмиграция в Маньчжурii смогла создать свою, хоть и небольшую, но достаточно эффективную систему духовных школ. Существование их во многом стало возможным благодаря достаточно лояльному и взвешенному подходу со стороны японских властей — духовные школы существовали при правлении императора Пу И и вынуждены были закрыться вскоре после оккупации Харбина советскими войсками в 1945 году. Духовные школы Маньчжоу-Го не только смогли подготовить многих пастырей для Харбинской епархии, но и внесли свой вклад в историю русских духовных школ в области богословия, что, впрочем, является темой для отдельной работы.

Священник Виталий ЗУБКОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРЕЧЕСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ И МИССИОНЕРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИНДИИ

Торговые и культурные связи Греции и Индии насчитывают уже десять столетий. Уже к XVIII в. в Калькутте проживало около 163 греческих семей. Неоднократно греческая колония отсылала послания на родину Патриарху с просьбой открыть православный храм в Индии. История Греческой Православной Церкви в Индии тесно связана с Синайским монастырем Великомученицы Екатерины. По благословению протосинкела Синайского монастыря о. Анания в 1772—1774 гг. в районе Кали-Гхат в Калькутте было осуществлено строительство храма Преображения Господня для окормления калькуттской греческой диаспоры и достаточно большой колонии греков в Дакке. С тех пор калькуттский храм являлся подворьем греческого Синайского монастыря. Постоянное богослужение началось в 1780 г. Первым настоятелем храма был назначен иеромонах Григорий. Ввиду тяжелых климатических условий и проблем с финансированием подворья настоятели менялись достаточно часто. Последующие иноки-синаиты, служившие в Индии, вносили посильный вклад в дело устройства прихода и единения греческих семей, проживающих в Калькутте. Иеромонах Дамиан, сменивший о. Григория на посту настоятеля, привез иконы и книги, среди которых были Псалтирь, творения Ефрема Сирина, Нектария Иерусалимского и Макария Христопопулоса. С целью не допустить браков греческих поселенцев с язычниками иеромонах Парфений в 1782 г. поставил перед архимандритом Синайского монастыря о. Кириллом вопрос о разрешении смешанных браков православных греков с армянами-монофизитами, которые во множестве проживали в Калькутте.

Назначенный в 1792 г. на пост настоятеля подворья иеромонах Дионисий оказался физически неспособен служить в климатических условиях Западной Бенгалии, а сменивший его иеромонах

Нафанаил был уличен в корыстолюбии, и 1804 г. служение в Преображенском храме было временно прекращено. Синаитский монастырь тем не менее выделял некоторые средства для поддержания храма вплоть до 1812 г., когда монастырь был разорен.

В тот же год в Калькутту прибыли три насельника Синаитского монастыря: иеромонах Вениамин, монахи Нафанаил и Паисий, которые возродили приход и, установив строго регламентированные финансовые отношения с монастырем-сюзереном, фактически основали первую Греческую Православную Миссию в Индии. Получая от Синаитского монастыря ежегодное денежное содержание и продуктовое обеспечение, монахи отчисляли определенный процент от доходов храма в пользу монастыря и Константинопольского подворья.

В том же 1812 году греческий богослов и ученый Григорий Сифний явился организатором постройки православного храма в Дакке, где сам он занимался катехизацией и просвещением греческого и местного населения. Греческая Миссия в Бенгалии мирно сосуществовала с англиканцами, так как Григорий Сифний поддерживал личные дружеские связи с англиканским епископом Калькутты. В том же году была открыта первая греческая школа в Калькутте.

Греческое миссионерство в Бенгалии неразрывно связано с именем выдающегося просветителя и пламенного миссионера Димитрия Галаноса (1760—1833). В 1786 году Димитрий Галанос, в прошлом преподаватель греческого языка в Константинополе, прибыл в Калькутту с целью обучения детей в греческой колонии родному языку и истории. Увидев низкий уровень подготовки детей греческих негоциантов, Димитрий занялся их катехизацией, и столь успешно, что вскоре стал помогать инокам-миссионерам в деле катехизации местного населения. Природная склонность к языкам позволила ему в кратчайшие сроки освоить бенгали и его диалекты. Кроме всего прочего, Димитрий в совершенстве владел английским языком.

Проповеди на родном языке пробудили неподдельный интерес к Православию среди бенгальцев. Кроме того, человек, свободно говоривший на бенгали, вызывал безмерное уважение, и самые широкие слои населения почитали Димитрия Галаноса.

С целью дальнейшей проповеди в среде брахманов греческий ученый перебрался в Варанаси — центр индуизма, где в течение 40 лет изучал санскрит. Там же в Варанаси он был похоронен

на англиканском кладбище. Его учитель санскрита Сатту Сингх, которого в индуистской среде уважительно прозвали "Платон Вечности", оставил все свое наследство Афинской Академии Наук. После его щедрого дара среди ученых Греции возник ответный живой интерес к проблемам Индостана.

После смерти Димитрия Галаноса в Бенгалии возник Калькуттский филэллинский просветительский союз, в котором идея освобождения Греции нашла живой отклик в сердцах бенгальцев, чаявших освобождения Индии от английского владычества. Православная миссия также начинает использовать интерес к филэллинизму в индийской среде на волне освободительного движения, постепенно утверждая приоритет филэллинизма в ущерб Православию.

Возвращаясь к хронологии Греческой Миссии, необходимо помнить, что именно иноки Синаитского монастыря продолжали свое служение в Калькутте. В 1817 г. иеромонах Амвросий пополнил библиотеку миссии книгами и привез много новых икон.

В 1832 г. на должность настоятеля Миссии был назначен иеромонах Ананий, затем иеромонах Гавриил, которого в свою очередь сменил в 1841 году иеромонах Иосиф из Закинфа.

В 1850 г. ввиду постоянных жалоб настоятелей Миссии на тяжелые климатические, бытовые и социальные условия, а также ввиду невозможности для Синаитского монастыря субсидировать Миссию, иноческое служение в Индии было прекращено.

Старый храм Преображения Господня просуществовал до 1923 года, когда на том же месте при содействии греческих купцов и судовладельцев был воздвигнут новый, в котором время от времени проводились богослужения до середины семидесятых годов. К тому времени греческая диаспора в Индии значительно уменьшилась, а в Калькутте практически исчезла.

Возрождение миссионерской деятельности, направленной на катехизацию главным образом местного населения, наступило в 1985 году в связи с приездом в Индию иеромонаха Афанасия (Антидоса).

Миссия о. Афанасия проходила в сложнейших для евангельской проповеди местах: в области, где практически все население поклоняется богине смерти и разрушения Кали. До сих пор богине Кали по пятницам приносят человеческие жертвы — маленьких мальчиков-первенцев. Жрецы или сами родители перерезают им горло, чтобы они, захлебываясь кровью, умирали в

мучениях, а потом, следуя особым ритуальным указаниям брахманов, расчлениают тела на куски. В начале века англичане, казалось, покончили с этим кровавым обрядом, но в настоящее время после победы на парламентских выборах неоиндуистской экстремистской партии Бхаратия Джаната Парти жертвоприношения возобновились вновь — уже полулегально. Знаменательно, что именно в районе Кали-Гхат возник первый в Индии православный храм Преображения Господня.

Проповедь о. Афанасия проходила в глубинных районах Западной Бенгалии, достаточно далеко от Калькутты. Это прежде всего местечко Тхакуруничак, где немалое количество бенгальских крестьян было просвещено светом евангельской проповеди и где впоследствии возник храм во имя Пресвятой Троицы. Жители селения Арамбагх, которое находится в области со зловещим названием Борамара (Злой демон) с открытым сердцем приняли христианство, и еще в 1989 году здесь были крещены 120 человек и 50 катехизированы. Именно в этом селении в 100 км от Калькутты, где о. Афанасий устроил в простой бенгальской хижине часовню, ныне освящен храм во имя св. Апостола Фомы.

Иеромонах Афанасий (Антидос), в прошлом миссионер в Танзании, построив 4.04.1986 маленький храм во имя св. Апостола Матфея в селении Ахина, положил начало множеству православных общин по всей Бенгалии, среди которых Натбасантапур, Нандапур, Нарандрачак, где начал служить первый рукоположенный бенгальский священник о. Потапий, и многие другие. Отец Афанасий оставался в каждом селении на 15 дней, в течение которых служил, проповедовал, лечил больных, помогал страждущим. Затем он переезжал в следующее место, следуя апостольской традиции благовествования. О. Афанасий начал переводить на английский язык и бенгали богослужебные книги, в частности Последование вечерни и часов. Это дело продолжили его последователи, в результате чего были переведены на язык бенгали такие книги, как Служебник, Молитвослов, Краткий Православный Катехизис и некоторые другие.

Заветной мечтой о. Афанасия было открытие в Калькутте первой в Индии православной духовной семинарии.

К сожалению, дальнейшую судьбу о. Афанасия не удастся достоверно проследить. По одним сведениям, что достаточно ве-

роятно, свою кончину он принял в Индии, хотя не исключено, что он до сих пор ведет свои праведные миссионерские труды в каком-нибудь отдаленном уголке земли.

Печально, что нынешний настоятель миссии Святогорский архимандрит о. Игнатий (Сеннис) даже не вспоминает об основателе современной миссии и утверждает, что сам стоял у ее истоков с 1990 года.

В настоящее время православные общины в Западной Бенгалии существуют во многих деревнях и селениях. Это Бандр-Как-Нам, Модина, Паруль, Болури, Дамо Дарпур, Каукдир, Фальта и др. общим числом четырнадцать. Службы ведутся на бенгальском языке. Среди бенгальцев рукоположены 3 священника и 2 диакона. Общее число верующих составляет около 5000 человек, главным образом из низших каст. (Хотя в Индии даже для человека низшей касты принять Православие означает стать изгоем не только в своей среде, но и в собственной семье. Вот почему индийские христиане стараются держаться вместе, формируют собственные общины, которые в будущем могут перерасти в некоторое подобие каст, как мы можем убедиться на примере почти 2000-летней истории малабарских христиан.)

Несмотря на немалое количество верующих, Миссия зарегистрирована как Филантропическое Общество Греческой Православной Церкви, что обусловлено негативным отношением индийского правительства к прозелитической деятельности.

Миссия осуществляет определенную социальную программу, без которой деятельность ни одной миссионерской организации невозможна. В Калькутте существуют 3 медпункта, где врачи Миссии ежедневно безвозмездно принимают больных из беднейших слоев населения. В качестве помощников к миссионерам приезжают представители греческой диаспоры из многих стран мира. Ежедневно по утрам беднейшие дети района Калькутты Кали-Гхат получают стакан молока и печенье в Миссии. На ежедневное кормление 100—120 детей Миссия тратит около 100 ам. долларов в месяц. Еженедельно Миссия обеспечивает продуктами беднейшие семьи округа, таких семей насчитывается 250. Каждую неделю они получают немного риса, фасоли, муки, растительного масла, сахар, спички и макаронные изделия. На эту гуманитарную помощь расходуется около 480 ам. долларов в месяц, хотя в настоящее время нашелся спонсор — индус, который финансирует распределение продуктов. Кроме этого, мис-

сионеры регулярно посещают села и деревни во время сезона дождей, раздают продукты, одежду и медикаменты, навещают детские приюты и школы, регулярно проводят занятия по катехизации детей и взрослых.

В то же время нельзя не отметить замкнутость общины, настороженное отношение ко всем приходящим со стороны неиндийцам. Во время посещения Калькутты членами делегации Русской Православной Церкви о. Игнатий (Сеннис) отказал им в Причастии Святых Христовых Таин без особого на то благословения митрополита Гонконгского Никиты (Лулиаса) (Константинопольский Патриархат).

Греки, считая Индию своей канонической территорией, очень настороженно относятся к присутствию представителей Русской Православной Церкви в Индии. Таким образом, даже при наличии греческого православного храма в Дели, (который будет открыт в ближайшее время на территории нового греческого посольства), рассчитывать на окормление русских православных граждан, сотрудников посольства, торговых и культурных организаций, не следует. В настоящее время Греческая Православная Церковь периодически использует для служения в Дели храмы Сирийской Маланкарской Ортодоксальной Церкви Индии.

Греки активно склоняют предстоятелей Маланкарской Церкви продолжить переговоры по воссоединению с Вселенским Православием через Греческую Православную Церковь. Однако маланкарцы медлят, так как исторически посредником в деле единения Православных Церквей они всегда видели Русскую Православную Церковь.

БОГОСЛОВИЕ

Епископ Диоклийский КАЛЛИСТ (Уэр)

СИЛА ИМЕНИ

Молитва Иисусова в православной духовности *

1. Молитва и безмолвие

Когда молишься, оставайся безмолвен. «Сам ты должен молчать: пусть молитва говорит», — пишет православный автор¹. Достичь тишины — самое трудное и решающее в искусстве молитвы. Тишина — не только негативное состояние, пауза между словами, временная остановка речи, но в высшей степени позитивное — состояние внимательной бдительности, ожидания и прежде всего *вслушивания*. Исихаст — тот, кто стяжал *ἡσυχία*, внутреннюю тишину, или безмолвие, раг excellence есть тот, кто слушает. Он слушает голос молитвы в своем сердце, сознавая, что этот голос не его собственный, но Другого, говорящего внутри него.

Рассмотрим четыре кратких определения, и нам станет яснее, как соотносятся молитва и молчание. Для начала обратимся к «Краткому Оксфордскому Словарю». Там сказано, что молитва — это «...обращенное к Богу торжественное прошение... употребляемая в молитвословии формула». Поскольку здесь имеются в виду только слова и прошения о ниспослании благ, т. е. внешняя, а не внутренняя молитва, это определение представляется мало удовлетворительным.

Гораздо больше о внутренней стороне молитвенного делания говорит один из старцев прошлого века. «Главное — надо стать умом в сердце пред Господом, — пишет епископ Феофан Затворник (1815—1894), — и стоять пред Ним неотходно день и ночь до конца жизни»². Молиться, согласно этому определению, можно и ничего не прося, и даже — не произнося каких-либо слов. Акцент переносится с действия, ограниченного отрезком времени, на длящееся состояние. Молиться значит *предстоять*

* Перевод с английского А. В. Кириленкова под редакцией иеромонаха Илариона (Алфеева).

Богу в личном и непосредственном общении; знать всем своим существом — и интуитивно, и рационально и в подсознании, и в сверхсознании — что мы в Боге, и Бог в нас. Личные отношения между людьми не становятся глубже оттого, что мы без умолку вопрошаем и произносим слова. Напротив, чем лучше мы знаем друг друга и чем сильнее любим, тем меньше нужды говорить, как мы друг ко другу относимся. Личное общение с Богом строится точно так же.

Два первых определения роднит одна общая черта: они больше говорят о человеческом действии, чем о божественном. Но инициатива в молитвенном общении принадлежит Богу, а не человеку. Здесь все зиждется на Его действии. В отрывке, взятом нами у св. Григория Синаита († 1346), говорится именно об этом. «И что много говорить? Молитва есть Бог, действующий все во всех»³, — восклицает он, заканчивая весьма своеобразный текст, в котором, нанизывая эпитеты один на другой, пытается изъяснить суть умной молитвы. *Молитва и есть Бог*: я не творю ее, но приобщаюсь к ней; не я действую, но *Бог* действует во мне. «Не я, но Христос во мне», — писал апостол Павел (Гал. 2:20). Слова св. Иоанна Предтечи о Христе «Ему должно расти, а мне умяться» (Ин. 3:30) очень точно указывают путь умной молитвы: именно в этом смысле молиться и значит хранить молчание. «Оставайся безмолвен, и пусть в тебе говорит молитва» — вернее, пусть говорит Бог. Молиться духом значит умолкнуть и внимать Богу, без слов говорящему в сердце; перестать делать самому и отдаться действию Бога. По византийскому чину Литургии, в самом начале, когда уже все готово к совершению Евхаристии, диакон подходит к священнику и произносит: «Время сотворити Господеви (время Господу действовать)»⁴. Так нужно относиться не только к Евхаристии, но и ко всякой молитве — частной или общественной.

Четвертое определение, взятое у того же св. Григория Синаита, объясняет то, как Господь действует в нас. «Молитва — обнаружение крещения», — пишет святой⁵. Бог конечно же действует не в одних только крещеных. Он заботится о каждом без исключения, поскольку каждый сотворен по Его образу. Грехопадение затмило и замутило его, но не стерло бесследно. И в таинстве крещения он восстает в первозданной красоте и величии: тогда, как говорили святые отцы, Христос и Святой

Дух поселяются во «внутреннем и тайном святилище сердца». Большинство людей не помнит своего крещения, полученного в далеком детстве. И хотя Христос, в Которого облачается крещаемый, и Утешитель, Который нисходит в миропомазании, ни на миг не перестают действовать в нас, почти все мы — за редчайшим исключением — пребываем в полном неведении. И вот в подлинной молитве мы заново открываем в себе благодать крещения и выявляем ее. Если прежде мы не ведали о тайно живущей в сердце благодати, то в молитве внутренне прозреваем, познаем и *чувствуем* действие Духа — прямо и непосредственно. По словам святых XIV века Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, «надо всячески и всеусильно стараться жить по законоположению всех боготворных заповедей Спасителя, чтобы через соблюдение их взойти опять к тому совершенному духовно-благодатному возображению и воссозданию, какое вначале туне даровано нам было во святой купели...»⁶.

«Я достиг цели уже в начале». Смысл молитвы можно выразить одной фразой: «Стань тем, кто ты есть». Сознательно и деятельно стань тем, кем ты являешься в потенциале и таинственно, ведь ты сотворен по образу Бога и заново сотворен в крещении. Стань самим собой; точнее — вернись к себе, открой Того, Кто уже твой, прислушайся к Тому, Кто непрестанно говорит в тебе, обладай Тем, Кто и в этот миг обладает тобой. Каждому, кто хочет молиться, Бог говорит: «Ты не искал бы Меня, если бы уже не нашел».

С чего же начать? Как, войдя в дом свой и затворив дверь, помолиться, не просто вычитывая написанное в книгах, но — духом, живой молитвой творческого молчания? Как, перестав говорить, начать слушать? Когда наша молитва станет беседой Бога с нами, а не нашей попыткой что-то сказать Ему? Как от словесной молитвы перейти к безмолвной, от требующей самопонуждения к «само-движной» (по выражению епископа Феофана), от *моей* молитвы к молитве *Христа во мне*?

Один из путей вовнутрь есть Призывание Имени.

2. «Господи, Иисусе...»

Есть, конечно, и другие пути. Подлинное общение между людьми не складывается вне свободы и непосредственности, тем

более без них не рождается духовная молитва. На тех, кто ищет молитвы, не налагаются предначертанные и неизменные правила; и никакие приемы — телесные или умственные — не могут принудить Бога отозваться. Его благодать нисходит как свободный дар: никакие методы или приемы автоматически не привлекают ее. Бог и человек встречаются в царстве сердца каждый раз по-новому. В Православной Церкви есть подвижники, которые мало говорят об Иисусовой молитве, а то и вовсе умалчивают о ней⁷. У нее нет исключительной монополии во внутреннем делании, но вместе с тем, вот уже несколько веков многие и многие христиане восточной традиции обретают царский путь, прибегая к ней. Впрочем, и не одной лишь восточной⁸. В последние семьдесят лет о Православии узнали на Западе, и ничто из его наследия не вызвало такого интереса, как Иисусова молитва; ни одной книгой не зачитывались так, как «Откровенными рассказами странника». В неправославном мире на долю этой загадочной и мало известной в дореволюционной России книги выпал ошеломляющий успех, и с того времени, как в 20-х годах нашего века она появилась на Западе, ее перевели на многие языки⁹.

Чем же так привлекательна Иисусова молитва и почему она так действенна? Не объясняется ли это четырьмя ее главными свойствами? Во-первых, простотой и доступностью. Во-вторых, полнотой содержания. В-третьих, силой Имени. И наконец, в-четвертых, внутренней дисциплиной неотступного повторения. Разберем все перечисленное по порядку.

3. Простота и доступность

Молитва с призыванием Имени, с одной стороны, крайне проста и доступна каждому христианину, с другой — вводит в таинственные глубины созерцания. Тот, кто намерен читать ее каждый день и подолгу, а тем более — сочетать ее с дыханием или иным телесным ритмом, непременно должен найти опытного духовного наставника, старца, хотя сделать это в наши дни очень нелегко. Те же, у кого личной связи со старцем нет, могут без опаски, не вовлекая телесных ритмов, начинать с малого: десяти—пятнадцати минут непрерывной молитвы.

Ни учиться Иисусовой молитве, ни готовиться к ней заранее не нужно. Совет начинающему: просто начни. «Не сделав первого шага, — не пойдешь, и не нырнув в воду, — не поплывешь.

То же и с призыванием Имени. Начни с любовью и благоговением, будь настойчив. Думай не о том, что призываешь Имя, а только о том, что предстоишь пред Иисусом. Произноси Имя неспешно, тихо и спокойно»¹⁰.

Выучить слова молитвы не составит труда. Чаще всего ее произносят так: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Но единообразия здесь нет: иногда «помилуй мя» заменяют на «помилуй нас» или сокращают молитву до: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя» или даже до «Господи, Иисусе»; наконец — крайне редко — до «Иисусе». Некоторые, напротив, прибавляют «мя грешного», усиливая покаянный аспект молитвы. Или, памятуя об исповедании апостола Петра по дороге в Кесарию Филиппову, произносят «...Сыне Бога Живаго...». Иногда в Иисусову молитву вставляют обращение к Божией Матери или святым. Но Имя «Иисус», составляющее суть молитвы, присутствует в ней всегда. Мы можем пробовать разное сочетание слов и подбирать то из них, которое нам больше подходит. Однажды выбранную формулу со временем можно менять, но только — не слишком часто. «Как растения не укореняются, если часто их пересаживать, так и молитвенные движения в сердце, при частой перемене слов молитвенных», — предостерегает св. Григорий Синаит¹¹.

Иисусову молитву читают в самых разных обстоятельствах. У тех, кто хочет к ней приступить, есть выбор: молиться «свободно» или «по правилу». «Свободно» — значит не отрываясь от повседневных занятий, однократно или несколько раз подряд — тогда, когда, как нам кажется, время пролетает впустую. Как часто мы совершаем хорошо знакомые действия полу-автоматически: одеваемся, умываемся, штопаем носки и возимся в саду; идем или ведем машину, простаиваем на остановке или в автомобильной пробке. У нас есть время, когда нам выпадает посидеть в тишине перед тягостной или трудной встречей; когда не спится или когда мы уже проснулись, но еще не пришли в себя. Иисусова молитва хороша и своей краткостью. Когда трудно сосредоточиться, когда мы напряжены или сильно обеспокоены, она просто незаменима.

Иисусова молитва помогает перебросить мост от нарочитых «молитвенных усилий» — за богослужением или дома — к повседневной жизни. «Непрестанно молитесь», — увещевает апо-

стол Павел (1 Фес. 5:17). Но возможно ли это, когда столько нужно успеть? Ответ дает епископ Феофан, советуя: «Руками дело делать, а умом и сердцем с Богом быть»¹². Неустанно повторяя Иисусову молитву, свыкаясь с ней и давая ей укорениться в сознании, мы ощущаем присутствие Бога везде: в храме и в уединении, на кухне, в цеху или в офисе. Мы становимся похожи на брата Лоренца, который был «ближе к Богу за повседневными делами, чем за духовными упражнениями». «Великое заблуждение, — писал он, — считать, будто время молитвы — это нечто особенное. Мы призваны быть с Богом и за работой и в час молитвы»¹³.

Иисусова молитва делается полнее и действеннее, если читать ее не только «свободно», но и «по правилу», то есть отдавая все свое внимание молитве и прекращая всякие внешние действия. Призыванию Имени отводят часть особого «времени молитвы», того времени, которое мы ежедневно посвящаем общению с Богом. Обычно, кроме Иисусовой молитвы, читают последования из молитвенников, псалмы, отрывки из Писания и молятся за других. Только очень немногие чувствуют призывание целиком отдаться Иисусовой молитве. По-настоящему, тот, кто предпочитает молиться «свободно» и никогда не призывает Имени «по правилу», не делает ничего дурного, и нет повода для беспокойства. (Два пути вполне независимы.)

Для молитвы «по правилу», как и для «свободной», нет строгих правил. Положение тела не имеет особого значения. В православной традиции молитву чаще всего читают сидя, но можно и стоя, и преклонив колени, а если одолевают немощи или утомление, то и — лежа. И, как правило, в темноте или с закрытыми глазами, а не перед иконой, освещаемой лампадой или свечой. Старец Силуан Афонский (1866—1938), когда молился, прятал в шкаф часы, чтобы не отвлекало тиканье, и надвигал на глаза и уши толстую шерстяную монашескую шапку¹⁴.

Темнота, однако, действует усыпляюще! Если на молитве клонит в сон, нужно встать с колен или сиденья, осенить себя крестным знамением после прошения и поклониться, касаясь пола правой рукой. Можно сделать и земной поклон — преклонив колени и коснувшись лбом пола. Сиденье для молитвы не должно быть расслабляющим, а тем более — пышным, хорошо, если оно без ручек. В православных монастырях обычно исполь-

зуют низкую скамейку без спинки. Можно молиться и стоя и воздев руки.

Иисусову молитву часто читают, перебирая четки, обычно с сотней узелков. Делают это не столько для того, чтобы считать, сколько для того, чтобы сосредоточиться и удержать ритм. Из опыта хорошо известно, что если руки заняты, легче успокоить тело и сконцентрироваться на молитве. Увлечение же количественными оценками — по четкам или как-то еще — отнюдь не поощряется. В «Откровенных рассказах странника» старец строго наказывал, сколько раз в день нужно повторять Иисусову молитву: сперва 3 тысячи, потом — 6 тысяч, и наконец, — 12 тысяч, не больше и не меньше. Это — совершенно необычное внимание к количеству. Видимо, дело здесь не просто в числе, а во внутреннем расположении странника: старец хотел испытать его послушание и посмотреть, готов ли тот без колебаний исполнить все, что он ему наказывает. Нам же больше годится совет епископа Феофана: «Вы говорите, что иногда забываете счет молитв по четкам. Беда невелика. Когда есть припадания к Господу, яко присущему, со страхом и упованием, это лучше всякого выполнения числа молитв»¹⁵.

Иногда Иисусову молитву читают в собрании, но чаще всего — в одиночку, вслух или про себя. Православные, если и читают вслух, то не нараспев. На молитве не должно быть ничего вымученного и натянутого. Слова не следует нарочито подчеркивать; внутренний нажим — излишен. Пусть молитва вырабатывает свой ритм и расставит акценты. Со временем она сама «запоет» внутри нас. Старец Парфений Киевский сравнивал течение Иисусовой молитвы с нежным журчанием ручейка¹⁶.

Из сказанного достаточно ясно, что призывать Имя можно в любых обстоятельствах. Иисусова молитва доступна каждому, везде и во всякое время. Она подходит и «начинающим», и опытным; ее можно читать и вместе, и поодиночке; она уместна в пустыне и в городе, в тишине и покое, в неимоверном шуме и суете. Всегда ей найдется применение.

4. Полнота

Русский Странник был прав, утверждая что богословски Иисусова молитва «заключает в себе все Евангельские истины»

и «есть сокращение всего Евангелия»¹⁷. Ее краткая формула выражает два главных таинства христианской веры: Воплощения и Троицы. О двух природах Христа Богочеловека молитва говорит прежде всего: о человечестве, коль скоро Он именуется человеческим именем «Иисус», которое Мария дала Ему по рождении Его в Вифлееме, и о вечном Божестве, поскольку Он прославляется как «Господь» и «Сын Божий». Кроме того, Иисусова молитва прикровенно указывает на три Лица Святой Троицы. Обращение ко второй Ипостаси, Иисусу, как к «Сыну Божию», подразумевает присутствие Отца; Дух же Святой присутствует, поскольку «никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (1 Кор. 12:3). Таким образом, Иисусова молитва является не только христоцентричной, но и тринитарной.

Универсальна она не только богословски, но и духовно, поскольку объемлет две главные стороны христианского опыта: во-первых, поклонение, благоговение перед славой Божией и полное любви обращение к Богу; во-вторых, покаяние, сознание своей греховности и своего недостойнства. Читая Иисусову молитву, мы движемся по кругу — то восходим вверх, то нисходим вниз. Произнося в начале: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий...», мы поднимаемся к Богу, заключая же: «...помилуй мя, грешного», с покаянием возвращаемся к себе. «А когда человек вкусит благодати Господней, — говорится в беседах Макария Великого, — он радуется, но вместе сокрушается и боится»¹⁸. Такова внутренняя динамика Иисусовой молитвы.

Прощение «помилуй» связывает и примиряет две упомянутые «стороны» — видение божественной славы и переживание человеческой греховности. «Милость» есть мост от Праведного Бога к падшему творению. Обращаясь к Богу «помилуй», мы оплакиваем свою беспомощность, но и взываем к Нему с надеждой; исповедуем грех, но и верим в его преодоление; утверждаем, что Бог в Своей славе принимает грешника, и просим способности принять Его прощение. Иисусова молитва не только зовет к покаянию, но и рождает уверенность в том, что Бог прощает и обновляет. Само имя «Иисус», составляющее сердцевину молитвы, прямо говорит о спасении: «Наречешь имя Ему Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их» (Мф. 1:21). В Иисусовой молитве есть печаль о грехе, но нет безысходности. Это,

СИЛА ИМЕНИ

по выражению преподобного Иоанна Лествичника († 649), — «радостотворный плач».

К богословскому и духовному богатству Иисусовой молитвы нельзя относиться как к чему-то отвлеченному, напротив, оно — живо и действенно. Тем и ценна эта молитва, что с ее помощью оживают истины веры, которые прежде воспринимались лишь внешне, теоретически. Все наше существо открывается им навстречу. Но для того, чтобы понять, в чем ее секрет, нужно поговорить еще о силе Имени и о дисциплине повторения.

5. Сила Имени

«Имя Сына Божия велико и неизмеримо, и оно держит весь мир», — говорится в «Пастыре» Ерма¹⁹. Только уяснив, в чем сила и достоинство Божественного Имени, можно оценить ту роль, которую играет Иисусова молитва в православной духовности. Если эта молитва и превосходит многие другие по творческой силе, то именно потому, что содержит Имя Бога.

В ветхозаветной традиции, да и в других древних культурах, имя человека таинственно связано с его душой²⁰. Имя в каком-то смысле отражает личность человека во всем ее богатстве. Узнать его — то же, что, познав внутреннюю суть человека, установить с ним связь и даже получить некую власть над ним. Именно поэтому скрыли свои имена и таинственный посланник, боровшийся с Иаковом у потока Иавок (Быт. 32:29), и ангел, отвечавший Маной: «Зачем ты спрашиваешь о имени моем, оно чудно» (Суд. 13:18). При всякой глубокой перемене в жизни меняют и имя. Так, Аврам становится Авраамом (Быт. 17:5), а Иаков — Израилем (Быт. 32:28). Савл после обращения нарекается Павлом (Деян. 13:9), и монаху при постриге подбирают новое имя — в знак радикального обновления, которое он претерпевает.

В ветхозаветной традиции очень серьезно относились к действию *во имя* другого, к тому, чтобы *призвать* имя или *позвать* по имени. «Когда имя произносят, оно оживает и тут же возносится к душе его обладателя. Здесь все исполнено глубокой значимости»²¹.

Если все сказанное выше о человеке верно, то к Богу это относится в превосходной степени. Сила и слава Бога раскры-

ваются и действуют через Его Имя. Оно — *numen praesens*, с нами Бог, «Эммануил». Призывая его внимательно и благоговейно, мы предстаем пред Богом, открываясь Его действию и предлагая себя в Его руки, как послушное орудие и жертву живую. Величие божественного Имени так остро ощущалось в позднем иудаизме, что на синагогальных собраниях tetragrammaton * не произносили вслух. Имя Всевышнего навевало священный ужас²².

Новый Завет во многом унаследовал ветхозаветную иудейскую традицию. Имя Иисуса изгоняет бесов и исцеляет людей, поскольку в нем заключена огромная сила. Если помнить об этом, то многие из хорошо знакомых отрывков Нового Завета обретают новый смысл и остроту: прошение молитвы Господней «да святится *Имя Твое*»; Христово обетование на Тайной вечери «о чем ни попросите Отца *во Имя Мое*, даст вам» (Ин. 16:23), последнее повеление апостолам: «Итак, идите, научите все народы, крестя их *во имя* Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28:19); утверждение апостола Петра о том, что спасение возможно только «*именем* Иисуса Христа Назорея» (Деян. 4:10—12); слова апостола Павла «дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено» (Флп. 2:10); новое и таинственное *имя*, написанное на белом камне и ожидающее нас в жизни будущего века (Откр. 2:17).

Практика Иисусовой молитвы покоится именно на библейском почитании Имени. Бог сокровенно связан со Своим Именем, и поэтому, призывая его, мы тайно действуем, и Бог в этот момент незримо присутствует и действует. Для современных христиан, как и в апостольские времена, Имя Иисуса — сила. По словам святых Варсануфия и Иоанна Газских (VI век), «Имя Божие, будучи призываемо, убивает все страсти»²³. «Бей супостатов именем Иисусовым, — призывает преподобный Иоанн Лествичник, — ибо нет сильнее оружия ни на небе, ни на

* *Tetragrammaton* — четырехбуквенное имя, открытое Самим Богом Моисею «Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий (Ягве)» (Исх. 3:14). Буквально это имя означает «Я есмь Тот, Кто Я есмь». Иудеи перестали произносить его со времени окончания Вавилонского пленения. Звучало оно лишь раз в год из уст первосвященника, когда тот входил во Святое святых. В греческом переводе имя Божие заменили словом «кириос», по-русски — Господь. — *Прим. переводчика.*

земле <...> Память Иисусова да соединится с дыханием твоим: и тогда познаешь пользу безмолвия»²⁴.

Хотя в имени и сокрыта сила, чисто механическое повторение его бесплодно. Иисусова молитва — это не магический талисман. Во внутреннем делании, как и при совершении таинств, человек через живую веру и аскетическое усилие должен стать со-работником Бога. Призывать Имя нужно сосредоточенно и трезвенно, заключая ум в слова молитвы, сознавая, к Кому мы обращаемся и Чей отклик слышим в сердце. Такая молитва требует напряжения и поначалу дается очень нелегко, поэтому отцы-подвижники писали о ней как о тайном мученичестве. Св. Григорий Синаит не устает напоминать тем, кто встал на этот путь, о «понуждении и труде», «непрерывном усилии», искушении все бросить («из-за неотвязной боли, которую временами причиняет умное делание»). «Поболи сердцем и потруди себя телом, — говорит он, — ища Господа в сердце»²⁵. Сила Имени открывается только терпеливым и верным.

Верность и настойчивость проверяются прежде всего тем, насколько внимательно и как долго мы повторяем молитву. «Молясь, не говорите лишнего, как язычники», — говорил Христос своим ученикам (Мф. 6:7). Слова эти ни в коей мере не относятся к тем, кто внимательно и без лукавства творит Иисусову молитву. Их усилие со временем принесет плоды, и молитва станет более цельной и духовной.

6. Обретение цельности (Unification)

Всерьез пытаясь молиться в духе и истине, мы незамедлительно обнаруживаем, что мы внутренне расколоты, лишены единства и целостности. Мы стараемся предстать перед Богом, но неугомонные праздные мысли мелькают в голове, словно комары (по выражению епископа Феофана Затворника). Созерцать — значит присутствовать там, где ты есть, быть *здесь* и *сейчас*; мы же, как правило, бессильны обуздать собственный ум, произвольно блуждающий в пространстве и времени. Мы то вспоминаем прошлое, то предвкушаем будущее, то планируем, чем заняться. Люди и места нескончаемой вереницей кочуют перед нашим мысленным взором, и нам не хватает сил, чтобы удержать себя там, где мы должны быть — *здесь*, в присутствии

Божием. Мы неспособны полноценно жить *сейчас*, в непосредственном настоящем — единственном реально сущем мгновении: внутренняя разобщенность является одним из трагических последствий первородного греха. Как показывает житейский опыт, дело спорится именно у тех, кто в каждый момент времени занят чем-то одним. Если этот полезный навык нелегко дается в обычной жизни, то обрести его во внутреннем делании еще труднее.

Как же научиться жить в настоящем вечном «Сейчас»? Как обуздать *καρὸς* и быть наготове в решающее мгновение? Именно здесь приходит на помощь Иисусова молитва. Терпеливое призывание Имени, по благодати Божией, делает нас целостными, преодолевая нашу расколотость, приводит от рассеяния и множественности к единству. «Мысли толкутся в голове... как комары, — говорит епископ Феофан. — Чтобы пресечь эту толкотню, надо связать ум одною мыслью, или мыслью об Едином»²⁶.

Отцы-аскеты, и в частности Варсануфий и Иоанн, пишут о двух путях борьбы с помыслами. Первый — для «сильных» и «совершенных» — состоит в том, чтобы «противоречить» им, т. е., лицом к лицу противопоставить им, в прямой схватке отражать их нападения. Но это — путь избранных; он сложен и чреват опасностями. Прямой конфликт, попытки усилием воли изгнать и искоренить помыслы, как правило, лишь питают их, и однажды подавленное воображение начинает впоследствии работать с удвоенной силой. Поэтому благоразумнее не бороться с помыслами, напрягая волю, а уклоняться от них, сосредоточив внимание на чем-то другом. Вместо того, чтобы собирая силы для отражения помыслов, всматриваться вниз, в недра беспокойного воображения, лучше взирать наверх, к Господу Иисусу, вверяя себя в Его руки и призывая Его Имя. Тогда действующая через него благодать разгонит помыслы, против которых сами мы бессильны. Наша духовная стратегия должна быть положительной, а не отрицательной: вместо того, чтобы очищать ум от злых помыслов, нужно наполнять его добрыми. «Не противоречь же, потому что враги сего желают и, видя противоречие, не перестанут нападать, — советуют Варсануфий и Иоанн, — но помолись на них ко Господу, повергая пред Ним свою немощь, и Он может не только отогнать, но и совершенно упразднить их»²⁷.

Итак, Иисусова молитва отводит внимание от посторонних мыслей и образов, которые невозможно остановить усилием воли. Помехи во время молитвы неизбежны. Нельзя просто, повернув выключатель, погасить экран внутреннего телевизора. Бессмысленно говорить себе «не думай»; с таким же успехом можно сказать и «не дыши». «Ум не может оставаться праздным», — писал св. Марк Подвижник²⁸; мысли непрестанно роятся в нем. И хотя мы не в силах разогнать их, мы в силах отвлечься от них, «связав» неугомонный ум «одной мыслью, или мыслью об Одном» — об Имени Иисуса. Полностью остановить поток мыслей не удастся, но Иисусова молитва поможет отстраниться от него, и в конце концов он станет лишь фоном, почти не привлекающим внимания.

Евагрий Понтийский († 399) писал: «Молитва есть отрешение помыслов»²⁹. Именно отрешение, *отложение*, спокойное, но твердое, а не беспощадная война или гневное подавление. Призывая Имя, мы отрешаемся от наших фантазий, как невинных, так и пагубных, освобождаемся от них, все подчиняя мысли об Иисусе. Следует отметить, что, хотя на молитве и не полезно насильно подавлять ни воображение, ни дискурсивное мышление, их тем более не полезно подпитывать. Иисусова молитва не похожа на медитацию над тем или иным эпизодом из жизни Христа или над евангельской притчей; еще меньше общего у нее с рассуждением или размышлением над тем или иным догматом, например, над догматом «единосущия» или халкидонской формулой. Это отличает ее от популярной на Западе со времен контрреформации дискурсивной медитации (рекомендованной Игнатием Лойолой, Франциском Сальским, Альфонсом Лигури и другими).

Призывая Имя, не нужно намеренно воображать Спасителя. Иисусову молитву обычно читают не глядя на иконы, а в темноте или с закрытыми глазами. «Память о добрых и худых вещах обыкновенно печатлеет в уме образы их и вводит его в мечтание, — пишет св. Григорий Синаит. — Тогда испытывающий сие бывает уже мечтателем (*phantastes*), а не безмолвником (*hesychastes*)»³⁰. «А чтобы при делании умной молитвы не впасть в прелесть, — пишет преподобный Нил Сорский († 1508), — не допускай в себе никаких представлений, никаких образов и видений»³¹. «В действии Иисусовой молитвы не должно быть ни-

какого образа, посредствующего между умом и Господом, — пишет епископ Феофан. — Существо умной молитвы — в хождении пред Богом; а хождение пред Богом есть не отходящее от сознания убеждение, что Бог как везде есть, так и в вас есть, и видит все, даже внутреннее, видит даже более, чем мы сами. Это сознание ока Божия, смотрящего внутрь вас, тоже не должно иметь образа, а все должно состоять в одном простом убеждении или чувстве»³². Только так призывая Имя, — не представляя Спасителя, а просто *ощущая* Его присутствие, — мы испытаем всю силу Иисусовой молитвы, которая собирает во едино и дарует целостность.

Иисусова молитва требует произнесения слов. Однако благодаря своей простоте и краткости она восходит превыше слов — к живому молчанию Вечного. С Божией помощью она постепенно становится не-дискурсивной, не-образной, не просто утверждением о Боге или обращением к Нему, не просто представлением себе Христа, но «единением» с Ним во всепоглощающей непосредственной встрече. Призывая Имя, мы приучаемся ощущать духовным чутьем близость Христа, подобно тому, как мы согреваемся, входя в жарко натопленную комнату. Мы познаем Его не в чередующихся образах и понятиях, но — цельным и открытым сердцем. Таким образом, Иисусова молитва поставляет нас в *здесь и сейчас*, собирает вокруг единого центра, приводит нас от множественности помыслов к единству со Христом. «Памятью об Христе Иисусе собирай расточенный ум свой», — говорит св. Филофей Синайский (IX век)³³ — собирай его от многих мыслей в простоту любви.

Многие, узнав о том, что призывание Имени должно стать не-дискурсивным и не-образным, что оно выводит за пределы образов и мыслей, заключают, что такая молитва им не под силу. Для таковых напомним: этот путь открыт не только избранным. Всякий может пойти по нему. Если вы только начали творить Иисусову молитву, не старайтесь сразу изгнать все мысли и образы. Помните, что стратегия должна быть положительной, а не отрицательной. Не держите в уме лишнего, но помните о главном. Думайте об Иисусе, а не о том, как прогнать помыслы. Всем своим существом, всей ревностью и верой обратитесь к личному Спасителю. Ощутите Его присутствие. С любовью говорите с Ним. Если внимание ускользает — а это неизбежно — не отчаивайтесь: мягко, без озлобления и гнева возвращайте

его. И сколько бы раз оно ни ускользало, столько раз возвращайте его. Стремитесь всегда к центру — живому и личному — Иисусу Христу.

Относитесь к призыванию Имени как к молитве, которую наполняет Возлюбленный, а не как к молитве, которую нужно освободить от помыслов. Творить Иисусову молитву нужно действительно с *чувством*, хотя и без искусственного эмоционального возбуждения. Она неизмеримо глубже молитвы «с чувством», как ее понимают сейчас на Западе, и начинать ее нужно именно с порыва любви. Призывая Имя, будем внутренне подражать св. Ричарду Чичестерскому:

*О милостивый Искупитель, Друг и Брат,
Дай мне видеть Тебя яснее,
любить горячее
и следовать прямо за Тобой.*

7. Вхождение вовнутрь

Призывание Имени, делая нашу молитву более цельной, позволяет ей пройти глубже вовнутрь, стать частью нас самих, — тем, что мы *есть*, и уже не тем, что мы *делаем*, стать длящимся состоянием, а не однократным действием. В такую молитву вовлекается *весь человек*, ее слова и смысл прорастают в нем. Об этом прекрасно писал Павел Евдокимов (1901—1970): «В каткомбных росписях чаще всего встречается образ молящейся женщины, Оранты, которая являет единственно подлинное состояние человеческой души. Мало *владеть* молитвой, надо *стать* ею, дать ей воплотиться в себе. Недостаточно время от времени славословить Бога: надо, чтобы вся жизнь, каждый поступок и жест, даже улыбка, стали гимном поклонения, жертвой, молитвой. Мы должны жертвовать не тем, что у нас есть, а самими собой»³⁴.

Молитву, о которой пишет Павел Евдокимов, называют «сердечной». В Православии, как и в других традициях, различают три образа молитвы, понимаемые скорее как ее уровни, а не как последовательные стадии. Это — молитва, творимая устами (устная), молитва, творимая умом (умная), и молитва сердца (или ума, низведенного в сердце). Призывание Имени,

как и всякая другая молитва, поначалу бывает устным, и слова старательно выговариваются языком. Для того, чтобы удержать ум на смысле произносимого, потребуется усилие. Однако со временем и с Божией помощью молитва будет проникать все глубже вовнутрь. Тогда сами звуки станут не так важны, а ум будет молиться полнее и непринужденнее. Если уста и вовсе умолкнут, то ум один будет в безмолвии призывать Имя. Это значит, что благодать Божия перенесла нас с первого уровня на второй. Впрочем, молитва вслух не прекращается насовсем, часто и очень «искушенные» в молитве взывают к Иисусу в полный голос. (Да и кто они, эти «искушенные»? Не все ли мы «новички» в духовной жизни?)

Но это еще не конец пути. Человек — гораздо больше, чем сознающий ум: кроме мышления и рассудка, в нем есть и переживания, и чувства, и тяга к прекрасному, не говоря уже о глубинах личностной интуиции. В молитву должен включиться весь его состав, он весь призван обратиться в единый молитвенный порыв. Подобно чернильному пятну, упавшему на промокашку, молитва, расходясь от сознающего и мыслящего центра, должна постепенно пропитать весь его состав.

Пользуясь нашей терминологией, можно сказать, что мы призваны подняться со второго уровня на третий, от «умной молитвы» к «молитве ума, низведенного в сердце». В этом контексте слово «сердце» нужно понимать в рамках семитской и библейской традиции, как средоточие всей личности, а не просто как область чувств и переживаний, как это принято в современной западной культуре. Сердце есть наша сокровенная сущность, «самое глубокое и подлинное “я”, открывающееся лишь через жертву и смерть»³⁵. Как писал Борис Вышеславцев, «сердце есть центр не только сознания, но и бессознательного, не только души, но и духа, не только духа, но и тела, не только умопостигательного, но и непостижимого; одним словом, оно есть абсолютный центр»³⁶. В этом понимании сердце — нечто гораздо большее, чем телесный орган. Физическое же сердце служит лишь символом безграничных духовных возможностей человека как существа, сотворенного по образу Божию и призванного к тому, чтобы стать Его подобием.

Достигая «абсолютного центра», или иначе — нисходя от ума к сердцу, мы заканчиваем путь вовнутрь и обретаем под-

линную молитву. Точнее говоря, смысл не в том, чтобы от ума отойти, а в том, чтобы *вместе* с ним сойти в сердце. Главное здесь — не просто «сердечная молитва», а «молитва ума в сердце», поскольку все уровни интеллекта, включая рассудок, дарованы Богом и должны служить Ему; пренебрегать ими нельзя. Когда «ум и сердце становятся одним целым», тогда восстанавливается наша падшая и расколотая натура, возрождается ее первозданная целостность. Сердечная молитва возвращает в рай, отменяет грехопадение и восстанавливает *status ante peccatum* (состояние до грехопадения). Тем самым она раскрывает эсхатологическую реальность, становится залогом и предвкушением жизни Будущего Века, которая в веке сем никогда не будет явлена в полноте.

Вкушая, пусть отчасти и несовершенно, «сердечную молитву», мы постепенно совершаем переход, о котором упоминалось выше, — от молитвы, требующей усилия, к «само-движной», от той, которую *мы* творим, к той, которая «творится сама», а точнее, — к той, которую творит в нас Христос. Ведь сердце играет двоякую роль в духовной жизни: оно — и средоточие личности, и место встречи человека с Богом. В нем мы познаем себя, каковы мы на самом деле, но в нем же мы и выходим из себя, вступая в храм Святой Троицы, где образ лицом к лицу встречается с Первообразом. Во «внутреннем святилище» сердца мы и обретаем корни нашего существа, и переходим границу, отделяющую тварное от Нетварного. «В сердце есть какая-то беспредельная глубина, — говорится в одной из духовных бесед Макария Великого, — <...> там Бог, там Ангелы, там жизнь и царство, там свет и Апостолы, там сокровища благодати, там есть все»³⁷.

В сердечной молитве «мое» действие, «моя» молитва явно сочетается с непрестанным действием Другого во мне. Если прежде *мы* молились к Иисусу, то теперь *Сам* Иисус молится в нас. В «Откровенных рассказах странника» есть поразительное место, где говорится о рождении «само-движной» молитвы: «Однажды, рано поутру, как бы разбудила меня молитва»³⁸. Если прежде странник «творил Иисусову молитву», то теперь он обнаруживает, что молитва «творится сама» даже во сне, ибо стала одно с молитвой Бога внутри него. Примечательно, что и тогда странник не считал себя достигшим всей полноты сердечной молитвы.

Читателю «Откровенных рассказов странника» может казаться, что герой книги легко, чуть ли не механически, перешел от устной молитвы к сердечной. Прошло, казалось, всего несколько недель, как он начал свой подвиг, и молитва его стала самодвижной. Подчеркнем, однако, что опыт странника являет собой редкое исключение, хотя он и не уникален ³⁹. Чаще всего подобное если и происходит, то после долгих — иногда длящихся всю жизнь — аскетических усилий. Иногда же, едва начав творить Иисусову молитву, легкомысленно полагают, будто она сошла из уст в сердце. Или воображают, будто молятся безмолвно, без слов, когда на самом деле не молятся вовсе, а просто впали в дремоту безучастности и спят наяву. Предостерегая против подобных вещей, учителя исихастской традиции настоятельно рекомендуют тем, кто делает первые шаги в Иисусовой молитве, неустанно понуждать себя. Они постоянно подчеркивают, как важно все внимание собирать в произносимых словах, не отвлекаясь от мысли о молитвенных вдохновениях. Для примера приведем слова знаменитого духовного наставника с Афонской Горы старца Иосифа из Нового Скита († 1959):

Труд умной молитвы заключается в понуждении себя к непрестанному повторению ее устами <...> Внимай только словам «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя» <...> Просто вслух произноси их и не прерывайся <...> Пока не навькнешь молитве, трудись языком ⁴⁰.

Поистине поразительно, как ценится произносимое слово. Св. Иоанн Лествичник писал: «Старайся возвести к молитве свой ум, а точнее — заключить его в слова молитвы» ⁴¹. Это не значит, впрочем, что важны слова сами по себе; в наших мыслях должен оставаться Сам Иисус, Которого мы призываем.

Сердечная молитва всегда приходит как дар от Бога, который Он дает, кому хочет. Ее нельзя стяжать никаким методом. Св. Исаак Сирин (VII век) подчеркивает, что дар этот — большая редкость, и «едва ли один на тысячу» удостоивается чистой молитвы. «А достигший того таинства, которое уже за сею молитвою, — добавляет он, — едва, по благодати Божией, найдется и из рода в род» ⁴². Один из тысячи, один в целом поколении: эти отрезвляющие предостережения не должны нас обеску-

раживать. Внутреннее царство открыто каждому, и каждый может пройти свою часть пути. В наше время мало кто хотя бы отчасти нисходит в глубины сердечных тайн, но очень многие — в свою иногда малую меру и изредка, но вполне реально — приобщаются молитве духа.

8. Об участии дыхания

Пришла пора коснуться вопроса об участии тела в молитве — той стороны учения византийских исихастов, которую очень часто понимают превратно.

Сердце, как уже говорилось, это — наша сокровенная сущность, точка, куда сходятся материя и дух, центр физического, душевного и духовного состава. Оно живет в двух измерениях — видимом и невидимом, — и поэтому в сердечную молитву вовлечены и тело и душа: без участия тела она неполноценна. Человек, согласно библейскому учению, есть психосоматическое целое; но не просто душа, заключенная в тело, как в темницу, и стремящаяся вырваться из него, а — неразрывное единство того и другого. Тело — вовсе не помеха, которую нужно устранить, и не кусок материи, который можно не брать в расчет; его роль в жизни духа положительна, и молитве нужны сокрытые в нем силы.

Сказанное выше верно для молитвы вообще, но это тем более верно для Иисусовой молитвы, поскольку она обращена к Воплотившемуся Богу — Слову, ставшему плотью. Христос, воплотившись, воспринял не только человеческие сознание и волю, но и тело, сделав *плоть* неисчерпаемым источником освящения. Как же эта плоть, которую Богочеловек соделал духовной, участвует в призывании Имени и молитве ума, низведенного в сердце?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к «телесному методу», выработанному исихастской традицией. Подвижники знали по опыту, что психическое состояние так или иначе сказывается на телесном уровне; в зависимости от внутреннего расположения, человек может мерзнуть или чувствовать жар, его сердце может биться чаще или реже и т. д. Но и наоборот, перемена физического состояния всегда сказывается на психике. Следовательно, научившись определенным образом контролировать и направлять телесные функции, можно добиться большей сосредоточенности в молитве. Это соображение и

лежит в основе исихастского «метода». Рассмотрим теперь три его главных составляющих.

(1) *Положение тела.* Св. Григорий Синаит советует молиться, сидя на низкой, около 8 дюймов (20 см) высотой, скамейке, склонив голову, согнув плечи и направив взгляд в область сердца. При этом он не скрывает того, что со временем эта поза покажется крайне неудобной. Некоторые же подвижники рекомендуют еще более напряженную позу — с головой, склоненной до колен, — по примеру пророка Илии на горе Кармил⁴³.

(2) *Контроль за дыханием.* Дыхание замедляется, и ритм его начинает совпадать с ритмом молитвы. Часто ее первую часть: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий», произносят вдыхая, а вторую: «помилуй мя, грешного», — выдыхая. Но иногда делают и по-другому. Можно молиться и в такт биению сердца.

(3) *Освоение внутреннего.* Исихаст все внимание устремляет в область сердца. Подобная практика есть и в йоге, где новоначальных учат сосредоточиваться на той или иной части тела. Вослед воздуху, вдыхаемому через ноздри и проходящему в легкие, исихаст «нисходит» умом вовнутрь, «ища» сердечное место. Из опасения быть неправильно понятыми, подробно об этом делании никто из подвижников не пишет. В нем так много тонкостей, что освоить его можно *только* под личным водительством опытного наставника. Тот же, кто, не имея ни опыта, ни наставника, пытается найти сердечное место, рискует против воли низвести ум в область под сердцем, в чрево. На молитву это действует разрушительно, поскольку с областью чрева связаны оскверняющие ум и сердце плотские помыслы и движения⁴⁴.

По понятным причинам нужно быть предельно осторожным, вмешиваясь в естественные ритмы тела — будь то дыхание или биение сердца. Злоупотребление методом чревато расстройством здоровья и психики, и поэтому так важно иметь надежного наставника. Если же старца нет, то начинающим лучше всего ограничиться простым повторением Иисусовой молитвы и не думать о дыхании или сердечном ритме. Тогда в большинстве случаев оказывается, что молитва подстраивается под дыхание сама собой — без сознательных усилий с нашей стороны. Если же этого так и не происходит, пугаться не следует; нужно спокойно и внимательно трудиться, призывая Имя.

Телесный метод, какой бы он ни был, останется не более чем средством, подспорьем для некоторых, вовсе не обязательным для всех. Иисусова молитва не становится ущербной, когда ее творят и вовсе не прибегая ни к какому методу. Св. Григорий Палама (1296—1359), хотя и считал применение описанного выше метода богословски оправданным, трактовал его как нечто вторичное и пригодное главным образом для новоначальных⁴⁵. Как и все подвижники-исихасты, он ставил во главу угла не контроль за дыханием, а внутреннее и тайное обращение к Господу Иисусу.

Православные авторы последних ста пятидесяти лет старались не заострять внимание на телесной стороне умного делания. Вот типичный совет, который дает епископ Игнатий (Брянчанинов) (1807—1867):

Советуем возлюбленным братьям не доискиваться открытия в себе этого механизма, если он не откроется сам собою. Многие, захотевшие узнать его опытом, повредили свои легкие и ничего не достигли. Сущность дела состоит в том, чтобы ум соединился с сердцем при молитве, а это совершает Божия благодать в свое время, определяемое Богом. Упомянутый механизм успешно заменяется неспешным произнесением молитвы, кратким отдыхом после каждой молитвы, тихим и неспешным дыханием, заключением ума в слова молитвы. При посредстве этих пособий мы удобно можем достигнуть внимания в известной степени⁴⁶.

О том, следует ли молиться быстро или медленно, епископ Игнатий пишет:

На неспешное и внимательное произнесение *ста молитв* потребно времени 30 минут, или около получаса; некоторые подвижники нуждаются и в еще более продолжительном времени. Не произноси молитв спешно, одной немедленно за другою; делай после каждой молитвы краткий отдых, и тем способствуй уму сосредоточиваться. Безостановочное произнесение молитв рассеивает ум. Переводи дыхание с осторожностью; дыши тихо и медленно: этот механизм охраняет от рассеянности⁴⁷.

Новоначальным такой ритм иногда кажется слишком медленным, и они молятся несколько быстрее — тратя минут двадцать на сотню молитв. Некоторые же наставники греческой традиции рекомендуют еще более быстрый ритм, утверждая, что так легче сохранить ум собранным.

Метод, выработанный византийскими исихастами, поразительно схож с практикой, существующей в йоге и суфизме⁴⁸. Простое ли это совпадение, и развивались ли эти традиции независимо одна от другой? Если суфизм и исихазм связаны напрямую, — а порой две традиции так близки, что простое совпадение кажется невероятным, — то кто у кого заимствовал? Все эти вопросы открывают захватывающие перспективы для научных изысканий, хотя слишком фрагментарный материал и не позволит ответить на них однозначно. Как бы там ни было, не следует упускать из виду, что кроме сходств существуют и различия. Картины могут разительно отличаться друг от друга, но в их рамках всегда можно найти схожие черты. Главное — сама картина. В практике Иисусовой молитвы телесные упражнения — рамка, а картина — внутреннее обращение ко Христу. «Рамка» Иисусовой молитвы вполне может походить на «рамки» из нехристианских традиций, но это не должно сбивать с толку, ведь сама картина — уникальна. Иисусова молитва — христианская по содержанию, по существу; главное в ней — не повторение, не поза и не дыхание, но то, к *Кому* мы обращаемся. А слова ее обращены прямо к Иисусу Христу, воплотившемуся Спасителю, Сыну Бога и Сыну Марии.

Тот факт, что иногда в Иисусову молитву вовлекают по определенному методу и тело, не должен скрывать от нас ее суть. Она — не просто прием, помогающий сосредоточиться или расслабиться, и уж никак не «христианская йога», разновидность «трансцендентальной медитации» или «христианская мантра», как некоторые о ней говорят. Напротив, вся ее суть в *обращении к Другому*, к Богу, ставшему человеком, Иисусу Христу, личному Спасителю и Искупителю, и ее нельзя низводить до простого метода. Иисусова молитва живет в определенном контексте, и стоит изъять ее оттуда, как она теряет всякий смысл.

Первое, что задает контекст Иисусовой молитве, есть вера. Нельзя призывать Имя, не *веря* в Иисуса Христа как в Сына Божия и Спасителя; бессмысленно твердить словесную форму-

лу, не имея живой веры в Иисуса как Господа и не отдавая себе отчет в том, Кто Он и что Он сделал для нас лично. И как бы слаба ни была эта вера, какие бы сомнения ее ни подтачивали, как бы ни хотелось вместе с отцом одержимого ребенка воззвать: «Верую, Господи, помоги моему неверию» (Мк. 9:24), достаточно бывает одного *желания* верить, одной искры любви к Иисусу, Которого мы еще так плохо знаем.

Второе, что задает контекст Иисусовой молитве, есть церковность. Мы призываем Имя не индивидуально, полагаясь исключительно на свои внутренние силы, но — как члены тела Церкви. К кому бы мы ни обратились: к св. Варсануфию, св. Григорию Синаиту или епископу Феофану — все они рекомендовали Иисусову молитву только крещеным христианам, регулярно участвующим в таинствах Церкви, исповеди и причастии. В книгах этих авторов нет и намека на то, что призывание Имени подменяет собой таинства. Напротив, они настаивали на том, что тот, кто хочет творить Иисусову молитву, должен быть реальным членом Церкви, причащающимся Святых Таин.

И все же в наши дни, когда людей снедает любопытство, а Церковь так разобщена, к Иисусовой молитве прибегают многие из тех, кто не только не принадлежит к какой-либо из Церквей, но не имеет и сколько-нибудь отчетливой веры в Господа Иисуса, а то и вовсе никогда не помышлял о ней. Правильно ли запрещать им молиться? Конечно нет, если только они искренне ищут Источника Жизни, ведь и Иисус осуждал одних лишь лицемеров. И тем не менее, со всяким смирением и полным сознанием нашей собственной ущербности, мы обязаны признать, что эти люди оказались в ненормальном положении, и наш долг — предупредить их об этом.

9. Конец пути

В конце пути Иисусова молитва сливается с молитвой, которую Иисус как Первосвященник приносит в нас; наша жизнь становится едино с Его жизнью, а наше дыхание — едино с Его поддерживающим Вселенную Божественным дыханием. Впрочем, и всякая христианская молитва ведет к тому же. Конечную цель точнее всего выражает святоотеческий термин *theosis*, «обожение». По словам протоиерея Сергия Булгакова, «Имя Иису-

сово, содержащее в сердце человека, сообщает ему силу обожения, дарованную нам Искупителем»⁴⁹. «Слово вочеловечилось, чтобы мы обожились», — писал Афанасий Великий⁵⁰. Тот, Кто был Богом по естеству, для того и принял на себя человеческую природу, чтобы мы смогли приобщиться к славе Его Божества, стать «причастниками Божеского естества» (2 Пет. 1:4). Обращенная к Воплощенному Логосу, Иисусова молитва совершает в нас таинство обожения, которое делает человека подлинным подобием Божиим.

Иисусова молитва воссоединяет со Христом и вводит во взаимоотношение (*perichoresis*) Лиц Святой Троицы. Чем глубже внутрь проходит молитва, тем полнее мы приобщаемся нескончаемому круговороту любви между Отцом, Сыном и Святым Духом. Прекрасно писал об этом св. Исаак Сирин:

Любовь есть царство; о ней Господь таинственно обещовал Апостолам, что вкусят ее в царстве Его. Ибо сказанное: *да ядите и пьете за трапезою Моею во Царствии Моем* (Лк. 22:30), что иное означает, как не любовь? ...И когда достигнем любви, тогда достигли мы Бога, и путь наш свершен, и пришли мы к острову тамошнего мира, где Отец, Сын и Дух Святой. Ему слава и держава!⁵¹

Таинство обожения в исихастской традиции чаще всего открывается в видении света. Было бы неправильно думать, что свет, который святые созерцали на молитве, есть символический свет ума, или физический, тварный, чувственно воспринимаемый свет. Он есть ни что иное, как Божественный и нетварный Свет, которым просиял Христос, преобразившись на горе Фавор, и который просветит весь свет во втором Его пришествии в Последний день. Приведем характерный отрывок о Божественном Свете из писаний св. Григория Паламы, где он говорит о том, что переживал апостол Павел, когда был восхищен до третьего неба (2 Кор. 12:2—4):

...То сладостное зрелище, которое восхитило ум, заставляло исступать из всего и целиком обратило к себе, святой видит как свет, посылающий откровение, но не откровение чувственно ощущаемых тел, и не ограниченный

ни вверх, ни вниз, ни в ширину; он вообще не видит пределов видимого им и озаряющего света, но как если бы было некое солнце, бесконечно более яркое и громадное, чем все в мире, а в середине стоял бы он сам, весь сделавшись зрением, — вот на что это похоже ⁵².

Призывая Имя, мы можем подойти к подобному созерцанию.

Благодаря Иисусовой молитве сияние Преображения проникает во все уголки нашей жизни. Неустанно повторяя ее, анонимный герой «Откровенных рассказов странника» испытывает двойную перемену. Во-первых, материальный мир предстает перед ним в ином свете, и он повсюду примечает таинственное присутствие Бога. Вот как он пишет:

Когда... я начинал молиться сердцем, все окружающее меня представлялось мне в восхитительном виде: деревья, травы, птицы, земля, воздух, свет, все как будто говорило мне, что существуют для человека, свидетельствуют любовь Божию к человеку и все молится, все воспевает славу Богу. И я понял из сего, что называется в Добротолюбии «ведением слове твари (языка творения. — *Прим. пер.*)»... Иногда чувствовалась пламенная любовь к Иисусу Христу и ко всему созданию Божию ⁵³.

По словам о. Сергия Булгакова, «свет Имени Иисусова, чрез сердце, озаряет и всю Вселенную» ⁵⁴.

Во-вторых, Иисусова молитва преображает отношение странника к другим людям:

В день, если случалось с кем встретиться, то все без изъятия представлялись мне так любезны, как бы родные, хотя и не занимался с ними. Помыслы сами собой совсем стихли, и ни о чем я не думал, кроме молитвы, к слушанию которой начал склоняться ум, а сердце само собой по временам начало ощущать теплоту и какую-то приятность. ...Кто когда оскорбит меня, я только вспомню, как наслаждительна Иисусова молитва; тут же оскорбление и сердитость пройдет, и все забуду ⁵⁵.

«Как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:40). Иисусова молитва помогает видеть в каждом Христа и каждого — во Христе.

В этом смысле призывание Имени скорее возводит к радости, чем зовет к покаянию, утверждает мир, а не отрицает его. На первый взгляд Иисусова молитва, которую творят с закрытыми глазами в уединении и в темноте, повторяя «...помилуй мя», может показаться занятием мрачным и навевающим уныние. Есть соблазн думать, что человек замыкается на себе, уходит от действительности и от ответственности за происходящее вокруг, в обществе. Но это — глубокое заблуждение. Вставший всерьез на Путь Имени не становится унылым и подавленным, но приобщается к источнику свободы и исцеления. О теплоте и радости, рождающихся от Иисусовой молитвы, так писал св. Исихий Иерусалимский:

От частости сей рождается... непрерывность трезвения... за которым последует непрестанная Иисусова молитва, сладостная без мечтаний тишина ума и дивное некое состояние, исходящее от сочетания со Иисусом.

Как дождь чем в большем количестве ниспадает на землю, тем более умягчает ее, так и святое имя Христово, без помыслов нами возглашаемое, чем чаще призываем Его, тем более умягчает землю сердца нашего, преисполняя его радости и веселия.

Солнце, проходя над землей, производит день; а святое и достопоклоняемое имя Господа Иисуса, непрестанно сияя в уме, порождает бесчисленное множество солнцевидных помышлений⁵⁶.

Более того, творя Иисусову молитву, мы на самом деле сближаемся с людьми, открывая ценность всех и вся в Боге, а вовсе не отворачиваемся от них, отрекаясь от Божьего творения. «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг спасутся», — говорил преподобный Серафим Саровский (1759—1833). Те краткие промежутки времени в течение дня, когда мы предстоим Христу, призывая Его Имя, меняют и углубляют нашу жизнь так, что мы делаемся способны помочь людям — действенно и творчески — как не могли прежде. Творя же молитву «свободно», а не по

правилу, мы, пользуясь выражением Надежды Городецкой (1901—1985), «ставим на мир божественную печать»:

Мы можем поставить печать Имени на людей, книги, цветы, на все, что мы встречаем на нашем пути, что видим или о чем думаем. Именем Иисуса, этим таинственным ключом, мы приносим в жертву всех и все в мире, запечатываем мир божественной печатью. Не в этом ли священство всех верующих? В единстве с Первосвященником мы умоляем Дух: обрати мою молитву в таинство ⁵⁷.

«Мы можем поставить печать Имени на людей...». Говоря так, Надежда Городецкая предлагает ответ на часто возникающий вопрос: можно ли в Иисусову молитву вставлять прошения за других? Строго говоря, Иисусова молитва никак не связана с ходатайством за других. Молящийся в ней просто «предстоит перед Богом», вне мыслей и образов, и не должен поминать кого-либо по именам. Он весь обращен к Иисусу. Но, конечно же, обернуться к Иисусу вовсе не значит отвернуться от ближнего. Сердце Иисуса объемлет всех, кого мы любим. Более того, Он любит их бесконечно сильнее, чем мы, и потому в Иисусовой молитве мы всех обретаем в Нем. Призывая Имя, мы полнее приобщаемся к изливающейся на весь мир любви Христовой. И все-таки, следуя исихастской традиции умного делания, призывая Имя Христово, не следует никого помянуть перед Его лицом или о ком-то отдельно думать.

Все это, однако, не означает, что в практике Иисусовой молитвы вовсе нет места ходатайству за других. Как бы мы ни молились, «по правилу» или «свободно», нас время от времени тянет «направить» Имя на конкретных людей, призывая Имя на них и произнося в конце «...помилуй *Ивана*». Даже если в писаниях исихастов прямо об этом не говорится, нет сомнений, что так делать можно, это обогатит молитву и сделает ее плодотворнее. Путь Имени широк и щедр и не ограничен строгими и неизменными правилами.

«Молитва есть действие; молиться — это значит быть в высшей степени деятельным» ⁵⁸. К Иисусовой молитве эти слова относятся в первую очередь. Хотя она и упоминается при монашеском постриге особым образом, как молитва для монахов ⁵⁹, она подходит и мирянам — живущим в браке. Всякий, правиль-

но призывающий Имя, глубже вникает в то, что ему поручено, действует эффективнее, не отторгая других от себя, а напротив, — сближаясь с ними, сопереживая их страхам и тревогам так, как не мог сопереживать прежде. Иисусова молитва превращает нас в «людей для других», живое орудие мира Божьего, действенный источник примирения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Коллиандер Тито. Узкий путь. М.: Даниловский благовестник, 1995. С. 31.

² Цит. по: О молитве Иисусовой. Сборник, составленный игуменом Харитоном. Сортавала, 1936. С. 31.

³ Св. Григорий Синаит. Главы, 113. Добротолюбие. Т. 5. ТСЛ, 1993 (репринт). С. 205.

⁴ Цитата из: «Время Господу действовать: завет твой разорили» (Пс. 118:126). Некоторые комментаторы толкуют это место как «время принести (жертву) Господу», но наше толкование богаче по смыслу и также имеет множество сторонников. В греческом оригинале стоит слово *καίρῳ*: «...наступил *καίρῳ* для Господа действовать». Под *καίρῳ* подразумевается решающий момент: молящийся использует этот момент, дабы начать молиться.

⁵ Св. Григорий Синаит. Главы, 113. Добротолюбие. Т. 5. ТСЛ, 1993 (репринт). С. 205.

⁶ Каллист и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим в сотне глав 4. Добротолюбие. Т. 5. ТСЛ, 1993 (репринт). С. 307.

⁷ Об Иисусовой молитве ничего не говорится, к примеру, ни в подлинных текстах св. Симеона Нового Богослова, ни в объемной антологии духовных писаний Эвергетинос (Evergetinos) (оба XI в.).

⁸ Горячее почитание святого Имени Иисусова существовало, конечно же, и в средние века на Западе, в том числе и в Англии. И хотя византийская традиция Иисусовой молитвы имеет свои особенности, между ней и средневековой практикой прослеживаются очевидные параллели. См. *Kallistos Ware. The Holy Name of Jesus in East and West: the Hesychasts and Richard Rolle* // *Sobornost* 4:2, 1982. P. 163—184.

⁹ Те, кто знаком с романами Сэлинджера, наверняка помнят, как подействовала на Фрэнни книжка «небольшого формата в зеленом матерчатом переплете в горошек».

¹⁰ *A Monk of the Eastern Church. On the Invocation of the Name of Jesus* // *The Fellowship of St Alban and St Sergius*, London, 1950. P. 5—6.

¹¹ Св. Григорий Синаит. О безмолвной молитве, 2. Добротолюбие. Т. 5. ТСЛ, 1993 (репринт). С. 228.

¹² Св. Феофан Затворник. Собрание писем. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства «Паломник», 1994. Письмо 739. Т. IV. С. 230.

- ¹³ *Brother Lawrence of the Resurrection* (1611—1691). The Practice of the Presence of God / ed. D. Attwater. Paraclete Books. London, 1962. P. 13, 16.
- ¹⁴ *Архимандрит Софроний (Сахаров)*. Старец Силуан. М., 1991. С. 172.
- ¹⁵ *Св. Феофан Затворник*. Собрание писем. П. 902. Т. V. С. 176.
- ¹⁶ *Св. Феофан Затворник*. Собрание писем. П. 979. Т. VI. С. 105.
- ¹⁷ *Откровенные рассказы странника*. М., 1992. С. 30.
- ¹⁸ *Св. Макарий Великий*. Духовные беседы 14:2. ТСЛ, 1994 (репринт). С. 105.
- ¹⁹ «Пастырь» Ерма. Подобия 9:14. Писания мужей апостольских. Рига, 1994. С. 272.
- ²⁰ См. *Pedersen J.* Israel. Vol. I. London—Copenhagen, 1926. P. 245—259; ср. *Barr J.* The Symbolism of Name in the Old Testament // *Bulletin of the John Rylands Library*, 52, 1, 1969. P. 11—29.
- ²¹ *Pedersen*. Op. cit. P. 256.
- ²² О почитании Имени у средневековых иудейских кабалистов — см. *Greshom G. Scholem*. Major Trends in Jewish Mysticism 3rd ed. London, 1955. P. 132—133 и ср. с интерпретацией этой темы в знаменитом романе *Чарльза Вильямса* *All Hallow's Eve*. London, 1945.
- ²³ *Свв. Варсануфий и Иоанн*. Вопросы и ответы. Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. Отв. 421. Издание Московского подворья Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. М., 1995. С. 282.
- ²⁴ *Преп. Иоанн Лествичник*. Лествица 21:7, 27:16. Издание Московского подворья Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. М., 1994. С. 142.
- ²⁵ *Св. Григорий Синаит*. Наставление безмолвствующим, 1. Добротолюбие. Т. 5.
- ²⁶ *Св. Феофан Затворник*. Собрание писем. П. 957. Т. VI.
- ²⁷ *Свв. Варсануфий и Иоанн*. Вопросы и ответы. Отв. 91.
- ²⁸ *Св. Марк Подвижник*. Послание к иноку Николаю, 5. Добротолюбие. Т. 1.
- ²⁹ *Авва Евагрий Понтийский*. О молитве, 71. М.: Мартис, 1994. С. 84.
- ³⁰ *Св. Григорий Синаит*. Наставление безмолвствующим, 7. Добротолюбие. Т. 5.
- ³¹ *Преп. Нил Сорский*. Устав о скитском житии, 2. О главных способах противоборства с приражающимися помыслами. ТСЛ, 1991. С. 25.
- ³² *Св. Феофан Затворник*. Собрание писем. П. 704. Т. IV.
- ³³ *Св. Филофей Синайский*. 40 глав о трезвении, 27. Добротолюбие. Т. 3.
- ³⁴ *Sacrement de l'amour. Le mystère conjugal à la lumière de la tradition orthodoxe*. Paris, 1961. P. 83.
- ³⁵ *Kehoe Richard*. The Scriptures as Word of God // *The Eastern Churches Quarterly*, VIII (1947), приложение к «On Tradition and Scripture». P. 78.
- ³⁶ *Вышеславцев Б.* Сердце в христианской и индийской мистике. Paris: YMCA-Press, 1929. С. 25.
- ³⁷ *Макарий Великий*. Беседы. 15:30 и 43:7.
- ³⁸ *Откровенные рассказы странника*. М.: Советская Россия, 1992. С. 19.
- ³⁹ Старец Силуан Афонский творил Иисусову молитву всего три недели до того момента, как она вошла в его сердце и стала самодвижной. Его биограф, архимандрит Софроний, справедливо подмечает, что старец обладал «великим и редким даром»; только позднее отец Силуан смог оценить, как необычен его

опыт («Старец Силуан». С. 25). Дальнейшее обсуждение этого вопроса см. *Kallistos Ware. Pray without Ceasing: The Ideal of Continual Prayer in Eastern Monasticism // Eastern Churches Review*, II (1969). P. 259—261.

⁴⁰ *Ekphrasis monastikis empeirias. Monastery of Philotheou, Holy Mountain 1979. P. 25—28.*

⁴¹ *Св. Иоанн Лествичник. Лествица 28:17.*

⁴² *Преп. Исаак Сирин. Слово 16. О чистой молитве. М.: Правило веры, 1993 (репринт). С. 62.*

⁴³ «Илия взшел на верх Кармила и наклонился к земле и положил лице свое между коленами своими» (3 Цар. 18:42). О исихастской молитвенной практике в этой позе говорится, например, в манускрипте «Лествицы» XII века — см. *The Study of Spirituality / ed. Cheslyn Jones, Geoffrey Wainwright and Edward Yarnold. London, 1986, plate 3, после с. 194.*

⁴⁴ Библиографию о контроле за дыханием см. *Kallistos Ware. The Jesus Prayer in St. Gregory of Sinai // Eastern Churches Review*, IV. 1972. P. 14, прим. 55. О физических центрах и их участии в духовном делании см. *Father Anthony Bloom* (ныне — митрополит Сурожский). *Asceticism (Somatopsychic Technique) // The Guild of Pastoral Psychology, Guild Lecture 95: London, 1957.*

⁴⁵ *Св. Григорий Палама. Триады в защиту священо-безмолвствующих, I, II, 7. М.: Канон, 1996. С. 47.*

⁴⁶ *Еп. Игнатий (Брянчанинов). Приношение современному монашеству. Гл. 26. О молитве Иисусовой устной умной и сердечной. ТСЛ, 1991 (репринт). С. 114.*

⁴⁷ *Еп. Игнатий (Брянчанинов). Приношение современному монашеству. Гл. 24. Об упражнении молитвой Иисусовой.*

⁴⁸ См. *Gardet Louis. Un probleme de mystique comparée: la mention du nom divin (dhkir) dans la mystique musulmane // Revue Thomiste, LII (1952). P. 642—679, LIII (1953). P. 197—216.*

⁴⁹ *Прот. Сергей Булгаков. Православие. М.: Терра, 1991. С. 313.*

⁵⁰ *Св. Афанасий Великий. Слово о воплощении Бога Слова и о пришествии Его к нам во плоти, 54. Т. I. М.: Издание Свято-Преображенского Валаамского монастыря, 1994 (репринт). С. 260.*

⁵¹ *Преп. Исаак Сирин. Слово 83. О покаянии. М.: Правило веры, 1993 (репринт). С. 62.*

⁵² *Св. Григорий Палама. Триады в защиту священо-безмолвствующих, I, III, 21. С. 83.*

⁵³ *Откровенные рассказы странника. М.: Советская Россия, 1992. С. 32, 39.*

⁵⁴ *Прот. Сергей Булгаков. Православие. М.: Терра, 1991. С. 314.*

⁵⁵ *Откровенные рассказы странника. М.: Советская Россия, 1992. С. 20, 22.*

⁵⁶ *Св. Исихий Иерусалимский. О трезвении и молитве, 7, 41, 169. Добролюбие. Т. 2.*

⁵⁷ *The Prayer of Jesus // Blackiriars, XXIII (1942). P. 76.*

⁵⁸ *Коллиандр Тито. Узкий путь. С. 28.*

⁵⁹ В греческой и русской традициях при облачении в монашеские одежды монаху вручают и четки. В русских монастырях в этот момент настоятель произносит: «Возьми, брат, меч духовный, который есть Слово Божие, для непрестанной молитвы Иисусу; ибо ты должен на всякое время иметь имя

Господа Иисуса в уме, сердце и на устах, всегда повторяя: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». См. *Robinson N. F. Monasticism in the Orthodox Churches*. London—Milwaukee, 1916. P. 159—160. Стоит обратить внимание на общеупотребительное различие уровней молитвы — устами, умом и сердцем.

АРХИВ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ МИТРОПОЛИТА НИЖЕГОРОДСКОГО СЕРГИЯ (СТРАГОРОДСКОГО) И МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГИЯ (ГЕОРГИЕВСКОГО), УПРАВЛЯЮЩЕГО ПРАВОСЛАВНЫМИ РУССКИМИ ЦЕРКВАМИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

**Документы из архива
Отдела внешних церковных сношений
Московского Патриархата**

38

Преосвященному Митрополиту Евлогию,
Управляющему Русскими церквами в Западной Европе

Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и временный при нем Патриарший Священный Синод слушали: Письмо Преосвященного Митрополита Евлогия, Управляющего Русскими церквами в Западной Европе от 14/27 апреля с. г. за № 1141, ответное на запрос Патриархии по поводу неуместных, после принятых Преосвященным Митрополитом на себя обязательств, выступлений его в Лондоне.

СПРАВКА: I. Постановление от 1/14 июля 1927 г. 93.

II. Письмо-запрос Заместителя митр. Евлогию от 4 января 1928 г. (панихида в день десятилетия революции).

III. Письмо от 2/15 октября 1928 г. (послание митр. Евлогия).

IV. Указ от 5 августа 1929 г. (панихида по фон-Мекке и др.).

V. Указ от 18 марта № 923 — запрос по настоящему делу.

Принимая во внимание: а) что организованные церковниками разных исповеданий в зарубежных странах моления за Русскую Церковь носили отнюдь не двухсмысленный откровенно-политический характер, имея целью мобилизовать не только общественное мнение, но и правительства всех государств Западной Европы на крестовый поход против нашего Советского Союза;

б) что Преосвященный Митрополит Евлогий, стараясь (в вызывающем тоне и крайне неискренно) показать якобы полное отсутствие политического характера в упомянутой церковной демонстрации, только подтверждает своим объяснением совершенное им нарушение принятых на себя обязательств — быть лояльным к Советскому Союзу;

в) что настоящее нарушение Преосвященным Митрополитом Евлогием обязательств является далеко не первым и нет никаких гарантий от повторения подобных же нарушений в будущем;

г) что при таких данных дальнейшее оставление Преосвященного Митрополита Евлогия на ответственном посту Управляющего Русскими церквями в Западной Европе представляется нецелесообразным.

Определением своим от 10 июня 1930 года за № 108, постановили:

1. Преосвященного Митрополита Евлогия уволить от управления Русскими Церквями в Западной Европе и поручить оное временно, впредь до новых распоряжений, Преосвященному Архиепископу б. Белостокскому ВЛАДИМИРУ¹ (Тихоницкому).

2. Предписать немедленно донести в Патриархию Преосвященным Митрополиту Евлогию — об исполнении им настоящего постановления, а Архиепископу Владимиру — о вступлении в управление церквями Русскими в Западной Европе.

3. Если несение обязанностей управления Преосвященный Архиепископ найдет для себя по каким-либо причинам затруднительным, он должен, не уклоняясь от вступления в управление, представить на усмотрение Патриархии свои затруднения и, вместе с тем, свои соображения о том, кому из находящихся в Западной Европе Преосвященных русских Архипасты-

рей целесообразнее всего было бы поручить означенное управление.

О чем и посылается Вашему Преосвященству настоящий указ.

*За Патриаршего Местоблюстителя
Сергий, митрополит Нижегородский.*

Июня 10 дня 1930 года.
1518

39

5/18 июля 1930 г.

№ 1904

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему СЕРГИЮ,
Митрополиту Нижегородскому,
Заместителю Патриаршего Местоблюстителя

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец,

На Указ Вашего Высокопреосвященства и Временного Патриаршего Синода от 10 июня за № 1518 имею честь донести, что я затрудняюсь принять к исполнению изложенное в п. 3 сего Указа предложение мне вступить в управление православными русскими приходами в Западной Европе.

Основания к тому следующие:

Приведение в исполнение распоряжения об устранении Высокопреосвященнейшего Владыки нашего, Митрополита Евлогия, от управления привело бы к полному расстройству церковной жизни в приходах, губительному прежде всего для спасения душ верующих и к вредному для самой Церкви Божией разложению наших заграничных церковных общин.

Могу засвидетельствовать это и по личному моему многолетнему уже знакомству с духовным обликом эмиграции и заграничную приходскою жизнью и по такому же мнению других моих собратьев Преосвященных и, наконец, по единодушнейше-

му заявлению настоятелей и мирян, представителей всех наших приходов на только что бывшем Епархиальном Собрании, случайно совпавшем с получением Указа из Патриархии. Западно-Европейские приходы создавались в особых условиях заграничной жизни, в виде небольших островков среди иноплеменного, инославного и часто безверного мира и после долгих, труднейших усилий к концу десятилетия нашего пребывания в эмиграции сложились в живые организмы, составившие тело нашей епархии, представляющее собой по своей жизненности часть того великого Тела, о внутренней связанности которого говорит Святой Апостол в 12 главе 1-го послания к Коринфянам. И невозможно рассечь наше церковное тело, не нанеся ему смертельного вреда.

Устранение Митрополита Евлогия, любимого паствою за исключительную архипастырскую его близость ко всем и отзывчивость, лично известного каждому приходу, архипастыря, в котором за все эти годы все привыкли видеть законного нашего архиерея, связывающего нас с Российской Церковью, — было бы обезглавливанием нашего епархиального тела.

Кроме того, это было бы просто неосуществимо, так как приходы: и духовенство и миряне, просто не примут другого епископа, а если бы даже и нашелся в Западной Европе такой епископ, который попытался бы принять управление приходами от Митрополита Евлогия в порядке его увольнения, то он просто оказался бы совершенно одинок.

Но уход Митрополита Евлогия, если бы он решился на этот гибельный для зарубежных приходов и вредный для Церкви Божией шаг, — потряс бы наши приходы в корне. Многие, соблазнившись, ушли бы от Церкви совершенно, другие попали бы в сети иноверцев и сектантов, которые особенно здесь ищут «кого поглотить», третьи — просто отказались бы от прежней своей работы на пользу приходов, которые в результате закрылись бы и множество русских осталось бы без церковной молитвы и таинств, что с такими трудами удалось обеспечить для них сейчас.

Митрополиту Евлогию не только не вменяется никакой церковной, канонической вины, но то, что ему вменяется, есть момент политический. Долгими, многолетними усилиями Митрополиту Евлогию удалось сохранить свои приходы от вмешательства Церкви в политику, на этой, главным образом, почве про-

изошло его расхождение с Карловацкими преосвященными, это понял церковный народ эмиграции и в подавляющем большинстве поддержал его. Теперь же, в Указе Вашего Высокопреосвященства, и мы епископы, и духовенство, и миряне видим аргументы чисто политического порядка, к нам, находящимся в особом положении, совершенно неприменимые.

Мы вполне понимаем, какую великою заботою о пользе Русской Церкви на родине продиктованы все Ваши действия, мы далеки от тени малейшего осуждения Вас, которого почитаем, как великого страдальца и страстотерпца за Русскую Церковь, Вами законно возглавляемую. Так некогда, в конце XVIII и начале XIX века, Вселенские Патриархи произносили прещения на единоверных им греков, боровшихся за освобождение родины, и не могли иначе поступить по своему долгу подданных султана, следуя, как ныне Русская Церковь, слову Апостола о повиновении мирским властям.

Но подобно сему, поймите, Высокопреосвященнейший Владыко, вместе с другими Вашими Преосвященными сотрудниками, и *наши* заботы и *наш* долг попечения о многосотысячной массе православных русских эмигрантов, примите во внимание особенности пастырства здесь, а также и совершенно противоположное Вашему наше общее политическое положение.

Положение наше столь сейчас отлично от Вашего, общение с Вами так затруднительно, разъяснения зачастую совершенно невозможны, как невозможны и личные взаимоотношения, столь необходимые и иногда канонически обязательные, что невозможно ни для Вас составить полное и верное представление об особенностях зарубежной церковной жизни и о нуждах и состоянии зарубежных приходов, ни нам объясниться с Патриархией и исчерпывающе ответить на Ваши вопросы и на Ваши обвинения. Поэтому мы принуждены признать, что наступил период временного перерыва нормальных административных сношений с Патриархией и невозможности получать от Вас распоряжения, причем, однако, мы ни в чем не разрываем канонической связи нашей с Матерью Церковью Всероссийской и считаем себя в положении тех многочисленных частей Русской Церкви, которые находятся за рубежом в лимитрофных странах и инославных государствах в разных частях света.

Подробно о сем, Ваше Высокопреосвященство, получите донесение от Высокопреосвященнейшего Митрополита Евлогия, я

Из переписки Заместителя Патриаршего Местоблюстителя

же привел эти соображения лишь для того, чтобы объяснить, почему я не могу принять на себя управление Западно-Европейскими приходами, почему это вообще вредно для пользы церковной и, наконец, практически неосуществимо.

Испрашивая первосвятительских молитв Ваших, с глубочайшим уважением и братскою о Христе любовью,

имею честь быть
Вашего Высокопреосвященства
нижайший послушник Владимир,
Архиепископ Белостокский

40

8/21 июля 1930 г.

№ 1905

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему СЕРГИЮ,
Митрополиту Нижегородскому,
Заместителю Местоблюстителя Московского
Патриаршего Престола

Ваше Высокопреосвященство
Милостивейший Архипастырь,

Я получил указ Вашего Высокопреосвященства и состоящего при Вас Временного Патриаршего Синода от 10 июня с. г., за № 1518, об увольнении меня от управления русскими православными церквами в Западной Европе и о передаче этого управления Высокопреосвященнейшему Архиепископу Владимиру.

Позвольте мне доложить Вашему Высокопреосвященству о тех крайних, непреодолимых затруднениях, которые встретились при исполнении этого указа. Мои предыдущие объяснения от 14/27 апреля показались Вам написанными в тоне «неискреннем и даже вызывающем». Свидетельствую своею архиерейскою совестью, что там не было ничего неискренного, а тем более вызывающего. С тою же совершенною искренностью представляю на благоусмотрение Ваше и мое настоящее объяснение.

Упомянутые затруднения в исполнении последнего Вашего указа — и внешние, и внутренние. К первым относится прежде всего решительный отказ Высокопреосвященнейшего Архиепископа Владимира принять от меня управление по основаниям, о которых он лично докладывает Вашему Высокопреосвященству. Другую трудность Вы изволите усмотреть из прилагаемых при сем документов.

Я управляю Западно-европейскими православными русскими церквами на правах епархиального архиерея (указ Святейшего Патриарха Тихона от 26 марта/8 апреля 1921 года, за № 423), и потому мое управление организовано как епархия.

Так как указ был адресован не только мне, но каждому из служащих в епархии епископов, а также и Епархиальному Управлению, то каждая из означенных организаций, т. е. и Совещение епископов, и Епархиальный Совет определили свое отношение к нему. Наконец, так как этот указ глубоко затрагивает самые основания жизни нашей епархии, то о нем высказалось Епархиальное Собрание, созыв которого случайно совпал со временем получения указа. Таким образом, по этому поводу прозвучал объединенный и организованный голос всей епархии, всего духовенства и мирян ее, и вот этот единодушный соборный голос всей моей паствы решительно заявил о невозможности для меня в настоящее время оставить управление вверенной мне волею покойного Патриарха Тихона и убиенного Митрополита Петроградского Вениамина епархии. Я не мог не внять этому голосу епископата, клириков и мирян, не мог и не могу оторваться от своей паствы и оставить ее обезглавленной, и это является новою великою трудностью при исполнении мною названного указа.

Из тех же прилагаемых при сем документов Вы изволите усмотреть и внутренние, еще большие трудности.

Мне не предъявлено обвинения ни в каком преступлении церковного характера. Я обвиняюсь лишь в том, что не сдержал своего обязательства быть лояльным к Советской власти, т. е. преступлении государственном, политическом. Но если бы и было в действительности такое преступление, неужели оно достаточно для того, чтобы за него без суда, в порядке административном, уволить меня, как епархиального епископа, от управления епархией? Церковные каноны Вселенской Церкви строго оберегают положение епископов и не знают столь легкого ли-

шения их кафедр. Не говоря уже о канонах древней Вселенской Церкви (IV Всел. Соб. 21, и друг.) и последний Всероссийский Поместный Собор строго ограждает эти права епископа; в ст. 18 определений означенного Собора об Епархиальном управлении говорится, что архиерей пребывает на кафедре пожизненно и оставляет ее по церковному суду или по постановлению высшей церковной власти, последнее только в исключительных и чрезвычайных случаях. И если правила церковные так строго ограждают положение епископа при обвинениях его в церковных преступлениях, то они не знают ничего о преступлениях политических. По Вашим собственным справедливым словам, Церковь не может судить за политические преступления, так как это не предусмотрено церковными канонами: «Она не может принять на себя надзора за политической благонадежностью верующих и тем паче не может взять на себя функций экзекуторских и применять церковные кары для отмщения недоброжелателям Советской власти». Как согласить эти слова с только что состоявшимся определением о лишении меня управления русскими православными церквями в Западной Европе — я искренне недоумеваю.

Но было ли в действительности совершено мною даже то политическое преступление, за которое на меня наложена такая кара? Изменил ли я данному Вашему Высокопреосвященству обязательству о лояльности к Советской власти? Я решительно утверждаю, что нет, уже по тому одному, что ни я, ни вверенное мне духовенство *такого* обязательства никогда не давали.

Как можно это видеть из происходившей по этому поводу моей переписки с Вашим Высокопреосвященством, все, что мы могли обещать и действительно обещали — это невмешательство Церкви в политику («я обязуюсь твердо стоять на установившемся уже у нас, согласно заветам Святейшего Патриарха Тихона, положении о невмешательстве Церкви в политическую жизнь и не допускать, чтобы в подведомственных мне храмах церковный амвон обращался в политическую трибуну» [донесение от 30 августа — 12 сентября 1927 года, за № 1823]). Уточняя это свое обязательство, я говорил, «что всякая политика должна быть удалена из Церкви и что только христианское освещение жизни и религиозно-нравственная оценка ее явлений должны составлять задачу деятельности духовенства. Отказать-

ся от этого религиозно-нравственного освещения жизни во всех ее проявлениях Церковь и, следовательно, духовенство, конечно не может, и в этой области у нас непримиримое расхождение с Советскою властью, которая ставит себе целью искоренение Бога из души человеческой» (донесение от 29 октября 1927 года, за № 2227). Вот с этим, так выраженным обязательством я строго согласовал свою церковную деятельность и от этого никогда не отступал. «Разумеется, — говорил я в письме от 17 февраля 1928 года, — молитва церковная во всех ее видах и проявлениях, объемлющая все стороны человеческой жизни, отвечающая на все запросы души христианской, должна составлять первейший и главнейший долг духовенства; не исключается отсюда и молитва по поводу тех или иных событий общественной жизни, поскольку она не превращается в недостойную, а тем более кощунственную демонстрацию». Панихиды по жертвам революции, по расстрелянным Советскою властью инженерам (фон Мекк, Величко и др.) были именно таким видом общественной молитвы, по просьбе моей паствы. Как уже я докладывал Вашему Высокопреосвященству, я не мог отказать ей в этой молитве. Я не мог и не имел права входить в расследования, по каким побуждениям просят этой молитвы. Мой отказ вызвал бы справедливый протест и, быть может, многих оттолкнул бы от Церкви. В своих проповедях я иногда касался вопроса о преследовании религии и Церкви в СССР и призывал слушателей к молитве о прекращении этих гонений. Я не видел и теперь не вижу в этих словах никакой политики. И, в частности, не имеет политического характера мое участие в общенародных молениях за страждующую Русскую Церковь в Лондоне. У меня и в мыслях не было создания какого-то фантастического «крестового похода» против Советской власти. Я лишь был увлечен этим необыкновенным движением пробудившейся религиозной совести, взволнованной страданиями Русской Церкви, этим высоким подъемом молитвенного сочувствия к ней во всех странах мира. Ведь молились везде, и в Европе, и в Америке, молились не только представители инославных исповеданий и даже нехристиане, — молились и все Православные Церкви. Экзарх Вселенского Патриарха Митрополит Фиатирский Герман², живущий в Лондоне, устроил торжественное богослужение в своем храме и говорил горячую проповедь о страданиях Русской Церк-

ви, и вместе со мною участвовал в этих молениях в англиканских храмах. Покойный Патриарх Сербский Димитрий³ посвятил этому всенародному молению за Русскую Церковь всю Крестопоклонную неделю Св. Четырдесятницы и разослал грамоту главам автокефальных Церквей с призывом к этому молению. Такие же общенародные моления совершались в Иерусалимской, Александрийской, Кипрской, Элладской, Болгарской и др. Церквях. Мог ли я, представитель именно той Церкви, о которой молился, можно сказать, весь мир, оставаться глухим, равнодушным и безучастным к этим удивительным проявлениям любви и сострадания к ней? Ведь это значило бы потерять весь свой нравственный авторитет и окончательно оттолкнуть от себя всю свою паству.

Вообще, мне кажется, что Вы недостаточно уясняете себе настроение моей заграничной эмигрантской паствы. Вы не знаете, какое волнение и даже негодование вызвало в ней в свое время Ваше предложение мне и вверенному мне духовенству о выражении лояльности к Советской власти, поскольку самое наше пребывание за границей, в качестве вынужденных эмигрантов, является отрицанием этой лояльности. Мне стоило больших усилий успокоить это волнение. Даже мое скромное обязательство не вмешивать Церковь в политику встречено было весьма неодобрительно в значительной части нашей эмиграции, стоило мне потери нескольких приходов и вызвало постоянные, непрекращающиеся доселе обвинения меня в соглашательстве с большевиками, в подчинении Церкви Советской власти и т. п. Я не говорю уже о том, как расценивается в этих кругах Ваша деятельность, — особенно после столь на шумевшего и, простите, Владыко, очень смутившего многих сообщения об интервью с представителями иностранной прессы о том, что в СССР нет гонений на Церковь... И вот в то время, когда я напрягаю все усилия, чтобы поддержать единение наших заграничных церквей с Матерью Русской Церковью, чтобы рассеять всю клевету и все соблазны относительно Вашей церковной деятельности и разъяснить всю высоту и всю тяжесть Вашего самоотверженного святительского служения, Вы наносите мне такой удар, который в корне разрушает всю мою работу и дает в руки не только врагов, но и всех колеблющихся, сомневающихся (а таких ведь огромное большинство) повод думать о том, что церковное

управление в СССР лишено свободы, порабощено Советскою властью и т. п.

Наконец я должен указать на те гибельные последствия, которые неизбежно принесло бы церковной жизни нашей епархии исполнение указа от 10-го июня. Оно внесло бы огромное потрясение, великую смуту и расстройство в эту жизнь. И опять это не мое личное мнение, — это тревожный голос всего нашего Епархиального Собрания, всех епископов, клириков и мирян. В течение девяти лет, с великим трудом и преодолевая разнообразные препятствия, я старался под сению Церкви объединить всех рассеянных по разным странам и духовно очень разрозненных русских изгнанников-эмигрантов. Мне удалось создать 67 приходов, наладить в них церковную жизнь, построить и привести в порядок много церковных храмов, юридически защитить и сохранить ценное церковное имущество, создать в Париже Сергиевское Подворье и устроить при нем Богословский Институт, завязать сношения с представителями инославных исповеданий. Вся эта сложная и трудная работа будет расшатана в своих основаниях с моим уходом, и особенно пострадает юридическая защита наших церковных имуществ, связанная с моим именем. Поняв этот указ, как акт насилия над Церковью Советской власти, моя паства частью оттолкнется в сторону карловацкого течения, частью будет увлечена в сети латинства и разнообразных сект. К тому же я ясно предвижу, что она просто не примет нового присланного ей епископа, он останется без пасомых; в крайнем случае за ним пойдут очень немногие, создавая новый отрыв, новую смуту в среде нашей паствы. В предвидении столь грозной опасности для нашей епархии, как я могу решиться исполнить этот указ, несущий ей столько нестроений и бедствий?

Итак, я привел, как мне кажется, достаточные основания к тому, чтобы признать указ от 10 июня а) несоответствующим нашим церковным законам, б) построенным на неверных, ошибочных основаниях и в) несущим несомненное расстройство в жизнь вверенной мне епархии. По всем изложенным основаниям, я по своей архиерейской совести крайне затрудняюсь исполнить этот указ и вместе со всеми епископами, клириками и мирянами нашей епархии усерднейше ходатайствую перед Вашим Высокопреосвященством и временным Патриаршим Синодом об его отмене.

Отклонение этого нашего единодушного ходатайства означало бы, что между нами, к великому несчастью, уже создалась такая глухая, непроницаемая стена взаимного непонимания, при которой и нам остаются непонятными все тягостные обстоятельства жизни Московской Патриархии, обуславливающие такие распоряжения, и Вам нельзя со всею ясностью разобраться в наших церковных делах и иметь о них правильное, свободное суждение, т. е. создалось тягостное положение нашего фактического разобщения, подобное тому, которое предусмотрено постановлением Святейшего Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 20 ноября 1920 года, где говорится о разрыве связи отдельных епархий с центральной высшею церковною властью, вследствие военных фронтов и перемещения государственной границы. Недавно в своем обращении к Митрополиту Варшавскому Дионисию⁴ Вы рекомендовали ему положить в основу церковной жизни это постановление. Очевидно, и для меня, как и для всех наших заграничных церквей и приходов, для обеспечения правильного, свободного и мирного течения их жизни, настало время вступить на путь следования этому же постановлению, т. е., не разрывая своего канонического единения с Матерью Русскою Церковью и Ее высшею церковною властью, временно, во внутреннем управлении этими церквами действовать самостоятельно, без сношений с нею до тех пор, пока эти сношения не станут свободными и беспрепятственными.

Таким образом, оставаясь с Вашим Высокопреосвященством в единении веры, любви и молитвы, я, руководствуясь пунктами 2 и 4 означенного постановления, вынужден временно «воспринять» на себя всю полноту власти, предоставленной епархиальному архиерею церковными канонами, впредь до восстановления правильных, нормальных сношений с высшею властью Русской Церкви, на суд которой я представлю тогда всю свою церковную деятельность. К этой же власти, т. е. к будущему Патриарху или Поместному Собору я направлю тогда и свою апелляцию на постановление указа от 10 июня 1930 года, если он не будет отменен.

Испрашивая Ваших святых молитв и благословения, с глубоким уважением и совершенною о Христе преданностью, имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства
смиранный послушник
Митрополит Евлогий

При сем прилагаются:

- а) Акт Совещания епископов,
- б) постановление Епархиального Совета,
- в) заключение Епархиального Собрания.

41

30 июня 1930 г.

№ 1729

А К Т

Совещания Епископов, входящих в состав управления русскими православными церквами в Западной Европе: Митрополита Евлогия, Архиепископа Владимира, Архиепископа Александра⁵, Епископа Сергия и Епископа Вениамина.

Слушали: указ Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Сергия и состоящего при нем временного Патриаршего Синода от 11 июня 1930 года №1518

а) об увольнении Митрополита Евлогия от управления западно-европейскими русскими церквами за нарушение данного им обязательства о лояльности к советской власти, выразившееся в участии его в Лондоне в молениях за Русскую Церковь, каковые моления носили, по мысли указа, политический характер и имели целью мобилизовать не только общественное мнение, но правительства всех государств Западной Европы на крестовый поход против означенной власти, и

б) о передаче управления русскими западно-европейскими церквами Архиепископу Владимиру.

Справка 1. Ни в каком церковном преступлении Митрополит Евлогий не обвиняется.

Справка 2. Митрополит Евлогий и вверенное ему духовенство никогда не давали обязательства о лояльности к советской власти, — они обязывались лишь не обращать церковного амвона в политическую трибуну, разумея под этим невмешательство Церкви в политику. Случайные выступления отдельных лиц, не носившие, быть может, иногда строго церковного характера, не нарушали общего аполитического направления церковной жизни, которое ведет Митрополит Евлогий.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ

Справка 3. Митрополит Евлогий во время своего пребывания в Лондоне никаких политических выступлений не делал и лишь участвовал в общенародных церковных молениях за Русскую Церковь совместно с Экзархом Вселенского Патриарха Митрополитом Фиатирским Германом, и эти моления ни в какой мере не имели приписываемых им политических целей.

Справка 4. Архиепископ Владимир заявил, что он решительно отказывается принять управление западно-европейскими русскими церквами.

Справка 5. Присутствующие на Совещании епископы высказали убеждение, что устранение Митрополита Евлогия от управления означенными церквами и передача этого управления в другие руки в настоящее время внесет большую смуту в жизнь западно-европейских приходов и повлечет за собою их расстройство.

Постановили: Принимая во внимание, во-первых, что Митрополит Евлогий не обвиняется ни в каком церковном преступлении, во-вторых, что Митрополит Евлогий и вверенное ему духовенство никогда не давали обязательства о лояльности к советской власти и обещались лишь воздерживаться от вовлечения Церкви в политику, в-третьих, что Митрополит Евлогий в Лондоне не делал никаких политических выступлений и лишь принимал участие, совместно с Экзархом Вселенского Патриарха в общенародных церковных молениях за Русскую Церковь, что, в-четвертых, Архиепископ Владимир решительно заявил о своем отказе принять управление западно-европейскими церквами, и, наконец, в-пятых, что устранение Митрополита Евлогия от управления вышеозначенными церквами в настоящее время вызовет, несомненно, совершенное расстройство в жизни этих церквей, — просит Митрополита Евлогия все изложенные соображения представить Заместителю Местоблюстителя Высокопреосвященному Митрополиту Сергию и временному Патриаршему Синоду на предмет отмены принятого ими решения, как утвержденного на неверных основаниях и угрожающего полным расстройством церковной жизни в русских православных приходах Западной Европы.

Митрополит Евлогий
Архиепископ Владимир
Епископ Сергей
Епископ Вениамин
Архиепископ Александр

ВЫПИСКА

из журнала 21-го заседания Епархиального Совета
от 26 июня 1930 года

Епархиальный Совет, в заседании своем 26 июня, заслушав,
1. Указ Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Сергия и временного Патриаршего Синода от 11 июня с. г., за № 1518, Епархиальному Управлению об увольнении Митрополита Евлогия от управления русскими церквами в Западной Европе и поручении оного временно Архиепископу Белостокскому Владимиру.

2. Суждение по сему вопросу прибывших на заседание Преосвященных Митрополита Евлогия, Архиепископа Владимира, Архиепископа Александра, Епископа Сергия и Епископа Вениамина.

ПОСТАНОВИЛ:

принимая во внимание, во-первых, что указ Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, изданный в исключительно трудных условиях, в которых находится в Москве высшая церковная власть, каковые условия лишают возможности знать не только в полноте, но даже в соответствии с действительностью фактическое положение за границей России, — основывается на неверном представлении о деятельности Митрополита Евлогия как в Лондоне, так и вообще,

во-вторых, что прочие, вменяемые в вину Митрополиту Евлогию поступки, именно панихида по жертвам революции, панихиды по расстрелянным являются актами свободных русских людей, ищущих утешения в церковной молитве в тяжкие минуты своей жизни и отказ им в этом был бы совершенно невозможен, вызвав у них глубокое возмущение и пагубное уныние,

в-третьих, вообще, что свобода политического убеждения зарубежного духовенства была неоднократно оговорена Митрополитом Евлогием, отказавшимся принять обязательство лояльности к советской власти и давшим лишь обещание не вмешивать Церковь в политику, что и проводится неуклонно,

в-четвертых, что именно изложенные в указе мысли являются политическими и по этим не церковным, а политическим соображениям вынесено постановление об увольнении Митрополита Евлогия,

в-пятых, что церковная власть Митрополита Евлогия над русскими западно-европейскими приходами покоится на акте высшей Всероссийской церковной власти в лице в Бозе почившего Патриарха Тихона и соединенного Присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета и по точному смыслу канонов, а также и положения Московского Священного Собора о власти епископа не может быть отъята иначе, как по суду, правильная организация которого в настоящее время в Москве невозможна, а распоряжение Заместителя Местоблюстителя является актом административным, и потому недостаточным,

в-шестых, что устранение от управления Митрополита Евлогия вызовет бурные волнения и возмущения в приходах, жизненно связанных со своим Епархиальным архиереем, что приведет к разложению и распаду приходов и поколеблет во многих душах самую веру в Православную Церковь,

в-седьмых, что самое осуществление перемены управления не возможно по причине имеющего несомненно последовать отказа духовенства и приходов подчиниться такому распоряжению,

в-восьмых, с глубоким удовлетворением приветствуя мудрое решение Архиепископа Владимира, решительно отказавшегося принять в таких условиях управление епархией.

Епархиальный Совет сыновне умоляет Владыку Митрополита Евлогия продолжать нести ниспосланный ему тяжкий крест управления верно ему и Русской Церкви зарубежною паствою, врученной ему в законном порядке высшею Всероссийскою церковною властью в лице приснопамятного Святейшего Патриарха Тихона и состоявших при нем органов высшего церковного управления.

*Председатель Епархиального Совета
Протоиерей Иаков Смирнов*

Париж
27 июня
1930 г.

ВЫПИСКА

из журнала первого заседания Епархиального Собрания,
состоявшегося 29-го июня 1930 года, в Париже,
на Сергиевском Подворье,
под председательством Его Высокопреосвященства
Высокопреосвященнейшего Митрополита Евлогия

Епархиальное Собрание в лице клириков и мирян присоединяется к акту Совещания епископов и единодушно обращается к Митрополиту Евлогию с усердным ходатайством не оставлять управления вверенной ему волею Святейшего Патриарха Тихона и убиенного Митрополита Петроградского Вениамина Западно-Европейской епархии, мотивируя свое ходатайство следующими соображениями:

1. Указ Митрополита Сергия частью основан на несоответствующих действительности данных о деятельности Митрополита Евлогия (обвинение в политических намерениях при молениях о гонимой Церкви Русской), частью на вменении ему в вину таких деяний, которые являются прямым архиерейским долгом, как служение панихид по убиенным и открытая религиозно-нравственная оценка различных явлений общественной жизни, о чем Владыка Митрополит Евлогий сообщал Митрополиту Сергию в самом начале становления сношений с Патриархией в 1927 году, и, наконец, на указаниях о нарушении обязательства лояльности, какового ни Митрополитом Евлогием, ни вверенным ему духовенством не было дано.

2. Административный порядок устранения Митрополита Евлогия, управляющего русскими приходами Западной Европы на правах епархиального архиерея, не соответствует священным канонам и постановлениям Московского Собора, ограждающим права епископов.

3. В содержании указа, именно в его мотивах и изложении имеются признаки внешнего, нецерковного давления.

4. Устранение Митрополита Евлогия от управления приведет к неминуемому разложению приходов и принесет огромный вред делу самой Церкви.

5. При таких условиях наступил фактический перерыв нормальных административных сношений с высшею церковною

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ

властью в России, и прекратилась возможность получать от последней свободные волеизъявления в области административного управления епархией, и потому наступил момент для епархии и правящего ею архиерея подчиниться указаниям, преподанным по благословию Святейшего Патриарха Тихона в Постановлениях Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 20-го ноября 1920 года (п.п. 4 и 5), а именно:

а) не порывая духовной канонической связи с Матерью Всероссийской Церковью в вере, молитве и любви и оставаясь верными ее заветам и постановлениям Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг., впредь до восстановления нормального положения, признать временно невозможными дальнейшие сношения с Заместителем Местоблюстителя и состоящим при нем Временным Патриаршим Синодом;

б) согласно указанному постановлению Высшей Всероссийской Церковной Власти от 20-го ноября 1920 года, законному правящему епископу православных русских церквей в Западной Европе Митрополиту Евлогию воспринять полноту власти во вверенной ему епархии, строго соблюдая требования, изложенные в названном постановлении от 20-го ноября 1920 года.

С подлинным верно.

Секретарь Епархиального Управления

Аметистов

44

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Сергию,
Митрополиту Нижегородскому,
Заместителю Местоблюстителя
Московского Патриаршего Престола,
Вениамина, Епископа б. Севастопольского

ДОКЛАД

Получив указ об определении Вашего Высокопреосвященства и Патриаршего Синода от 10 июня за № 108, адресованный мне на Сербию, откуда он был переслан в Париж, долг имею

объяснить Вашему Высокопреосвященству свое присутствие во Франции. Согласно Вашему и Священного Синода решению я пребывал на покое в Сербском монастыре около двух лет; и имел намерение и духовные основания, о коих я докладывал Вашему Высокопреосвященству еще в 1927 году, продолжать монастырскую жизнь и далее, с помощью Божией.

Но летом 1929 года Высокопреосвященный Митрополит Евлогий обратился ко мне с предложением возвратиться в Парижский Богословский Институт⁶, откуда я уехал в Сербию вследствие церковных разногласий. В виду того, что в последнем вопросе Ваше Высокопреосвященство и Священный Синод стали на сторону Митрополита Евлогия, я, подчинившись Вам, не видел уже препятствий к своему возвращению в Институт.

Но находясь в непосредственном ведении Вашем и Священного Синода, я просил Митрополита Евлогия снестись с Вами; в случае Вашего согласия или прямого указа я обещал принять это как *послушание Вам*, сам не ища ничего, кроме монастыря.

Высокопреосвященный Митрополит Евлогий не раз сносился по этому вопросу с Вашим Высокопреосвященством. Не получив прямого ответа, он, однако, счел за правильное понять это, как неимение препятствий с Вашей стороны; и потому известил меня, что «дело о наречении» моем на службу «в Богословский Институт окончено». А за тем мне была послана и «официальная бумага» о назначении меня им «совместно с Совещанием Епископов» на прежнее место инспектора Института. Не имея оснований сомневаться в истинности истолкования Митрополитом Евлогием воли Вашего Высокопреосвященства, я принял назначение, как послушание Вам; — о чем и писал неоднократно в Париж, помня решение Ваше и Священного Синода, чтобы я пребывал на покое «впредь до новых распоряжений». Сознаюсь, что я в данном случае не исполнил в точности буквы этого определения, — в чем и прошу прощения; но одновременно я опасался быть нарушителем воли Вашей, зная которую, естественно, лучше было Высокопреосвященному Митрополиту, более часто сносившемуся с Вами, чем мне, оторванному в Сербской глуши.

А кроме сего, после молитвы, я усмотрел в этом и волю Божию; так как все это совершалось без моей воли и намерений.

И потому к ноябрю 1929 года я и возвратился в Париж, к дорожному делу воспитания студентов, отлично духовно настроенных.

Но адресование последнего указа на Сербию ввело меня в недоумение: из этого я, по-видимому, должен сделать тот вывод, что я в Вашем представлении о мне не только продолжаю жить в монастыре Сербском, а не в Париже; но и, как пребывающий на покое Епископ, остаюсь по-прежнему в прямом подчинении Вашему Высокопреосвященству и Патриаршему Священному Синоду.

Докладывая о сем, долг имею просить *разъяснений* о моем положении.

А вместе с тем, Богу содействуя, я, побуждаемый велением совести, в попечении о спасении души своей, снова долг имею представить Вашему Высокопреосвященству, что и ныне, как и три года назад, я почитаю более полезным для себя жить опять в *монастырской* обстановке к созданию которой я прилагал усилия и во все это время пребывания в Париже, ища способов и средств устроить здесь скит. Посему, если это Богу угодно, прошу снова благословения Вашего Высокопреосвященства и Священного Синода на возвращение меня к прежнему положению *покоя* в монастыре; тем более, что в этом стремлении у меня есть уже единомышленники, как из бывших послушников, так и новые ревнители иноческого постнического и трудолюбного жития.

Представляя все сие на благоусмотрение Вашего Высокопреосвященства и Священного Синода, и усердно молясь о даровании Вам благодатной помощи в управлении Православной Русской Церкви, и испрашивая благословения Вашего и Священного Синода на меня, недостойного, честь имею быть Вашего Высокопреосвященства и Священного Синода послушником и грешным богомольцем,

Вениамин, Епископ б. Севастопольский

1930 года 25.VI/8.VII

Париж XIX

93 rue de Crimée.

Богословский Институт

11/24 июля 1930 года

№ 1906

В Канцелярию Московской Патриархии.

Канцелярия Епархиального Управления имеет честь представить при сем в Канцелярию Московской Патриархии:

1. Письмо на имя Высокопреосвященнейшего Митрополита Сергия Высокопреосвященнейшего Митрополита Евлогия от 8/21 июля 1930 года, за № 1905, с тремя приложениями (акт совещания епископов, постановление Епархиального Совета и заключение Епархиального Собрания).

2. Письмо на имя Высокопреосвященнейшего Митрополита Сергия Высокопреосвященнейшего Архиепископа Владимира от 5/18 июля 1930 года, за № 1904, и

3. Доклад Преосвященного епископа Вениамина от 8 июля 1930 года.

Секретарь *Аметистов*

28 октября 1930 г.

№ 4563

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Митрополиту Евлогию,
Управляющему Русскими Церквями в Западной Европе

Высокопреосвященнейший Владыко.

Письмом от 8/21 июля с. г. за № 1905 Ваше Высокопреосвященство сообщает мне, что указ Патриархии о Вашем увольнении встречает непреодолимые, по Вашему мнению, препятствия к своему исполнению и что подведомые Вам Епархиальное Собрание и Совет пришли к решению порвать административно-канонические отношения к Патриархии. Донося, однако, о та-

ком положении дела, Ваше Высокопреосвященство просите об отмене вышеназванного указа и, следовательно, выражаете желание, чтобы вопрос об отношениях между нами не считался окончательно решенным. Это дает мне основание обратиться к Вам с нижеследующими разъяснениями.

I. Свой административный разрыв с Патриархией Ваше Высокопреосвященство хотите обосновать на указе Святейшего Патриарха от ноября 1920 года. Но указ этот предусматривает, так сказать, физическую невозможность сношений с церковным центром; у нас же с Вами, по Вашему собственному признанию, скорее только взаимное непонимание. Главное же, все теперешние Ваши соображения имели полную силу и в 1927 году, когда у нас шла переписка об оставлении Вас и подведомых Вам приходов и духовенства в ведении Патриархии. Тогда Ваше Высокопреосвященство не обинуясь называли Заместителя и Временный при нем Патриарший Священный Синод своим «прямым каноническим начальством», которое, вопреки претензиям Карловацкой группы, одно вправе решать основные вопросы заграничного церковного управления, как например, вопрос о распределении приходов между архиереями (см. Ваше письмо от 30 августа/12 сентября 1927 года). К суду этого начальства, как вполне компетентному и окончательному, Вы и апеллировали при разногласии Вашем с Карловацкой группой и решению этого суда подчинились. Вы не только признали правильным осуждение Карловацкой группы, но и явились отчасти исполнителем приговора Патриархии, обратившись по нашему поручению к названной группе с увещанием подчиниться суду Патриархии и прекратить самочиние. И после этого Ваше Высокопреосвященство теперь повторяете то, за что была осуждена Карловацкая группа, и оправдываете себя теми же доводами, какими пользовалась и, весьма неудачно, по Вашему же суждению, Карловацкая группа.

Вы успокаиваете себя (по примеру Карловацкой группы) тем, что порывая с теперешним Московским церковным центром, Вы будто бы не порываете с Русской Церковью. Увы, это теперь уже избитая «лесть» (самообман) всех, не желающих подчиниться неугодному им распоряжению Патриархии и, в то же время, не имеющих смелости открыто учинить раскол (п. ч. они сознают отсутствие достаточных оснований). «Кто вне Епископа (законного предстоятеля Церкви), тот и вне Церкви»

(Св. Киприан). А значение первого Епископа в области аналогично этому, как это видно, например, из сопоставления 13 правила Двукратн. Соб. с правилами 14-м и далее с 15-м.

Излишне доказывать, что, отказав в подчинении Заместителю, Вы окажетесь ослушником и Местоблюстителя и потому напрасно будете прикрываться возношением имени последнего, по примеру других раскольников.

II. Постановление о Вашем увольнении Вам представляется неподлежащим исполнению, как мотивированное политическим обвинением и притом возводящее на Вас несуществующую вину: обязательства лояльности, по Вашим словам, Вы не давали.

Напомню Вам, что вопрос о заграничном духовенстве возник у нас (см. «Декларацию»⁷ нашу от 16/29 июля 1927 г.) из-за того, что некоторые из заграничного духовенства, не состоя в советском гражданстве, позволяли себе открыто и публично выступать против Советской власти, а эти выступления бросали тень на Патриархию, в ведении которой означенные лица продолжали состоять. Чтобы гарантировать себя от этого на будущее время, Патриархия и решила потребовать от заграничного духовенства обязательство лояльности. Так как при этом речи о принятии советского гражданства не было, то ясно, что слово «лояльность» употреблялось Патриархией не в узкоспециальном смысле (приложимом только к гражданам), а смысле широком, так сказать, минимальном: в смысле гарантии от выступлений. Смысл требования Патриархии и цель его Вам были совершенно ясны, и Вы не находили в них ничего по существу неприемлемого или противного церковным правилам. Вы находили только неудачным термин «лояльность», который в эмигрантской среде может породить недоразумения и отпугнет многих. Поэтому Вами предложена была своя формула обязательства: о недопущении обращать церковный амвон в политическую трибуну. Конечно, и эта формула должна была быть понимаема при свете нашей Декларации и вообще в контексте всей нашей с Вами переписки по этому делу, т. е. в смысле, опять-таки, гарантии от выступлений. Иначе с Вашей стороны это был бы ответ не на вопрос. Вот почему Патриархия эту формулу одобрила и Вами потом были представлены списки духовных лиц, давших Вам обязательство по такой формуле. Эти лица, под Вашим главенством, и были оставлены в ведении Патриархии, а не давшие — исключены.

Требование Патриархии Вам не представлялось тогда актом чисто политическим; так как оно касалось лишь лиц, желавших сохранить свое служебное положение в ведомстве Патриархии и явилось лишь требованием служебной дисциплины, продиктованным соображениями церковной пользы и порядка. Почему же, в таком случае, взыскание за неисполнение данного обязательства будет актом чисто политическим и компетенции церковной власти не подлежит? Если исключение со службы не давших обязательств представлялось Вам естественным, то давшие и не исполнившие должны ожидать себе того же суда.

III. Свое лондонское выступление Вы не считаете нарушением какого-либо обязательства. Во-первых, потому, что происходившие в Лондоне и других местах манифестации были будто бы исключительно подъемом религиозным, без малейшей примеси политической. А, во-вторых, манифестации происходили всюду и охватили собою все верующее европейское общество без различия национальностей и исповеданий. Даже православные не-русские иерархи, каковы: покойный Сербский Патриарх и Экзарх Константинопольского Патриарха, не сочли возможным уклониться от участия в этом движении. Тем более нельзя было уклониться Вам, не рискуя потерять всякий нравственный авторитет в глазах Вашей паствы и общества.

Но Ваша характеристика манифестаций, в особенности лондонских, для всякого, мало-мальски знающего подлинное настроение английских общественных кругов по отношению к Советскому Союзу, звучит слишком неожиданно и, пожалуй, наивно, чтобы придавать ей серьезное значение. Пример указанных Вами иерархов не может служить для Вас оправданием, так как оба они ни в каких служебных отношениях к нашей Патриархии не стояли и никаких ей обещаний не давали. Почему же Вы нашли нужным разъезжать и говорить речи по инославным храмам, да еще в Англии и Лондоне, где все это совершалось наиболее шумно и где, к тому же, мысль о вооруженной интервенции наиболее популярна. Допустим, что Вы руководились наилучшими намерениями; но суду приходится иметь дело не столько с намерениями, сколько с действиями и с последствиями этих действий.

IV. Вместе со своими сотрудниками Вы считаете указ о Вашем увольнении для Вас не подлежащим исполнению, потому что Вас увольняют в административном порядке, без суда, в нарушение правил, как общесоборных, так, в частности, и на-

шего Поместного Собора 1917—1918 гг. Но Вам должно быть известно, что на тех же основаниях протестовал против своего увольнения с Московской кафедры и покойный Митрополит Макарий⁸ в 1917 году. Однако совещание Архиереев того же Собора 1917—1918 гг. признало протест митрополита Макария неосновательным и этим лишней раз подтвердило, что, устанавливая, как правило, несменяемость архиереев без суда, церковные каноны не исключают возможность и административного назначения, перемещения и увольнения архиереев, когда это совершается по решению архиереев, т. е. законного священноначалия, действующего по соображению церковной пользы.

Притом каноны говорят об архиереях епархиальных, занимающих епархиальные кафедры, Ваше же Высокопреосвященство, как и большинство архиереев-эмигрантов, заняли положение, далеко не отвечающее требованиям канонов. В частности, Вы только управляете «на правах епархиального архиерея» некоторыми приходами чужой для Вас Ленинградской епархии, имеющей своего законного архиерея. Русская Церковь никогда не претендовала на территорию Западной Европы и потому не учреждала там ни кафедр, ни епархий; она имела там лишь отдельные приходы и храмы на правах ставропигии. Значит, может быть речь лишь о временном поручении Вам этих ставропигий без выделения их из Ленинградской епархии в особую епархию. Как только Ленинградский Митрополит восстановит возможность непосредственно сноситься с иностранными приходами, он имеет все канонические права потребовать эти приходы от Вас, и Вы должны будете их передать ему без всякого суда. То, что поручение это возложено на Вас волею Св. Патриарха и с согласия покойного митрополита Вениамина⁹, не придает поручению какой-нибудь неприкосновенности. По общему правилу, распоряжение предшественника, как бы ни был высок его авторитет, не связывает его законных преемников, если церковные обстоятельства переменятся. До сих пор законная церковная власть находила удобным поручить иностранные приходы Вашему Высокопреосвященству, а в будущем та же церковная власть и с таким же правом может возвратить эти приходы к прежнему порядку управления или указать для них что-либо новое.

V. Ваша ссылка на желание паствы и ближайших Ваших сотрудников несколько не укрепляет Вашей позиции, а, наоборот, делает только, так сказать, нагляднее ее несостоятельность. В свое

время прикрывались желанием паствы и Владимир Путята¹⁰ в Пензе, и Иоанникий Соколовский¹¹ на Украине и другие, подобные им; однако никто из них этим себя не оправдал. Кстати, приговор Соборного суда о лишении Путяты архиерейского сана подписан, кажется, и Вашим Высокопреосвященством. По церковным правилам, ответственным лицом остается все-таки архиерей, дающий пред хиротонией клятвенное обещание не делать ничего вопреки канонам, «аще и от множества народа нудиму». 36-е же правило Свв. Апост. повелевает подвергать запрещению клир того города, где народ не примет законно назначенного к ним Епископа, и именно за то, «то такового непокоривого народа не учили». Долг клира, а Епископа в особенности, употреблять все усилия к тому, чтобы удержать народ на почве послушания Церкви, всячески разъясняя ему дело, а не оставаться в стороне, предоставляя народу делать, что хочет.

Конечно, есть в Вашей пастве люди, которые ни минуты не задумаются пожертвовать церковной правдой во имя далеко не церковных интересов и с легким сердцем пойдут на раскол. Но, если когда-либо, то именно в таком случае пастырь должен сделать «лицо свое, как камень» (Ис. 50:7), и один стать против всех. Пусть многие от Вас отхлынут, пусть таких будет большинство; но есть же среди заграничных пасомых настоящие христиане и подлинно-церковные люди. Они Вас не оставят, они окружают Вас еще большим уважением и любовью и поддержат; а за ними потом возвратится к Вам и то множество, которое было сбито с толку шумом, поднятым отхлынувшими.

VI. Что же касается Ваших опасений за судьбу различных церковных учреждений, созданных Вашими усилиями за границей, то все эти учреждения представляют несомненную ценность для Церкви, но только до тех пор, пока они в Церкви; вне Церкви они становятся уже отрицательной величиной, будут служить не на пользу, а во вред Церкви. Поэтому Ваш пастырский долг по отношению ко всем этим учреждениям состоит или в том, чтобы всячески беречь свое церковно-служебное положение и отнюдь им не рисковать ради каких-нибудь кратковременных и посторонних для Церкви эффектов. Или же, если служебное положение Вы не находите возможным сохранить за собой, Ваш долг не поддаваться слабости в ответ на естественное нежелание Ваших друзей и сотрудников расставаться с Вами. Наоборот, Ваш долг всячески настаивать и убеждать, чтобы

они, во имя самой привязанности к Вам, приняли возлагаемое на них послушание и с удвоенной энергией продолжали Ваши труды. Пытаться спасти свои учреждения способом, какой рекомендуют Вам Епархиальное Собрание и другие Ваши сотрудники, значило бы неизбежно погубить эти учреждения для Церкви. К данному случаю приложимо изречение Христово: «Сберегший душу свою (человеческими средствами) потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Мф. 10:39).

VII. Все вышеизложенное касается, главным образом, того выхода из создавшегося положения, какой рекомендуется Вам Епархиальным собранием и прочими Вашими сотрудниками и паствой. Ваше Высокопреосвященство не объявляете такого выхода неприемлемым и даже как будто сами склоняетесь к нему. Однако в своем письме Вы пишете не о состоявшемся уже отходе от нас и не о прекращении дальнейших с нами отношений, а, наоборот, выражаете желание сохранить эти отношения и, докладывая о неисполнимости указа, ходатайствуете об его отмене. Сознание лежащего на Вас архипастырского долга пред Церковью и предвидение всех пагубных для церковного дела последствий рекомендуемого Вам рискованного шага побудили, таким образом, Ваше Высокопреосвященство возратить дело на законный путь. Это дает и мне основание считать дело не поконченным и открывает возможность дальнейшей между нами переписки.

В ответ на Вашу просьбу, я могу сказать, что Патриархия отнюдь не намеревается непримиримо держаться раз сделанного распоряжения; что, учитывая все особенности обстановки, в которой Вам приходится действовать, Патриархия готова оказать Вам всякое внимание, до отмены уже изданного указа о Вашем увольнении включительно. Однако эта отмена может состояться лишь при соблюдении нижеследующих условий.

ПЕРВОЕ: Ваше Высокопреосвященство со всею определенностью должны осудить и отвергнуть решение Епархиального Собрания, Епархиального Совета и пр. о разрыве административно-канонических отношений с Заместителем и Священным Патриаршим Синодом, и с своей стороны, разъяснить подведомому Вам духовенству и пастве всю пагубность такого подражания уже осужденной Карловацкой группе.

ВТОРОЕ: Ваше Высокопреосвященство должны признать свое лондонское выступление, по меньшей мере, ошибкой, ложным шагом, противоречащим принятому Вами обязательству.

ТРЕТЬЕ: Ваше Высокопреосвященство должны дать Патриархии твердое обещание впредь ни в каких случаях не допускать в своей пастырской деятельности ничего подобного.

Каков бы ни был ответ Ваш на предлагаемые Вам условия, мой долг официально Вас предупредить, что если Вы все-таки предпочтете путь Карловацкой группы, Вы и все последующие Вам будете подлежать и одинаковому с названной группой суду. Также: если узко шовинистическое настроение в Вашей организации восторжествует и раскол последует; если чрез это обнаружится, что возглавляемое Вами Епархиальное Управление служит не столько объединению подлинно православных людей, ищущих для себя религиозного утешения в Церкви, сколько просто объединяет собою демобилизованные армии белых, живущие мечтами о реванше; то сохранять такое Управление в Западной Европе для Патриархии ни с какой стороны не целесообразно. Это управление будет упразднено, а, при нежелании подчиниться, будет предано Соборному Суду со всеми вытекающими отсюда последствиями. Православным же людям, которые не будут увлечены общим пароксизмом, предоставлено будет обращаться со своими духовными нуждами или по-прежнему в Ленинград, или в какое-нибудь другое место.

Не хочется, однако, верить в возможность такого исхода нашей переписки. И потому, с надеждой на лучшее, мы будем ожидать Вашего ответа до 1-го Декабря с. г.

Вашего Высокопреосвященства
Сергий, митрополит Нижегородский

47

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший Сергий,
Митрополит Нижегородский

Дорогой Архипастырь.

Долгом поставляю уведомить Вас, что все Ваши письменные официальные уведомления: указ об увольнении митр. Евлогия, ответ Ваш Константинопольскому Патриарху на предложение

его командировать митрополитов Антония и Евлогия в качестве представителей Русской Церкви на Ламбетскую конференцию, копия письма «митрополиту» Дионисию в связи с созывом в Польше первого Поместного Церковного собора — были получены мною своевременно, еще в июне месяце с. г. Не писал я Вам доселе ничего отчасти потому, что поджидал получить откуда-либо сведения о результатах деяний, которых Вы касаетесь в своих уведомлениях.

Не скажу, чтобы указ об увольнении митр. Евлогия был совершенно неожиданным даже и для меня, не говоря уже о парижских церковных сферах. Не было так же неожиданным и отношение парижан к указу; все это предвиделось. Когда уже назрел грустный факт нового церковного откола, я писал митр. Евлогию, прося его не доводить отношение к Патриархии до разрыва; но ответа, конечно, я не получил. Постановление Епархиального собрания о неподчинении указу об увольнении не было единогласным: пять членов, протестуя, оставили заседание; а др. отдельные лица, не сочувствуя постановлению, не решились твердо протестовать. Все же тяжелый факт неповиновения Высшей Церковной Власти совершился, и совершился, как мне передавали, не без большой внутренней борьбы с собою митр. Евлогия. Во всем происшедшем, можно думать, не так виноват митр. Евлогий, как церковно-политиканствующее, давившее на него своим многосторонним влиянием окружение. Быть может, это и нужно было в цели церковного отрезвления. Когда Христос был в Претории Пилата, толпа надрывалась криком: распни Его. А когда распяли, то началось движение душ обратное: многие возвращались с Голгофы, бияще в перси своя, а язычник сотник Логгин даже первый из распинателей проповедывал в Распятом Сына Божия. Не думаю, чтобы и в парижском церковном обществе теперь было бы все спокойно, даже в душах тех, которые стремились к церковному обособлению, если только они, действуя, имели в какой-либо степени искреннее причастие к действительной церковной жизни. Сперва, пока еще была горяча накаленная актом обособления атмосфера, некоторые писали в газетах пространные статьи с целью оправдать канонический разрыв; на ищущих для себя оправдания в поддержке этого разрыва они могли действовать успокоительно; но в существе своем они не выдерживают никакой более или менее серьезной критики, ибо вся аргументация их разбивается в прах

пятью справками, поставленными в начале указа, которые свидетельствуют о двухлетней взаимной переписке по поводу нарушения митрополитом Евлогием подписки о лояльности, и об отсутствии в том какого-либо прямого внешнего давления. Но теперь несомненный факт: газеты молчат, не трогают этого печального события в цели будто бы избежания вновь подымать смуту; но я думаю, понемногу идет осознание сделанной ошибки, идет внутреннее «биение в перси своя».

Там теперь напряженно ожидают от Вас ответа на просьбу епархиального собрания об отмене указа об увольнении митрополита Евлогия. Не знаю, какие у них имеются основания для надежды на получение просимого; впрочем, Ваше молчание на эту просьбу там почтут для себя лучшим, чем отрицательный ответ, ибо в нем они будут видеть хотя призрачный мотив пока считать свое церковное положение в какой-либо мере каноничным. Однако, при газетном молчании, в Париже, как сообщают мне, начинают понемногу разбираться в происшедшем, по крайней мере те из большинства, от лица которого, без спроса его о том, решили дело церковного обособления. Те же лица пишут мне, что на юге Франции есть два французских прихода, перешедших из католичества в православие, и в самом Париже есть около сотни православных французов со священниками. Они приняли православие, увлеченные подвигом веры Русской Церкви, и желают оставаться в каноническом единении с Патриаршею Церковью. Сообщающие мне обо всем этом просят меня доложить об этом Вашему Высокопреосвященству, а также и о том, чтобы Вы знали, что не все в Париже православные откололись от Вас, а есть еще горячее преданные Вам. Уведомляя Вас о сем, вместе с тем считаю долгом довести до Вашего сведения, что об удовлетворении канонических нужд французских приходов я рекомендовал самим представителям их обратиться с письменною просьбою в Вашему Высокопреосвященству хотя бы через меня. Полагаю, что этот путь есть самый правильный.

В Париже откуда-то распространился слух, что будто Вы предложили Рижскому архиеп. Иоанну произвести ревизию парижских церковных дел, но он отказался и советовал Вам вообще не назначать никого для этого дела, но Вы поручили его мне, так что там все ожидают моего приезда. Конечно, это чистый вздор, пущенный кем-то, чтобы больше смущать людей. Мне кажется, что ревизия совсем не нужна, ибо в этом деле все ясно.

В связи с поднятым в русской печати оппозиционным настроением против Вашего указа об увольнении митр. Евлогия мне не удалось напечатать Вашего письма к митрополиту Дионисию¹². Только напечатал его архимандрит Виталий в издаваемой им еженедельной газете «Прикарпатской Руси», нашло оно место и в нашем еп. органе «Литовском Голосе», имеющем ничтожное распространение. По имеющимся у меня из Польши данным дело подготовки Поместного Собора в Польше идет вяло. Предсоборная комиссия, раза три заседавшая в июле с. г., ярко обнаружившая намерение закрывать рты дерзающим говорить что-либо против предрешения, распущена до октября на летние каникулы. Но вот уже ноябрь, а она доселе не собиралась. Может быть, мешают политические дела, подготовка выборов в сейм, которые будут 16 ноября. Но в общем, как мне сообщают, народ к Поместному Собору не проявляет интереса, ибо понимающие сущность дела уверены, что из него ничего нужного не выйдет.

Ламбетская конференция состоялась. До уверенности можно предположительно сказать, что на ней ни митрополит Антоний, ни митрополит Евлогий не были. По своим немощам телесным или по неприглашению их это произошло, не знаю. В печати о ней мало сообщалось. В одной газете я прочел, что Константинопольский Патриарх стоит за сближение с Англиканской Церковью. А наш Николай Николаевич Глубоковский¹³, кстати сказать ныне немощствующий, летом перенесший два сердечных припадков, приведших его в госпиталь, а теперь вышедший оттуда и все же немощствующий, сообщает, что Кир Фотий¹⁴ с другими греками предположил соединение с тою церковью, о чем у него имеется копия секретного протокола. Как благовременно, предусмотрительно и предохранительно Вы изволили ответить Кир Фотию на его предложение делегировать на конференцию от Русской Церкви иерархов представителей. Думаю, что англикане прекрасно сознают, что без Русской Церкви ничего не выйдет. Да едва ли и греки сами будут давать большой вес своему протокольному предрешению.

В Кишиневе идет некое движение, во главе которого стоит кандидат нашей Петербургской Академии Арсений Николаевич Невзоров, на два года моложе меня по академии, возвратиться к Русской Патриаршей Церкви; ищут канонического возглавления, обращаются ко мне; а я им рекомендую, хотя бы через ме-

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ

ня, обратиться к Вашему Высокопреосвященству, ибо я не хозяин Кишиневской епархии.

Почтительнейше прошу Вас засвидетельствовать мой сердечный братский привет во Христе всем членам Патриаршего Синода и секретарям его.

Испрашивая Ваших святых молитв, честь имею оставаться с чувством совершенной преданности Вашего Высокопреосвященства нижайший послушник митрополит Елевферий.

1930 г. 20 октября/2 ноября

48

1930 г. 25 ноября/8 декабря

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший Владыко,
Милостивейший Архипастырь.

Долгом почитаю уведомить Вас, что копию письма Вашего от 28.X с. г. к митрополиту Евлогию, связанного с Указом об его увольнении, я получил, равно как и Указ Священного Синода в ответ на два мною представленных Вам прошения по вопросу о разрешении перевенчать два в близких родственных степенях незаконных сожителства.

Я очень благодарен Вам, что Вы известили меня, в каком положении находится парижское церковное дело. Для меня это очень важно, чтобы знать, как надлежит с канонической точки зрения смотреть на тамошнюю церковную жизнь и что отвечать вопрошающим меня о парижском церковном деле, ибо церковные миряне Западно-Европейской епархии, по понятному чувству, не только интересуются, но даже стремятся определить свое отношение как к самому делу, так и к стоящим в центре его лицам.

Получив от Вас указанное письмо, кажется, 15.XI нов. ст., я вскоре же написал от себя письмо митрополиту Евлогию, прося и убеждая его не порывать канонической связи с Патриархией, исправить сделанные ошибки, хотя к тому требуется поставленными условиями не малый моральный подвиг и не впасть в Карловацкий раскол. Не знаю, принесет ли мое письмо хотя

малейшую пользу грустному делу; не знаю, какой дал Вам к 1-му декабря митрополит Евлогий ответ (надеюсь, Вы меня уведомите о том), но я делал это, главным образом, по общности церковного дела, по личному сознанию того, что парижское дело, если оно более всего касается митрополита Евлогия и других, соучаствовавших с ним в деле иерархов, не чуждо и мне, как иерарху Русской Церкви. Не думаю, чтобы митрополит Евлогий и другие иерархи, особенно Архиепископ Владимир и Епископ Сергей, к которым я обращался с письмами, прямо называя их деяние греховным, неканоничным, а в душе доселе оставались непоколеблемыми в ошибочном сознании своей правоты, но окружение, окружение давит своею силою и держит их в прежнем, неправильном представлении взаимоотношения Церкви и мирской власти.

В Сербии осенью был Поместный Собор, на котором постановили молиться во всех церквах о Русской Церкви и, между прочим, высказали пожелание, чтобы Патриарх Варнава¹⁵ принял возможные меры к погашению заграничной церковной смуты. Я говорю об этом со слов газет. Если здесь идет речь о примирении Парижа с Карловцами, что весьма и весьма вероятно, то оно не уничтожит смуту, а, наоборот, только усилит, укрепит ее, ибо тогда и Париж, теперь быть может на распутье, станет на позицию Карловцев, т. е. затруднится возвращение отпавших к Матери Церкви, ибо вся суть-то заграничной распри — отделение от Нее. Выявляется внутреннее расслабление канонического сознания в Церкви вообще. Видимо, Господь к восстановлению его в надлежащей силе ведет чрез внутреннее потрясение, которое сперва охватило великую нашу Матерь, а потом перекинулось в рассеянное зарубежье, где оздоровление, вероятно, будет идти медленнее, задерживаясь ложным сознанием того, что мы-де — носители истинного Православия и выразители православно-канонического начала. Верую, что и здесь будет совершаться постепенное оздоровление.

Из Кишинева я получил сведения, привезенные из Иерусалима, из ближайшей сферы «мудрейшего», что будто митрополит Антоний¹⁶ сам устранился от председательствования в своем Синоде и передаст его архиепископу Анастасию¹⁷, который будто осуждает созданный митрополитом Антонием церковный раскол. Вы лучше знаете того и другого; поэтому правильнее можете судить, возможна ли эта смена, а я лично в это мало верю. Вчера прочел в газете, а сегодня перепечатку в другой,

что будто в Варшаве из Москвы получено известие о кончине в тюрьме митрополита Петра. Я этому тоже не поверил, так как Варшава в последнее время фабрикует много фантастических слухов, и если бы это произошло, то, полагаю, Вы уведомили бы меня об этом исключительной важности церковном событии. С некоторою робостью (не ошибаюсь ли), но с искренним чувством приветствую Ваше Высокопреосвященство с сорокалетием служения в священном сане, которое Вы, вероятно, восприняли в год окончания Вами Академии. Да пошлет Вам Господь сил и здоровья дожить в благополучии и до пятидесятилетия. Пишу это в день и своего сорокалетия священства, принятого мною от приснопамятного Еп. Иустина¹⁸, впоследствии Архиепископа Одесского, умершего на покое в Новоиерусалимской обители.

Получили ли Вы посланный мною пакет от Парижского Фотиевского братства¹⁹.

Да хранит Вас Господь в добром здравии и благополучии.

Почтительнейше прошу Вас засвидетельствовать мое нижайшее почтение и братский привет всем членам Священного Синода.

Испрашивая Ваших Св. Молитв, честь имею оставаться, с чувством глубокой Вам преданности Вашего Высокопреосвященства нижайший послушник

Митрополит Елевферий

49

26 ноября/9 декабря 1930 г.

№ 2922

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Сергию,
Митрополиту Нижегородскому,
Заместителю Местоблюстителя
Московского Патриаршего Престола

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивый Архипастырь,

Очень грустно и тяжело мне вступать с Вами в пререкания не только по личному моему расположению и глубокому уваже-

нию к Вам, но и потому, что я считаю Вас законным Заместителем настоящего возглавителя Русской Церкви — Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола Митрополита Петра. Но ведь и законная церковная власть может допускать неверные, ошибочные мнения, и потому я считаю необходимым, по долгу совести и по своему крайнему разумению, сделать некоторые замечания на Ваше обращение ко мне от 28 октября 1930 г. за 4563, конечно, не с целью вступать с Вами в полемику, а исключительно для того, чтобы выяснить, почему я, в полном согласии с состоящими в моем ведении епископами, клириками и всей моей паствою, был вынужден в епархиальном управлении временно стать на почву Указа Патриарха Тихона от 20 ноября 1920 года.

Вы пишете, что Указ этот предусматривает, так сказать, физическую невозможность сношения с центральной церковною властью, у нас же налицо только взаимное непонимание. К сожалению, это не так: мы разобщены не только взаимным непониманием друг друга, но и политически, и даже физически. Судите сами, — могу ли я, при создавшихся условиях, приехать к Вам, или возможно ли кому-либо из живущих в России епископов приехать в Западную Европу, хотя бы для ознакомления с действительным положением наших церквей и приходов? Совершенно невозможно также, по моему глубокому убеждению, и Ленинградскому Митрополиту из Ленинграда управлять этими приходами. То, что было доступно в старое время, когда, с одной стороны, так легко и удобно было взаимообщение, а с другой — заграничные церкви объединяли немногие десятки, главным образом, дипломатических чиновников с их семьями, то совершенно невозможно теперь, когда по государствам Европы рассеяны сотни тысяч русских эмигрантов и когда между нами поистине «пропасть велика утвердися», неменьшая, во всяком случае, чем между гражданами разных государств. И мудро поступили покойные Патриарх Тихон и Митрополит Петроградский Вениамин, когда, ввиду этой разобщенности, создали за границей временное, особое, самостоятельное епархиальное управление. Несомненно, мы живем в условиях новых, совершенно не похожих на те, что были в прежнее довоенное время, и условия эти, к сожалению, весьма аналогичны, почти тождественны с теми, которые предусмотрены Указом 20 ноября 1920 года.

И разве мы, утверждаясь на этом Указе, разрываем нашу каноническую связь с Матерью Русскою Церковью? Разве епископы, оторванные военными фронтами от центральной церковной власти и по необходимости временно самостоятельно управлявшие своими епархиями на основании этого указа, тем самым выпадали из спасительного лона Матери Церкви? Эта мысль совершенно чужда нашему церковному сознанию. Своим решением временно прервать административные сношения с Вами, мы отнюдь не дерзаем пренебрегать указываемыми Вами 13, 14 и 15 правилами Двукратного Собора, не желаем «рассекать тело Христово», мы остаемся в единении с Матерью Русскою Церковью, вознося в храмах имя Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола. Это не «лесть», не самообман, это тяжкая печальная необходимость, это единственный выход из создавшегося безысходного положения, мудро предусмотренный Патриархом Тихоном, при нашем внешнем разобщении, вследствие современных условий церковно-политической жизни.

И в этом временном обособлении мы вовсе не уподобляемся карловацкой группе, а по-прежнему остаемся существенно отличными от нее. Карловацкая организация, двукратно упраздненная высшею церковною властью, не только продолжает существовать, но и мнит себя каким-то высшим церковным управлением: она ставит епископов, учреждает новые епархии, возводит иерархов в сан архиепископов, митрополитов и т. д. Мы совершенно далеки от такого самочиния и всемерно его осуждаем. Я никогда не позволял себе произвольно расширять свои церковные права. Объем этих прав был точно определен в Указе Патриарха Тихона от 26 марта/8 апреля 1921 года, где было сказано, что мне поручается управление православными русскими церквами и приходами в Западной Европе *на правах епархиального архиерея*, с возношением моего имени за богослужением взамен имени Преосвященного Митрополита Петроградского; также точно в этом указе определен и срок этих моих полномочий — впредь до возобновления правильных и беспрепятственных сношений означенных церквей с Петроградом. На это последовало согласие Митрополита Вениамина. Таким образом, мне кажется, несправедливо Вы умаляете мои законные полномочия, утверждая, что я не обладаю правами епархиального архиерея и лишь временно управляю некоторою частью

бывшей Петроградской епархии, имеющей ныне своего законного архиерея. Такое ограничительное истолкование моих прав, по моему мнению, стоит в противоречии с вышеназванным указом. И до тех пор пока не истек срок данных мне высшею церковною властью полномочий, или пока я не лишен их соответствующею церковною властью, я считаю себя обладающим всеми правами епархиального русского архиерея в Западной Европе.

Но самое главное наше расхождение касается характеристики Ваших требований о нашей лояльности к Советской власти и оценки моих действий в этом отношении. И в 1927 году я признавал эти требования политическими, таковыми и даже в большей мере я признаю их и теперь. Вот почему и тогда нам приходилось так долго и подробно выяснять понятие лояльности, пока, наконец, мы условились понимать этот термин в смысле обязательства не вмешивать Церковь в политику. Тогда же я нарочито оговорил это свое обязательство тем, что ему не могут препятствовать ни молитвы церковные по поводу тех или иных событий общественной и государственной жизни, ни религиозно-нравственное освещение этих событий. В этом именно аполитичном направлении, завещанном нам Патриархом Тихоном, я всегда развивал свою церковно-общественную деятельность, избегая всяких собраний, имеющих политический характер и в этом, именно, полагал свое существенное отличие от карловацкой организации, подчинившей свободу Церкви определенным политическим течениям. И, однако, именно эти чисто церковные общественные моления всегда ставились Вами мне на вид, пока, наконец, за мое участие в молитвах за страждущую Русскую Церковь в Лондоне Вы не уволили меня от управления вверенною мне епархией. Все мои разъяснения о том, что эти молитвы не имели политического характера Вы признавали или неискренними, или наивными. Я не знаю, как и чем мне разубедить Вас в этом, как рассеять это Ваше недоверие. Может быть, теперь, когда прошло уже много времени со дня этих лондонских молений, Вы уже могли бы убедиться в том, что эти так называемые Вами западноевропейские «церковники» не замыслили никаких «крестовых походов» на Советскую Россию и не имели никакой связи с государственною политикою европейских стран. Они только молились за страждущую Русскую Церковь. И неужели я, православный епископ именно той Русской Церкви, о которой все так усердно молились, не имел права

исполнить свой долг любви к своей родной Церкви и открыто, свободно участвовать в этих молитвах?!

В церковном сознании моей паствы этот строгий запрет Ваш совершать панихиды о жертвах советского террора или моления о прекращении гонений на Церковь отозвался чрезвычайно остро, ибо всеми это было понято и истолковано в том смысле, что молитвы эти запрещаются не потому, что они имеют политический характер, а потому только, что они неприятны, неуютны советской власти, которая через Вас запрещает нам молиться по велениям нашей совести. Это, конечно, вызвало бурный и решительный протест. Напрасно скрывать, что паства моя, которую Вы с оттенком некоторого пренебрежения называете «демобилизованными армиями белых, живущих мечтами о реванше», но большая часть которой искренне верующие и преданные Православной Церкви люди, — эта, говорю, моя паства враждебно настроена к советской власти, и потому мысль о каком бы то ни было воздействии этой власти на ее религиозную свободу, на свободу молитвы чрезвычайно волнует и возмущает ее религиозную совесть. Отказываться мне от этих молений, поэтому совершенно невозможно. Своим отказом я внес бы великий соблазн в души своих пасомых укрепил бы их в том убеждении, что из Москвы и притом не столько от церковной, сколько от светской власти идет давление на их совесть, стесняется свобода веры и Церкви. И мы вместе с Вами заслужили бы обличение Господа тем, кто соблазнит единого от малых сих... и от кого соблазн приходит (Мф. 18:6—7).

Мне кажется, что я нахожусь в положении, до некоторой степени напоминающем положение Архиепископа Николая Японского²⁰ во время русско-японской войны. Ведь он, оставаясь в Японии, конечно, молился об успехах и благополучии своей японской паствы, воевавшей с Россией, и это не мешало ему ни принадлежать к Русской Церкви, ни оставаться в составе русского епископата, и Святейший Синод не находил возможным не только наложить на него за это какие-либо прещения, но и запретить ему эти молитвы.

Я еще раз представил, как мог Вашему Высокопреосвященству со всею искренностью все свои посильные соображения, по которым я со всею своею паствою решил на Епархиальном Собрании в июле этого года стать на почву Указа 20 ноября 1920 года.

Очень прошу Вас не усматривать в этом акте ни анархического самочиния, ни горделивого, греховного противления церковной власти. Он вызван исключительно сознанием нашей разобщенности и, вследствие этого, невозможности поддерживать правильные, деловые наши сношения, и заботою о мирном и свободном течении нашей церковной жизни за рубежом Родины. Несколько лет тому назад я решительно стал на оборону этой свободы от политиканствующего влияния Карловацкой группы; теперь также я и уже совместно со всею своею паствою вынуждаюсь оградиться от другого, совершенно противоположного политического влияния, идущего из Москвы, признаки которого мы так остро и больно почувствовали в последних распоряжениях Вашего Высокопреосвященства и особенно в Указе от 11 июня 1930 года. И потому, как изволите видеть, у меня нет никаких оснований к тому, чтобы выступать с словом осуждения Епархиального Собрания и Епархиального Совета за принятое ими решение — временно прервать с Вами внешние административные сношения, или стать на точку зрения Указа 20 ноября 1920 года, тем более, что я согласился с этими решениями, как свободным, объединенным и единодушным голосом состоящих в моем ведении епископов, клира и мирян, чуждым всякого принуждения. Ели бы Вы нашли возможным отменить Указ 11 июня 1930 года, тогда указанное решение отпало бы само собою и не было бы нужды применять Указ 20 ноября 1920 года. Если же это представляется для Вас невозможным, то, что делать, у нас нет другого исхода, как опереться на этот Указ, чтобы оградить свободу церковной жизни от политических влияний. Свобода Русской Церкви от государства есть великая милость Божия, дарованная нам в последнее время, и не вините нас за то, что мы ее всеми доступными нам силами защищаем.

Однако и единение с Матерью Церковью является, конечно, таким величайшим благом, что даже малейший надрыв этого единения, хотя бы в виде временного перерыва деловых сношений, конечно, мучительно терзает мое сердце. Поэтому, хотя моя совесть не упрекает меня ни в каком сознательном противлении Матери Церкви, но если моя поездка в Лондон могла показаться Вам нежелательною, то я, при всем сознании чистоты моих побуждений, очень жалею, что этим своим действием невольно причинил Вам огорчение, и, конечно, снова подтвер-

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ

жду свою готовность вести вверенную мне паству по чисто церковному пути, чуждому всякой политики.

Наконец, разрешите сделать еще одно последнее замечание. Вы угрожаете нам судом церковным. Мы не уклоняемся от этого суда, но хотим, чтобы нас судили судом праведным (Ин. 7:24), свободным судом Церкви, чуждым каких бы то ни было влияний. Наша совесть чиста пред Вами и пред Матерью Русскою Церковью, от которой мы ни в каком случае не имеем намерения отрываться, хотя временно и вынуждаемся прервать деловые, административные сношения с ее церковною властью, вследствие исключительно тяжелых обстоятельств современной церковной жизни. Мы твердо верим, что придет время, когда мы все свои деяния представим на суд нашей высшей церковной власти (Поместного Собора или Патриарха Московского), дадим ей полный исчерпывающий отчет в наших действиях и преклонимся пред ее волею. От Вашего Высокопреосвященства зависит, конечно, то или иное решение — оставить ли нас в прежнем положении, или признать наши объяснения недостаточными и так или иначе обвинить нас, но мы, неизменно мыслящие себя в единении с Матерью Церковью и горячо Ей преданные, убежденно полагаем, что не заслуживаем Вашего осуждения и усердно молим Господа, да завершатся наши разногласия благословенным миром.

*Вашего Высокопреосвященства
смиренный послушник
Митрополит Евлогий*

50

24.XII 1930 г.

№ 261

Постановление

Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и временный при нем Патриарший Священный Синод слушали:

Письмо Управляющего Русскими Церквами в Западной Европе Преосвященного Митрополита Евлогия на имя Заместителя от 26 ноября/9 декабря с. г. за 2922 о том, что он, Митрополит Евлогий, остается при решении своих Епархиального Со-

брана и Совета о разрыве административных отношений с Патриархией.

СПРАВКА. 1. Постановление от 10 июня с. г. за № 108 об увольнении Преосвященного Митрополита Евлогия от управления Русскими церквами в Западной Европе с временным поручением управления Преосвященному Архиепископу Владимиру (указ митр. Евлогию за № 1518).

2. Письмо Митрополита Евлогия от 8/21 июля с. г. за № 1905, (с приложением акта совещания подчиненных Митрополиту Евлогию Архиереев, постановление бывшего в Париже Епархиального Собрания и заключение Епархиального Совета там же) и письмо Архиепископа Владимира от 5/18 июля с. г. за № 1904.

3. Письмо Заместителя Митрополиту Евлогию от 28 октября за 4563, где указаны, между прочим, нижеследующие условия для возможной отмены указа за 1518: «ПЕРВОЕ: Ваше Высокопреосвященство... и принимая во внимание, что со дня упомянутых в справке (2) постановлений протекло уже более пяти месяцев, и, следовательно, Преосвященный Митрополит Евлогий и его единомышленники имели вполне достаточно времени, чтобы всесторонне обсудить все пагубные для Церкви последствия и всю каноническую недопустимость учиняемого ими нового раскола, определением своим от 24 декабря с. г. за № 261 ПОСТАНОВИЛИ:

I. Признать указ об увольнении Митрополита Евлогия от управления Русскими церквами в Зап. Европе вошедшим в силу со дня получения его в Париже в июне месяцев и всех Преосвященных Архипастырей, клириков и мирян, находившихся в юрисдикции Митрополита Евлогия, СВОБОДНЫМИ ОТ ВСЯКИХ ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕМУ КАНОНИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ.

II. Находящееся в Париже Епархиальное Управление (Совет и Собрание) УПРАЗДНИТЬ и все его действия отселе считать НЕ ИМЕЮЩИМИ КАНОНИЧЕСКОЙ СИЛЫ.

III. Преосвященного Митрополита Евлогия, как возглавившего собою новое «самочинное соборище» и учинившего раскол, ПРЕДАТЬ СУДУ АРХИЕРЕЕВ по обвинению в нарушении правил Свв. Апп. 34, 31; Двукр. 14—15; Вас. Вел. I и др. аналогичных, запретив Митрополиту Евлогию и единомышленным с

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ

ним Архиереям участие в Церковном управлении и совершение рукоположений впредь до их покаяния или до решения вышеупомянутого суда, с предупреждением, что в случае дальнейшего неповиновения они будут подвергнуты полному запрещению в священнослужении.

IV. Состоявшим доселе в юрисдикции Митрополита Евлогия Преосвященным Архипастырям и прочим духовным лицам ПРЕДЛОЖИТЬ, чтобы, имея в виду, что остающиеся в общении с учинившими раскол и сами подлежат одинаковому с ними суду, они ВЫРАЗИЛИ непосредственно Заместителю или Преосвященному Митрополиту Литовскому Елевферию свое ПОДЧИНЕНИЕ настоящему постановлению и свое решение и впредь состоять в каноническом ведении Патриархии в лице Заместителя.

V. Поручить Преосвященному Митрополиту Литовскому принять меры к возможно широкому оповещению находящихся за границей русских Архипастырей, духовенства, приходских общин и др. церковных учреждений о настоящем постановлении и выражающих указанное в п. IV подчинение и решение принять временно, впредь до новых распоряжений, в его, Преосвященного Митрополита, ведение, удовлетворяя их текущие религиозные нужды (касательно поставления священнослужителей, разрешения браков и пр.), с донесением о последующем Патриархии.

VI. ПОРУЧИТЬ тому же Преосвященному Митрополиту довести о настоящем постановлении до сведения Предстоятелей Автокефальных Православных Церквей, с просьбой Патриархии оказать возможное с их стороны братское содействие к прекращению возникающего нового раскола.

Сергий, митрополит Нижегородский

Декабря 24 дня 1930 года

КОММЕНТАРИИ

1. Архиепископ Владимир (Тихоницкий, 1873—1959), Белостокский. Скончался в сане митрополита Ниццкого.

2. Митрополит Герман (Стренопулос, 1872—1951), Константинопольский Патриархат. Хиротонисан на кафедру архиепископа Фиа-

тирского и Экзарха Западной и Центральной Европы в 1922 году. Участвовал в торжествах 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви в Москве в июле 1948 года.

3. Патриарх Сербский Димитрий, первый по восстановлению Патриаршества в Сербской Православной Церкви в 1920 году. Родился в 1846 году. В 1882 году хиротонисан епископом на Нишскую кафедру. Скончался в 1930 году.

4. Митрополит Дионисий (1876—1960), Варшавский и Волынский и всея Православные Церкви в Польше. В 1913 году хиротонисан на кафедру епископа Кременецкого. В феврале 1923 года избран на кафедру митрополита Варшавского и утвержден Патриархом Константинопольским Мелетием IV. Находился вне общения с Русской Православной Церковью до ноября 1948 года, когда по его прошению Святейший Патриарх Алексий I и Священный Синод восстановили каноническое общение митрополита Дионисия с Матерью Церковью.

5. Архиепископ Александр (Немоловский, 1875—1960), Алеутский и Северо-Американский. Скончался в сане митрополита Брюссельского и Бельгийского.

6. Свято-Сергиевский Богословский институт в Париже был создан митрополитом Евлогием (Георгиевским, 1868—1946), управляющим православными русскими церквями в Западной Европе. Институт продолжает свою многополезную деятельность и в настоящее время.

7. Послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и Временного Патриаршего Священного Синода пастырям и пастве Русской Православной Церкви от 16/29 июля 1927 года об отношении Церкви к Советскому государству.

8. Митрополит Макарий (Невский, 1835—1926), Московский и Коломенский.

9. Митрополит Вениамин (Казанский, 1874—1922), Петроградский и Гдовский, священномученик.

10. Архиепископ Владимир (Путята, 1869—1936 или 1941). Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917—1918 годов снял с архиепископа Владимира сан, а затем отлучил его от Церкви.

11. Епископ Иоанникий (Соколовский). В октябре 1921 года хиротонисан во епископа Бахмутского. С декабря 1924 года по март 1925 года епископ Омский. Лишен сана.

12. Архиепископ Виталий (Максименко, 1873—1960), Восточно-Американский и Джерси (Русская Православная зарубежная Церковь). Хиротония во епископа Детройта (США) была совершена в мае 1934 года.

13. Глубоковский Николай Николаевич (1863—1937). Выдающийся богослов и церковно-общественный деятель. Заслуженный профессор

Петербургской Духовной Академии, позднее — богословского факультета Софийского университета. Почетный член Московской, Киевской и Казанской духовных академий. В слове на его отпевании митрополит Софийский Стефан, впоследствии Экзарх Болгарский, назвал почившего величайшим авторитетом в библейской экзегетике православной богословской науки, могучим столпом Православия.

14. Патриарх Константинопольский Фотий II (1929—1935).

15. Патриарх Сербский Варнава (1930—1937).

16. Митрополит Антоний (Храповицкий, 1863—1936), Киевский и Галицкий. С 1919 года возглавлял Русскую Православную зарубежную Церковь.

17. Митрополит Анастасий (Грибановский, 1873—1965), быв. архиепископ Кишиневский и Хотинский. В 1936 году сменил митрополита Антония в руководстве Русской Православной зарубежной Церковью.

18. Архиепископ Иустин (Охотин, 1823—1907), Херсонский и Одесский.

19. Братство святителя Фотия, Патриарха Константинопольского (IX в.) находилось в Париже при Трехсвятительском подворье Русской Православной Церкви, созданном в феврале 1931 года в связи с переходом митрополита Евлогия (Георгиевского) в юрисдикцию Патриарха Константинопольского и нуждой в храме русских эмигрантов, сохранивших верность Матери Церкви. Начальником Братства был выдающийся богослов профессор Владимир Николаевич Лосский (1903—1958). Братство ставило своей задачей развитие служения и свидетельства нашей Церкви на Западе, защиту Православия.

20. Архиепископ Николай (Касаткин, 1836—1912), Японский, Начальник Русской Духовной Миссии в Японии.

В следующем номере:

•
Святейший Патриарх Московский и всея Руси
АЛЕКСИЙ II

«Подлинный старец бережно относится
к каждому человеку»

•
Митрополит Солнечногорский **СЕРГИЙ**
«Искушение духовничеством»

•
Митрополит Сурожский **АНТОНИЙ**
«Берегитесь, братья мои священники!»

•
Митрополит Смоленский и Калининградский
КИРИЛЛ

«Преодолеть разрыв между
богословием и жизнью»

•
Епископ Дюклийский **КАЛИСТ**
«Нужно молиться за всех»
Спасение по учению преподобного
Силуана Афонского